

Евгений Алехин

РУТИНА

КНИГА ВТОРАЯ

Е. Алехин
Рутина. Книга вторая
СПб: Ил-music, 2020. — 236 с.

Чтобы прожить жизнь, превращая ее в чувственные книги, нужно иметь крепкий член и не бояться мозолей от унылой работы, которая все время норовит тебя оскотинить.

Чтобы написать хоть одну чувственную книгу, нужно иметь острую совесть, не изменять жене и при этом изменить ей сто тысяч раз, как бы невозможно это ни звучало.

Чтобы прочувствовать и написать книгу, нужно разорвать свою черепную коробку и представить на обозрение благородной публики свой пульсирующий мозг.

— Ха-ха, — крикнет кто-нибудь в толпе. — Какая же у этого чувака дебильная куртка.

1. В первую очередь люди работают для того, чтобы зарабатывать деньги и обеспечить себе безбедное существование.
2. Стремление оставить след в мире. Бывают профессии, которые позволяют создать что-то полезное для человечества.
3. Работа человеку нужна для того, чтобы реализоваться как личность. Во время работы удастся открыть в себе скрытые способности и таланты, которые принесут не только пользу обществу, но и моральное удовлетворение.
4. Люди нуждаются в признании. Так приятно, когда твой тяжелый и упорный труд оценивают по достоинству.
5. В редких случаях работа может приносить удовольствие. Человеку очень повезло, если он нашел работу для души, которая не только позволяет зарядиться положительными эмоциями, но и заработать хорошие деньги.

Ответ поисковика на вопрос «Зачем мне работать?»

Ну любит он трахать жирных баб в очко, — это же нормальное желание. В остальном этот парень святой.

Реплика второстепенного киноперсонажа

1.

На выходные отказался возвращаться в город. Попросил, чтобы Женя дал мне дополнительную работу: то, чем смогу заниматься в эти два дня. Он сомневался, смотрел на меня как на болеющего ребенка, пережевывая гречку с тушенкой — разговор происходил за обедом в пятницу. Но я напомнил:

— С девчонкой расстался. Пить бросил. Что мне делать в Автово? Выпрыгивать из окна?

Женя изобразил на лице что-то вроде сочувствия.

— П-пойдем, — сказал он, вставая.

— Доедать не будешь?

— Покажу, п-потом доем.

Мы вышли из нашего вагончика, прошли через двор в дом, и Женя достал из кладовки стремянку. Мы поднялись на второй этаж. Когда он разворачивал и устанавливал стремянку, меня совсем накрыло. Как будто летел вниз головой в колодец навстречу усиливающемуся гулу, и чувство одиночества и свободы, страха и любопытства к смерти запульсировало болью в горле и давило слезами на глаза. Женя долез до люка, заглянул на чердак и сказал оттуда, сверху:

— Надо утеплить все здесь. Очень муторная работа, сам я не сп... Не справлюсь.

Он спустился, а я поднялся, засунул башку и часть туловища внутрь, в холодную темноту. Очень тесный и низкий чердак, а я не был ни кошкой, ни лилипутом. Но было что-то спасительное в таком ближайшем будущем: ползать и чесаться от утеплителя. Может, получится здесь все выплакать.

— Не спеши. Раскатай «изовер» по дну, потом забей щели.

Вечером Женя уехал, а я впервые остался на участке один, не считая Эдика. У него был свой отдельный вагончик, где он смотрел порнуху с телефона и в журналах, скачал по семье, пил чай и готовил плов. Эдику было чуть

за пятьдесят. Сначала у него был помощник, но того уволили, и Эдик остался один. Вроде его работа была проста: сторожил участок, приглядывал за нами (Женя был убежден, что Эдик — стукач) и безуспешно пытался делать какие-то мелкие ремонтные работы — чаще всего хозяева потом просили нас переделать.

Бойлер неделю назад сломался, и горячей воды не было. Но я не стал заморачиваться, не вскипятил чайник, помылся так. Холодный душ дал хотя бы минимальное ощущение жизни. Я врубил обогреватель на полную и сидел в постели с ноутбуком, глядя в экран — окошко в себя — мое спасение в темноте. Строки шли одна за другой. Почти не отрываясь, написал текст будущего шлягера «машинаестчеловека», тут же сделал минусовку: электронные барабаны, кажется, срезал у Афекса Твина, гитарный писк, усиливающий драматургию, позаимствовал у своей любимой Drive Like Jehu, добавил в припев сэмпл христианского эмо mewithout You. Давно я так не погружался в творчество, хорошо, что Женя забрал с собой свой дорожный роутер «йота». Когда трек был готов и несколько раз зачитан, было уже пять часов утра. Я вышел на улицу (тьма, ветер и ничего больше) обоссать забор на краю участка, подсвечивая себе фонариком с телефона. Снег падал на затвердевшую ноябрьскую грязь и сразу таял. Зашевелилась собака, заворчала, гавкнула.

Когда я уснул, то увидел себя с Сигитой и одновременно без нее — сон был продолжением трека, слышал помехи с комбиков, эхо от микрофона, шла подготовка концерта; я видел вьющиеся провода и ноги друзей-музыкантов, их инструменты, подключенные к аппаратуре, одинокую стойку, черной птицей стоящую на фоне пустого зала. Это была та жизнь, которую я должен прожить в качестве репера и писателя с именем «Евгений Алехин». Но в то же время мне

предлагалось проснуться в теле режиссера Вани, я раскладывался на реальности между своей и этой: уютный быт, я лежу в постели с ней, обнимаю и вдыхаю запах волос, она уворачивается от утреннего поцелуя, ведь мы еще не чистили зубы; нас ждет написание сценариев, работа в паре с Сигитой, теперь — моей женой, потом съемки, командировки, желание вернуться в московскую квартиру. Ее странные выходы, полусумасшествие, которое либо усугубится, либо пройдет с годами. Мои — Ванины попытки вернуть ее из мира грез и смиренное понимание, что это только ее выбор. Я мешкал: кем я должен стать, чтобы дотронуться до нее? Пока я мешкал, она теряла сущность, становилась образом. Уже не была. Вместо нее стало слышно как Эдик хрюкает во дворе, полощет горло, потом говорит с кем-то по телефону на узбекском языке.

Я открыл глаза.

Здравствуйте, ув. Новый день.

Выпил несладкий растворимый кофе, съел бутерброд с маргарином и пошел работать. Мне приходилось залезать на чердак с рулеткой, проползать между балок, делать замеры, потом спускаться, отрезать от желтого финского утеплителя и затаскивать куски-полоски на чердак. «Изовер», конечно, не стекловата, но все равно волокна оставались на теле и одежде маленькими синтетическими штрихами, и их прикосновение у моей кожи вызывало аллергический зуд. Хотя на чердаке было холодно, потел, что усиливало чесотку. Быстро я привык к зуду, но не привык к ломке по девчонке и усталости от ломки. Измучился от снов, которые видел, от работы, которую выполнял, от этого участка, от моего прораба и от узбека. От чердака, от настольной лампы, которую я затащил сюда, чтобы хоть что-то разглядеть на чердаке. Мне нужна была другая девчонка, другая

профессия и жизнь. Вся одежда пропиталась утеплителем. Пожалуйста, я хочу выбраться из тюрьмы. Когда чердак был утеплен, готов к зимовке, я выкинул штаны и толстовку, так как выстирать из них «изовер» казалось невозможным. Одинокие суббота и воскресенье прошли. Приехал Женя, похвалил мою работу, и мы начали подготавливать «теплый пол» в доме. Нужно было прикрутить трубки, наладить систему обогрева и залить все к чертям бетоном.

У Жени возникли какие-то проблемы с хозяевами, как понял, они задолжали ему денег. Кажется, у него начинался психоз, он говорил в один вечер:

— Я тебе говорю! Они нас п-подслушивают. Тут установлены жучки!

Женя грозил кулаком потолку, как будто спорил с богом, обращаясь же к заказчику:

— Ну что, Валера? На что ты обиделся? Я свою работу делаю, не надо мне яйца тисками сжимать!

— С тобой все в порядке, начальник?

Оказалось, что у них какие-то старые мутки и Женя через жену клиента был фиктивно оформлен на предприятии Валеры. Так он взял кредит, чтобы построить свой дом, где сейчас и жил с семьей. Машина тоже была куплена в кредит. Я был далек от того, чтобы понять его глупые и взрослые проблемы. Так мы сидели, Женя о чем-то кричал воображаемой прослушке, пока я наконец не сказал:

— Я устал, босс. Не хочу больше здесь работать.

Женя замолчал и уставился на меня.

— А как же дом? Надо его достроить. П-построить дом, тогда уже разбежаться. Мы должны этому дому.

— Ты, может быть, что-то и должен. Я просто подсобник. Да и то не очень хороший.

— Как это не очень? Один из лучших.

Мне не хотелось смотреть Жене в глаза. Я услышал смех Эдика с улицы. Через несколько секунд он зашел в наш вагончик без стука и, заливаясь, сказал:

— Пасматри! Старую!

Он протянул Жене помятую газету.

— Что такое?

Эдик тыкал Жене в морду похабными картинками.

— Старую ебут!

Он смеялся, как ребенок. Теперь я обратил внимание, что Эдик был одет по пояс сверху. На нем был свитер, из-под которого торчала футболка, не было штанов — лишь растянутые трусищи с шарами яиц да тапки-галоши.

— Ты чего, дрочил, что ли, там? — спросил брезгливо Женья. Но Эдик только махнул рукой.

— Какой драчил?! Я так не делаю!

До него дошло, в каком он виде. Немного смутился и, все еще посмеиваясь и мотая головой, ушел.

Я сказал:

— Ты всерьез думаешь, что Эдик шпион?

— В смысле шпион?

— К тому, что никто нас не прослушивает. Никто за нами не следит. Мы просто рабочие, хотя я и не знаю, что у вас там за отношения с Валерой. Но ты явно что-то преувеличиваешь.

Женья ответил, чтобы я не брал в голову. Просто он на взводе. С женой поругался из-за денег, постоянно приходится ругаться из-за денег.

Когда джип клиента Валеры въехал на территорию, мы заливали бетон. Бетономешалка стояла во дворе, ей управлял Женья. Он вливал бетон мне в ведра, и я бежал, коленями и спиной ощущая суровую тяжесть, выливать бетон на пол. Трубки теплого пола тонули в серой жиже — нервы, на которые нарастала плоть. Я возвращался за новой порцией, которую уже почти приготовил Женья, замешав цемент,

песок и воду. Возникла минутка, когда стоял один, отдыхал, и ко мне подошел клиент Валера. Он был в мечтательном расположении духа. Обычно не здоровался со мной, но тут протянул руку. Пришлось стянуть перчатку и пожать ее.

— Ну что, какие планы? — спросил клиент Валера.

У меня данный человек не вызывал уважения. Не знаю, сколько у него было денег и власти, но вкуса ему не хватало. Как-то летом он увидел меня с книгой, а потом привез мне какую-то отечественную беллетристику в духе Бориса Минаева, только хуже. «Тебе будет над чем задуматься», — сказал он.

— Планы такие: закончить и скорее уехать в город.

Он вдруг нахмурился. Живот, упакованный в рубашку, пузырился над ремнем. Я добавил, сглаживая:

— Надо потратить деньги. Сходить в парикмахерскую и обувной магазин, например.

Клиент Валера что-то пробормотал себе под нос и ушел. Я получил деньги, но как-то очень быстро их потратил. Купил себе сумку для ноутбука, заплатил за аренду квартиры, дал моему другу и соседу Косте на карманные расходы (он и его девушка Дарья уже жили строго в долг).

Еще у меня случилась интрижка на этих выходных — к Дарье приехала подруга Лена из Кемерова, наша землячка. Мы вчетвером пошли на концерт панк-группы «Последние танки в Париже» в старенький клуб «Мод». Мне было интересно посмотреть на вокалиста-поэта, который орет «Путин Путин Путин — свинья везде грязь найдет». Многие тепло отзывались о Лехе Никонове. Но народу было слишком много, и большинство из них выглядели как говнари. Или мне так казалось. Маленький клуб был забит под завязку. Я посмотрел на испуганную Лену и понял, что не хочу находиться здесь на трезвую. Мы оставили Костю с Дарьей и поехали домой на маршрутке. Снег с дождем стекали по окну, я держал руку между ее ляжками,

с Леной можно было не говорить, она не была болтливой. Мы зашли в аптеку, и я купил пачку «Сико». Толку мало, гондон порвался, я стянул его и почувствовал, что улетаю, что мне легче, что я получил обезболивающее.

— Кончи в меня, — сказала Лена.

— Зачем? — я вдруг вспомнил растерянного Эдика без штанов.

— Не волнуйся, сейчас можно, — сказала она. Добавила:

— Пожалуйста.

Лена была всего на три года моложе меня, то есть ей исполнилось двадцать, но, кажется, уже принадлежала к другому поколению. Не читала книг вовсе, зато у нее был смартфон, тоннели в ушах и татуировки на теле. Она использовала слово «фотокарточки» и вообще предугадывала, что скоро будет модным. Но это было на поверхности, я чувствовал, что Лена может быть преданной и что у нее настоящего — только грусть. У меня была пара недель, пока она не уедет, и коротенький роман поможет мне забыться. Возможно, и Лене тоже. У нее тоже только закончились длинные отношения с каким-то тридцатилетним любителем роликовых коньков, сидевшим у мамы на шее.

— Как скажешь, — ответил я. Сделал несколько движений и застыл на глубине в мучительной неге. Почувствовал, что она кончила со мной в один момент.

* * *

Стоило мне сесть в машину на станции Зеленогорск, как Женя вместо приветствия недовольно сказал:

— Ты чего такого наговорил хозяину?

— Какому еще хозяину?

— Нашему. Клиенту нашему. Валере.

Я удивленно скорчился. Ничего. Что случилось?

— П-пожаловались на тебя. Нахамил, говорит.

Немного покопавшись в памяти, вспомнил, что клиент Валера задал мне какой-то тупой вопрос, на который я не смог найти столь же тупого ответа.

— Слушай. Я не понимаю, что у вас за отношения. Если ты хочешь сосать шнягу, я не готов участвовать.

Жене нечего было ответить. Наверное, такая аналогия в его мозгу блокировалась, картинка не вырисовывалась. Минуту ехали молча. Он сказал:

— Ты п-поаккуратнее выражайся. Мне они и так все мозги затрахали.

— Извини, патрон.

Приступать к работе очень не хотелось. Я попросил Женю раздать мне интернет, сказал, что нужно отправить пару рабочих писем, касающихся литературных дел (почему-то Женя считал меня настоящим писателем в отличие от Марата — может быть потому что я участвовал в московском форуме и печатался в толстых журналах). На выходных я даже не выходил в сеть, но оказалось, что пришло всего одно сообщение вконтакте.

Оно было от Сигиты: «Как у тебя дела? Я каждый день плачу и очень скучаю».

Я так психанул, что даже откинул ноутбук на край кровати, стоявшей в вагончике. Постоял полминуты, потом взял себя в руки и ответил: «Наверное, скучаешь, пока он возит тебя в своей тачке, а плачешь, когда тычется тридцатисантиметровым хуем».

Замер. Подумал, поставил скобочку — первый в своей жизни смайлик.

Надо было оттереть остатки бетона с крыльца, вычистить газон. Хозяева сказали, что мы оставили за собой свинарник. Женя поручил уборку мне, сам же ковырялся внутри дома, подрубал отопительную систему. Я стоял здесь, в холодном ноябре, и смотрел на участок. Больше не

могу находиться здесь, так я решил. Семь месяцев достаточно. Заглянул через окно: что он там делает, мой босс? Он внимательно читал инструкцию от желтой шайтановой машины, из нее торчали трубки и провода. Женя держал книжечку левой рукой, правой поглаживая отопительную систему. Она напоминала мотор огромного автомобиля, у которого выросли осьминожки щупальца. Насколько глубоко Женя погрузился в чтение? Успею ли я?

Нельзя было терять ни минуты. Я быстро зашел в вагончик, собрал свои вещи, переоделся. Нашел ручку и листок бумаги. Нашел скотч. Приклеил записку к двери вагончика: «Женя, прости пожалуйста, но больше не могу работать. Удачи, обнял». Денег у меня совсем не было, только жетон на метро, но я отключил телефон и вышел на трассу. Первая же машина, какая-то разбитая «шестерка», остановилась, когда я вскинул руку.

— Вы в Питер?

— Садись.

Судя по виду, они были двумя подсобниками, как и я. Спорили всю дорогу. Я сидел на заднем сиденье и слушал их странный разговор.

— Говорим, что света не было, так? — Так. Но если он проверит? — А как он проверит? — Ну как-то проверит. — А что нам сказать? Может, типа что-то у твоей жены случилось?

Они меня высадили у Комендантского проспекта.

— На бензин можешь докинуть?

— Простите, мужики. У меня ноль. Сам только что свалил с объекта.

Я был свободен. Марат звал устанавливать двери с ним, но это завтра или позже. Я подумал о Лене, о том, что проведу с ней эту ночь, и у меня встал.

Рано лег, проспал десять часов и еле заставил себя выйти на пробежку. Обычно выхожу в пять сорок, но сегодня спустился на улицу чуть позже шести. Даже дедушку-швейцара не пришлось будить. Раскладушку он собрал, и было слышно, как схаркивает в раковину, умывается в уборной за стойкой регистрации. Ключ лежал на полке; я открыл ворота сам и побежал трусцой. День уже поймел власть над ночью. Люди мешали мне на тротуаре, пока бежал вдоль берега моря по плитке, имитирующей брусчатку. Слева — гостиницы, готовые к новому сезону и еще недостроенные, магазины, которые вот-вот откроются, рестораны, где персонал только заступает на смену. Справа вода бурлит и бьется о каменный волнорез, готовая выпрыгнуть, дотянуться до меня, до других бегунов, до вьетнамцев, китайцев, реже русских, делающих зарядку. Оббежал их всех — навстречу небольшой горе. Осилил всего полкилометра, хоть бежать здесь хорошо, переключился на размеренный шаг. Сил нет, видимо, вчера перестарался. Дошел до своего любимого маленького пляжа, где обычно по утрам плаваю вместе с группой местных пенсионеров. Но их уже не было. Стало одиноко, не захотелось плавать без них между пустым берегом и пришвартованными рыбацкими лодками. Решил сперва написать эту главу, а потом пойти на пляж, перед обедом или на закате.

2.

Марат сказал:

— Мы сейчас находимся в романе. Это все материал для одной из твоих лучших книг. Живете чуть не вдесятером, как в бараке, воруете еду в магазинах, ну и главное, конечно, это наша работа.

Когда я просыпался, как правило, все еще спали. Наша с Леной берложка была за шкафом, на икеевском тонком матрасе, под журнальными вырезками, приклеенными Костей и Дарьей на стену. Под молодым Томом Йорком в болотном дождевике, по пояс голой Кейт Мосс, стоящей спиной и повернувшей отрешенный взгляд в объектив, под какими-то цитатами и случайными страницами. Поживи в этом моменте, говорил Марат. Прошлое не вернуть. Я вставал, целовал Лену, она сонно улыбалась. Подсвечивая себе дисплеем мобильного, перешагивал через Вовика Негра-Негра (обычно он спал один, но несколько раз приводил баб — это были, как говорится, «шавки» в футболках-поло «Лакост» или что-то типа того, простые и раскрепощенные), тихонько ступая, изредка спотыкаясь о книги, которыми был усеян пол, проходил мимо платонической пары Костя-Дарья. Они спали ближе к выходу из комнаты, их головы были почти под хлипким столиком Кости, рабочее пространство над которым было украшено портретом величайшего писателя Кирилла «Сжигателя Трупов» Рябова, сделанным в офисе магазина бытовой техники, когда я покупал на его имя ноутбук в кредит.

На кухне я ставил воду для овсянки, реже готовил яичницу, делал легкую зарядку-разминку. Тут было довольно тесно, чтобы отжаться, нужно было поставить табуреты на стол. Моей спине не очень нравилась эта работа. После завтрака делал контрольный звонок Марату — да, проснулся, собрался — укладывал сумку с инструментом на тележку с колесиками, в коридоре, почти на выходе как

раз заставлял сонного Вовика Негра-Негра, трущего свой нос и прическу одной рукой, почесывающего яйца в семейниках другой, нехотя собиравшегося продавать унитазы.

— Толерантная зига! — говорил я ему полупшепотом.

— Хуй мусорам, — отвечал он, подмигивая.

Мы говорили, что живем в «Автово», но это было не совсем так. На таком же расстоянии, даже чуть ближе, было метро «Проспект ветеранов», где жил Марат с женой, ее родителями и сыновьями. Просто говоря «Автово», наверное, я и Костя пытались приблизить центр города, до которого было от нас ехать и ехать.

До Марата я добирался на троллейбусе.

— Здравов, сынок!

— Добрейшее, отец!

Спускались в метро или прыгали на маршрутку, два работяги с сумками, запачканными монтажной пеной. Я дремал, и время шло очень медленно. Думал о сексе с Леной, хотел провалиться в воспоминание о минувшей ночи, о том, как мы лежим за шкафом в позе «чайные ложки» и слышно, что Костя с Дарьей смотрят сериал или фильм, только в оригинале (Костя же сноб!). Приходится делать все очень тихо, дышать только через нос, не издавая ни звука, и от этого возбуждение нарастает. Половой хуй набухает в Лене, медленно-медленно достаю до дна колодца и возвращаюсь ко входу, дразню, скользя по поверхности, пока желание не заставляет погрузиться в нее вновь. Лицевые мышцы дрожат, сдерживая всхлип. Чем медленнее все делаешь, тем сильнее хочется застонать. Кончаю Лене на ногу и слышу Костин робкий смешок. Он нас слышит? Нет, просто в фильме Тодда Солондза отец, объясняясь с плачущим сыном, признается, что растлил его десятилетнего друга.

— Would you ever fuck me? — спрашивает сын.

— No. I'd jerk off instead, — отвечает отец.

— Ой-ой, — говорит Дарья.

Хотелось, чтобы путь длился и длился. Но мы внезапно приезжали, светало, ждала работа, неотвратимая как гильотина. В стране был очередной кризис, Костя и Дарья категорически не могли найти работу, Лена пока нерешительно присматривалась к разным объявлениям в сети и на бумаге. Падение рубля сказалось и на ценности нашего ремесла: Марат говорил, что год назад платили существенно больше. Но и так он отдавал мне сорок процентов, и получалось лучше, чем с Женей на заливе. Работа была потяжелее, зато она постоянно менялась, новые квартиры, новые клиенты, новые районы. В среднем мы устанавливали три межкомнатные двери в день, но случалось и пять.

Входя в очередную квартиру, я сразу принимался снимать старые двери, выламывать проемы. Орудовал гвоздодером, устанавливал его между деревом и бетоном, со скрипом раздербанивал старые толстые гвозди и доставал, как нервы из зубов. Засохший коричневый выдергивал с помощью старого зубила. Марат заполнял бумаги, проверял, нет ли брака в материалах, пересчитывал полотна, замки, наличники. Когда один проем был готов, мы делали замер по высоте, иногда ломали бетон, иногда подрезали дверь, и пока Марат подготавливал новую коробку — фиксировал ее в проеме — я врезал петли, погружал их в полотна. В середине дня пили чай, иногда клиенты предлагали поесть, а иногда просто ставили перед фактом: стол накрыт, заходите на кухню, мы не будем вам мешать.

— Котлеты, — сказал как-то я. — Придется тебе съесть четыре штуки.

— Сынок, это пиздец.

— Давай я просто им скажу?

— Нет, я съем.

— Зачем себя насиловать? Ну не ем мясо, что тут такого?

Марат почему-то очень стеснялся:

— Строитель не может быть веганом, сынок.

— А я и не веган, не путай.

Он махнул рукой, переложил мне в тарелку гарнир и принялся за свои и мои котлеты. Мне еще было далеко до веганства, но уже исключил из рациона свинину, говядину и молочные продукты, почти перестал есть рыбу. Оставались курица и яйца, скоро нужно было расстаться с ними.

— И зачем ты это придумал? Геморрой этот? — спросил Марат, измученный обедом.

Эта беседа повторялась много раз.

— Чувствую, что так правильно. Если не иметь никакой этической опоры, зачем тогда все?

Мой любимый момент — когда все новенькие двери в квартире уже установлены и можно было брать монтажный пистолет. Встряхнуть заряженный баллон, ножом срезать с носика засохшую пену и с шипением заполнить расстояние между коробкой и стеной.

— Это как с *прозой-ру*. Мы с тобой договариваемся, что больше не сидим там. Договариваемся, что пишем по книге, не размениваемся на соцсети. Но ты создаешь новый аккаунт, чтобы переписываться с украинскими графоманками. Отец, ты так не вынесешь из хаоса свой шедевр, свою книгу.

— Ты глуп, сынок. Если думаешь, что твой нимб тебе поможет, ты просто глуп. Любовь и творчество не любят контроль.

— Да, но в прошлый раз ты говорил обратное!

Мне больше нравилось врезать замки, но Марат заставлял меня обналичивать. Это получалось у меня хуже всего, я долго не мог сделать аккуратный угол, чтобы дверь выглядела идеально, чтобы наличники четко сходились, не оставляя никаких щелей.

— Если ты этому не научишься, то все не имеет смысла.

Он почему-то всерьез злился, если я мухлевал. Например, замазывал щелки смоченными опилками или подкрашивал фломастером под цвет. Выглядело норм.

— Бог в мелочах. Не имеет смысла браться за работу, если ты халтурить.

Я знал, что то, как мы делаем — это очень хороший уровень, и думал, что причина раздражения в чем-то другом. Иногда я ездил на заказы один — делать мелкий ремонт по гарантии от фирмы или вносить правки после других бригад, многие работники которых были узбеками, некоторые белорусами и украинцами, совсем редко русскими, — и всегда замечал, что у нас с Маратом все красивее, аккуратнее. Приходя в гости, я смотрел, как установлены межкомнатные двери, насколько ровны зазоры, как поворачиваются ручки, как работают замки. Я знал, что мы хорошая команда, но Марату хотелось делать еще лучше.

После тяжелых смен я смотрелся в зеркало в ванной. Появлялись мешки под глазами, как у покойника. Что-то новое было во взгляде, я выросел, становясь мастером этого случайного дела, проходя через новые жилища, через судьбы людей. Я отмачивал руки в горячей воде, вытаскивал из пальцев занозы, принимал душ. Лена стучалась в ванную: пошли ужинать. Я открывал, затягивал ее к себе, раздевал. Лена вставала на колени, глядя мне в глаза, как преданная собака, брала в рот. Если задеть за ржавый кран — било током.

Обычно у меня был один выходной в неделю, реже два. Мы ездили в торговые центры или книжные магазины.

— Вы с Костей умные, — сказала она. — Не как другие мои знакомые.

— Да. Но это не ум, просто другой стиль.

Чтобы понять, чем мы отличаемся от ее прежнего круга: наркоманов, меломанов, роллеров, подростков, не знаю, пэтэушников, любителей ночных дискотек и других

кемеровских ребят; она прочла все мои рассказы и повести, прочла, что писал Костя, Марат, даже Сжигатель. И теперь хотела прочитать книги, которые сделали нас такими. Поскольку мои деньги уходили на лечение виртуального простатита (в необходимости лечения меня убедила подлая «Ом-клиник», шарлатанская конторка!), на квартиру и на оплату кредита за ноутбук, мы предпочитали не покупать книги, а воровать. Обычно мы засовывали по паре книг в карманы зимних курток за один раз. Только сетевые магазины, это понятно, те, где не было ворот на входе, либо же можно было завернуть книги в фольгу, если нужна есть только в оборудованном защитой от краж магазине. Также Лена научила меня воровать одежду. После того, как они с Дарьей поработали в магазине «Нью-Йоркер» в Кемерове, она понимала, как лучше это делать. Впервые у меня было из чего выбрать, разрастался модный гардероб. Впервые у нас четверых была хорошая библиотека, много любимых и тех, которые читаешь для галочки, книг: от «Романа с кокаином» в двух разных изданиях до «Мира как супермаркета» Уэльбека, от «Ногтей» Елизарова до «П5» Пелевина, от Толстого и Достоевского до Макса Фриша и Айрис Мердок. Потом Лена ради интереса написала два рассказа. Недолго думая, названия она взяла у Буковски: «Мужик» и «Христос на роликах». Оба полуавтобиографические. Меня удивили сдержанность, совершенство внутренней аранжировки ее текстов и отсутствие орфографических ошибок. Если бы я был лидером секты или террористической организации, то несколько таких адептов как Лена дали бы мне возможность совершить несколько революций.

Но сначала я думал, что она очень глупа, тем Лена мне и понравилась. Оказалось, что за несколько дней до поезда ее отравили клофелином. Она собиралась в отпуск, пошла на ночную вечеринку, и там ей подмешали, хотя

воровать у нее было особо нечего. Может быть, просто хотели трахнуть? Кто-то из знакомых ее доставил к маме. Пару дней Лена приходила в себя, за это время ее уволили, решив, что она на наркоте. Еще был ментовской допрос, когда ее бывший хахаль пропал на несколько дней после угроз самоубийства. Лена, как во сне, села на поезд до Петербурга, где ехать пришлось настолько долго, что у нее даже случился вагонный роман с каким-то дембелем. Он смекнул, что девчонка не в адеквате, занавесил плацкартное место простыней и поставил Лене пистон под стук колес о шпалы. Он сошел на какой-то полусуществующей станции типа «Бологое», предварительно признавшись в любви и попросив Лену сфотографировать его на смартфон. «Молодой Вуди Харельсон» — такое имя дал Костя этой фотокарточке. Даже приехав к Дарье, Лена спала очень много. Могла уснуть днем или ночью, утром или вечером. Все стало неважно после отравления. И вот она услышала мой голос, лежа у нас в квартире, — я только приехал с залива в пятницу вечером и о чем-то говорил с Костей. Она вслушалась. Мы были ровесники, но я разговаривал с Костей как, может быть, с племянником или сыном. Что с работой? Сколько денег надо? Как у тебя продвигаются тексты? Он что-то ответил.

Я сказал:

— Логично.

У Лены иногда возникали шутки только для собственного пользования. Она увидела меня и сказала:

— Ты логист, — тихонько засмеялась, обнимая мягкую игрушку. А когда мы уже стали парой, узнав, что я учился на сценарном, она сказала:

— Ты тамада!

И так же тихо засмеялась. А потом я бросил работать с Женей и предложил ей не возвращаться в Кемерово. Она казалась очень честной, я решил сразу узнать все, что мне

нужно, чтобы особо не терзаться, и она отвечала со всеми подробностями, которые мне были нужны. Сколько у нее было мужиков, кому и зачем она отсосала, от кого уходила сама, кто как к ней относился. Были в ней странности — например, она вообще не дровича. Расспрашивал про подруг, одна из которых, красавица-модель, на спор сделала Лене куни. В ней не было как будто своего желания, но была изящная женственность, несмотря на свою склонность к полноте, она была очень мобильной, легкой на подъем, загоралась рядом с другим человеком, но в одиночестве гасла, без любви оставался лишь мрачный угар. Когда было для кого жить, ей не было равных как бабе, притом что она не была одной из тех, на кого принято западать. Позже, в середине зимы, от нас съехал Вовик Негр-Негр, и квартира, разделенная шкафом, теперь вполне годилась для нас: Кости и Дарьи, меня и Лены. Был какой-то баланс, но недолго, как только ты замечаешь счастье, понимаешь, что его уже и нет.

* * *

Нам открыла сухая и бледная, почти уже неживая, бабушка. Она сказала:

— Ой, мальчики. Подождите.

Мы топтались в коридоре. Она ушла куда-то вглубь квартиры. Слышно было, как бабушка говорит по телефону. Диктует адрес, договаривается о цене. Я установил поудобнее сумку-тележку с инструментом. Выключатель не работал, мы замерли в полумраке, на сквозняке.

— Ого, что тут есть, — сказал Марат.

Теперь я заметил, что прямо перед нами у стены стоял стол, на котором, накрытое простыней, лежало человеческое тело. Машинально я приподнял край простыни. Это был труп крупного мужчины за тридцать.

— Сынок, ну ты совсем поехал? — зло прошептал Марат. Бабушка вернулась. Она вздохнула и сказала:

— Мальчики. Приходите лучше завтра. У меня тут сын умер.

— Как вам будет удобно, — сказал Марат.

— Извините, что не предупредила, — сказала бабушка, — забыла. Это он договаривался о дверях.

Почему-то я не мог так сразу уйти. Я сказал:

— Дайте только посмотреть, все ли на месте. Двери, наличники. Чтобы завтра сразу приступить к работе.

— Жень, — выразительно сказал Марат.

— Да, конечно, — сказала бабушка. Она провела меня в одну из комнат, где я все пересчитал и сказал, что все в порядке. Я это все выдумал или я правда чувствую какую-то магическую вещь? Казалось, покойник рядом, его дух еще здесь. Смерть говорила со мной, но я не разбирал речь. На улице я хотел было извиниться перед Маратом, на что он только рукой махнул.

— Да я понимаю. Просто перед бабулей неудобно. Я понимаю, что это интересно все, материал. Приходишь работать, а на столе жмур. Или, помнишь, эта пожилая дама? Ха-ха, помогите, мальчики, мне надо утку поменять.

— Или двадцатилетняя Анна Петровна! — подхватил я. — Марат, да знаете, в Эрмитаже есть такая картина...

Через неделю Марат пропал. Заказы я не мог брать сам, так как на фирме оформлен был только он. У меня же не было ни прописки, ни даже регистрации. Поэтому я сам установил двери в последней квартире, потом просто гулял с Леной, ждал, тратил последние деньги. Лена с Дарьей пошли устраиваться на работу официантками, а им сказали, что нужно будет сосать члены. Наверное, кризис — какой-то водоворот, он всегда с тобой, и может касаться любой сферы жизни. Но еда в «Пятерочке» была для нас бесплатной.

Курс лечения простатита в шарлатанской больничке «Ом-клиник» подходил к концу. Болезненный массаж, целебное электричество в очко, антибиотики. Я ехал на последнюю процедуру в теплый и влажный день. Лил дождь, снег под ногами превращался в грязное месиво. Я лег на кушетку, спустил штаны, подогнул ноги под себя. Женщина в халате вставила мне пластмассовую палку в задницу и запустила аппарат. С моими сосудами происходило что-то дико полезное.

— А вы как добираетесь? — спросила медицинская женщина.

— Простите?

Было очень странно вести светскую беседу в таком положении, но я все-таки отвечал.

— Не пойму такую погоду. К чему готовиться, как добираться до работы. Вы на такси или пешком?

Оказалось, что Марат развязал и уехал, по-моему, в Луганск к какой-то писательнице, наставником которой он был на сайте *проза-ру*. Он неделю трахался как юнец, пил алкоголь, выяснял отношения с бывшим ее мужем. Потом деньги закончились, и он вернулся обратно. Но все это я узнал не сразу, сначала просто был звонок:

— Прости, сынок, я сильно болел.

Когда я пришел к Марату, мы говорили на лестничной площадке — у него с тестем и тещей отношения были так себе, поэтому я ни разу не заходил к нему в гости. Марат выглядел как провинившийся подросток:

— Дай пару дней. Мне надо поправиться, и продолжим работу.

Поправлялся он так: ложился под капельницу, разговаривал с психологом, после чего ему ставили какой-то укол, после которого он не мог пить еще год.

Последнее время я плохо спал. Мне все надоело, я скучал и мечтал. Недавно у нас с Костей вышел альбом «детский психиатр», но ни одно интернет-СМИ его не

заметило. Я думал, что надо, наверное, перебираться обратно в Москву, как-то продвигать творчество. Еще мне предложили сняться в двух короткометражках. Я сказал Марату, что ближе к апрелю хочу покинуть Петербург. Он сказал: подумай. Пока есть силы, можно заработать. Не хотелось его бросать, но когда я вернулся домой и сел с Леной ужинать, то услышал, как Дарья хнычет в комнате.

— Что такое? — спросил у нее Костя. — Дарья, что случилось?

— Они съели весь горошек, — ответила она, подражая интонациям избалованного ребенка.

Лена покачала головой. Неправда, сказала она. Это как раз Дарья никогда не следит, чего не хватает в холодильнике. Лена заплакала. Она казалась мне еще совсем подростком в этом домашнем платье с изображением каких-то зверушек, со своими толстенькими ножками и плоским животом, и я подумал, что она, кажется, устала в этой консервной банке на краю мира, где безработные соседи встают в шестнадцать часов и все дни проходят во мраке. Сколько книг она прочитала за пару месяцев на этой кухне, сколько неловкости испытала, сталкиваясь с вечно сонным Костей.

— У нас будет отдельная комната, но только в Москве, — пообещал я.

А) Живи в моменте. Проявляй любопытство, — говорю себе, заплывая за буйки. Все что тебе досталось неповторимо.

Но тут же отвечаю. Во всем есть какая-то гадкая мелочность. Как будто каждый фрагмент бытия пакуешь в пленку, укладываешь на шкаф, сохраняешь для своей беспомощной старости как альбом фотографий.

Б) Фотокарточки, говорила она. Можешь не менять мое имя, пиши как тебе хочется. Ревновать некому, мой муж даже не умеет читать, людям, с которыми я работаю, нет дела до вашего мелкого мира искусства. Дело не в том, что не важна твоя книга, а в том что в принципе не осталось важных вещей.

В) В полной степени понять и поверить можно лишь того/тому, кто умер. К тридцати пяти годам у тебя будет семь или восемь книг, говорил он. Их еще больше, хотя и тут нечем гордиться.

Г) Еще не привык к этому месту купания, каждый раз страшно: что там внизу, между телом и дном? Это я пишу нас с тобой, Марат, или мы написали парня в купальных шортах на берегу южно-китайского моря? Выходишь на берег в поисках своей футболки и сандалий, ложится на песок, пытается отсрочить свою работу — которой обязан нам.

3.

Лена уехала на сессию, а мне оставалось немного поработать, чтобы потом переехать в Москву и ждать ее там. Последнюю смену с Маратом я провел, лежа на полу и глядя в потолок. Я еле дотащил до места инструмент и слег. Какой там вырывать дверные коробки, мне тяжело было даже просто стоять.

— Раз так, сегодня будешь развлекать меня беседой, — сказал Марат. — Пока я ставлю дверь, набросай мне фабулу предстоящей жизни в Москве.

Я рассказал ему следующее, ваяясь на старой двери. Есть у меня приятель режиссер по прозвищу Дэц, чувственный трудолюбивый мальчуган. Дэцом мы его окрестили за то, что на абитуре он носил дреды. Я отдал Дэцу сценарий, который почему-то всем нравится. Это который? Да «Бой с саблей». Ну да, сынок, хороший сценарий. Так вот, режиссер Дэц хочет, чтобы я сыграл там одну из главных ролей. Я сказал, что готов играть только за деньги, хотя бы десять тысяч рублей. Цена небольшая, и он потянет. Деньги он, как я понял, заработал на этот фильм на какой-то рекламе. Затраты приемлемые, учитывая что оборудование: свет, камеру «Рэд» с объективами, штативы и рельсы, — все это ему бесплатно даст продакшн, на который он работает. А второй фильм будет снимать Лео, другой мой кореш. Этот такой псевдоинтеллектуал, пишет и прозу, кстати. Там я играю немного психованного повара в кафкианской гостинице. Получу тоже пять-десять тысяч рублей, этот фильм оплачивается вгиковским бюджетом и будет сниматься на пленку. Может быть из него и выйдет что-то путное, я верю в Лео, он очень талантливый пацан.

Я уже снялся у него в «Татре», и если бы не его толстяк соавтор, тупой сынок своих родителей, к которому ушла Сигита, я бы назвал этот фильм хорошим. После этих фильмов планирую устроиться на какой-нибудь склад, полгода подумать о жизни, ну и, конечно, писать.

— Желаю удачи, сынок. Не забывай отца, когда разбогатеешь.

— Разбогатею вряд ли, но когда-нибудь издам наши книги.

— Главное пиши, издатель как-нибудь найдется, — махнул рукой Марат. — С тебя, ха-ха, пансионат для меня, старого и больного. Планирую написать великий роман, который отнимет всю мою жизненную силу!

К вечеру мою спину немного отпустило. Я собрал нужные вещи, — все уместилось в один рюкзак — попрощался с Костей и Дарьей и поехал к Валере Айрапетяну на Гражданский проспект. Валера пригласил меня раздеться и улечься на массажный стол. Потискав, сказал:

— Ну да, вижу. Несладко твоей спине пришлось. Сейчас починим, сынок.

— Ты знаешь, что у Сэлинджера тоже была погремуха Сынок? — спросил я.

— А у Хемингуэя — Малыш, — засмеялся Валера. — Как там твоя простата? Помог курс?

— Такое чувство, что когда начинает болеть спина, начинает болеть и простата. И даже желудок.

Валера месил мою спину, как тесто. Он сказал:

— Сынок, я думаю, проблема вот где. Я как раз с очередным кризисом вспомнил девяносто восьмой. Помнишь, там постоянно по телевизору рекламировали средство от простатита?

— Да! Как будто какой-то новый русский пидор купил сто вагонов и хотел всю страну убедить, что им надо лечить письки! Черт, это же реально тогда началось. До этого ведь мы и слово «простата» не знали.

— Точно, сынок. Сколько лет тебе было?

— Тринадцать.

— Ну вот, тринадцать лет. Мне было лет восемнадцать. Ты же чувствительный подросток был, любитель рэпа, и тебе это внушили. Когда у людей не было ни

денег, ничего, а тем более у нас, у подростков. Все, чего нам хотелось, — найти красивую девушку и засунуть в нее хуй. Но нам говорят с каждого экрана: простатит, аденома, импотенция!

— Да ты умен, батя!

— А то. Массируешь тело, понимаешь душу. И еще я знаю, что всегда простата — это чувство вины. За что вину ты чувствуешь?

Тут он был прав. Я не очень понимал, в чем дело, но чувство вины всегда было со мной. Может быть, из-за смерти матери, может быть, это просто была неотъемлемая часть меня.

— Будь здоров, сынок! — он хлопнул меня по спине, сеанс психотерапевтического массажа был закончен.

Валера поставил мне обезболивающий укол с опиатами. Эффект был не только обезболивающий, но и наркотический, похоже, он не учел, что я сильно похудел, переходя на строгое вегетарианское питание. За ужином Валерина дочь дразнила меня:

— Тебе столько лет! — и показывала по пять пальцев обеих рук снова и снова. — Сто двести тысяча пятьдесят сто лет.

— Кушай, дочь.

Эта игра уже не первый год у нас продолжается с Валериной дочерью, но на этот раз я просто кивал, погруженный в какой-то бредовый ласковый полусон. Потом меня уложили спать в детской. Свою дочь Валера и его жена забрали к себе.

— Ты чего, сынок? — спросил Валера.

— Хорошее обезболивающее, — ответил я и лег среди мягких игрушек в комнате первоклассницы, и мне казалось, что я действительно Валерин сын. Было очень хорошо. Только вот с утра действие опиатов еще толком не закончилось, и когда я поехал на трассу, сильно мазало.

Помню, я шел по дороге, вяло вздернув руку, смотрел куда-то вдаль и думал, что хорошо бы просто идти так и идти, пока не потеряешься в пути. Это продолжалось, наверное, целый час. Наконец меня подцепил зануда на джипе, он ехал со своим сыном. Сын сидел сзади, пацан лет десяти. Я сел спереди. Водитель спрашивал, я отвечал. Говорил, что еду сниматься в фильме. Он спросил что-то про ВГИК, приятно, говорит, встретить интеллигентного человека. Я мычал «угу» и кивал, «да-да». Это приятно вас встретить, доброго человека. Потом пришлось ехать в электричке от Химок. Я стоял в тамбуре, уставившись в окно, когда меня ткнул молодой гопник в белой ветровке:

— Че смотришь? — спросил он.

— Мы, случаем, не знакомы? Кажется, я был на вашем спектакле, — ответил я. Точно, чувак напоминал мне какого-то актера, с которым когда-то пересекался по учебе, хоть на спектакли, понятно, я сроду не ходил.

— Ты еще и лыбишься, сука? — сказал гопник и рассмеялся. Он, кажется, был тоже под чем-то, как и я. Но тут вышел его дружок и утащил гопника.

— Я запомню тебя! — заорал гопник.

Страшно не было, я просто смотрел и улыбался. Вот она какая, Москва, если въезжаешь через Химки. Мне предстояла первая смена в фильме у Дэца. Мотор был запланирован на десять вечера. Я добрался на три часа раньше и, пока шла подготовка, уснул.

Когда я засыпал, никого не было кроме Дэца и Авдотьи — будущей королевы московской моды, тогда она еще была студенткой художественного факультета. Когда я проснулся, в этой квартире была куча людей. Помимо моего напарника актера, исполнителя второй главной роли, тут были одноклассники Дэца, одноклассники оператора, был даже Илья Авербах, мой бывший товарищ,

отказавшийся от дружбы со мной из-за того, что, как я подозреваю, потому что сам же и присунул моей бабе! Вот он, здесь. То ли фильм действительно был исключительный, что всем хотелось посмотреть первую смену, то ли у них было принято приходить всей толпой и мешать другу другу делать что-то стоящее.

Я подошел к Илье Авербаху и встал рядом с ним, пока он с кем-то общался. Илья Авербах кивнул мне как незначительному знакомому и отвернулся. Я уж не знал, то ли броситься к нему в объятия и попытаться нашу дружбу поднять из пепла, то ли дать ему в челюсть. Я заорал так, чтобы он испугался:

— Где мне сожрать что-нибудь по вегану, Дэц?!

— Посмотри в тех пакетах!

Я засел в углу, недовольно напился растворимого кофе и съел винегрет. К моему удивлению, к команде «мотор» все лишние люди рассосались. Остался только оператор и его ассистент, Дэц и его ассистент, звукарь и Авдотья, отвечающая за красоту в кадре и за грим. Комната была задекорирована в холостяцкую берлогу, был элемент утопического безвременья — это Дэц с Авдотьей круто сделали. Подходило под мой сценарий, — у меня было правило, что герои не пользуются мобильниками, не сидят за ноутбуками, не переписываются в ай-си-кью, чтобы скука дней наших не попадала в фильм. Здесь все соответствовало и даже превосходило мою задумку.

Снимали мой монолог. Я говорил своему молодому напарнику, актеру Вове:

— Я-то как раз умею обращаться с женщинами. — флешбек, как я лежу в проеме, подложив голову под дверь, как под лезвие гильотины, не давая девушке прогнать меня: «Давай закрой за мной дверь!» — Но хочу тебе рассказать свой сон. Мне приснилась твоя подруга, Таня, почему-то я должен был

с ней переспать. Но не знаю, кажется, я был тобой в этом сне. И вот я, или же это был ты, Стасик, раздеваю Таню.

— Я не хочу это слушать! — он покачал головой одновременно встревоженно и насмешливо. Неплохой актер, подумал я.

— Да там ничего страшного, братан. Короче, я ее раздеваю, но ты не ревнуй. Раздеваю. Но вдруг вспоминаю другой сон. Мне снилось, что у всех девчонок были зубы в вагинах. И я думаю, что, значит, придется пойти другим путем. Не хочется, чтобы шляпу мою откусили.

— Боюсь, мне придется кинуть в тебя перчаткой, брат, — сказал актер Вова полувопросительно. Да, вгиковская школа не так плоха, как о ней говорят, подумал я.

— Нет, во сне я понимаю, что это не моя девушка, и приходится заменить ее на любую другую. В общем, я хотел сказать, что наше дело, наше решение преступить закон настолько нас сблизило, что мое подсознание слило нас воедино в этом сне. И, чтобы отделиться от этого, дорогой сиамский близнец, слияния, чтобы отрезать тебя, я говорю: «Нет, Таня!» — и изобретаю другую девушку, и засовываю ей в дымоход.

— Ты только что спас свою жизнь, — ответил на это актер Вова. Мне кажется, он уже не очень уверен и хочет спалиться. Но я продолжаю нести чушь:

— Следующий фрагмент: я в душе и чувствую неприятный запах. Я смотрю вниз. Смотрю вниз, а он весь...

— Мерзкий ты тип, — все, вот он и выпал из роли. Я тоже не смог больше идти по канату:

— Так, ребят. Я не знаю, надо что-то делать с этой репликой. Но про член в говне я не буду говорить.

— Стоп. Женя, ты вообще что там рассказываешь? Какой сиамский близнец? — наверное, будь это другой режиссер, он сейчас бы начал орать. Но Дэц — самый спокойный и ровный парень в этой профессии.

— Просто я хотел как-то оживить сцену. Не на пленку же снимаем.

— Чтобы не говорить «он весь в говне», предлагаю сказать «он весь шоколадный», — сказал ассистент режиссера.

— Саша, ты гений! — ответил я.

— Давай все-таки ты объяснишь мне, что мы делаем, — попросил актер Вова.

— Все отлично, — сказал я. — Давайте еще разок.

— Вообще-то я тут режиссер, — сказал Дэц.

Мне нравилось. Я поймал себя на том, что стал верить в этот фильм. Но к утру, когда мы снимали флешбек, сил уже почти не было. Я лежал в дверях, и актриса стояла надо мной, моя дальняя знакомая Катя с продюсерского факультета, которую я пару лет назад пытался поцеловать по пьяни. Она играла мою девушку (Сигиту) и была одновременно собой — той, с кем я рассчитывал изменить Сигите — и самой Сигитой. Это все давало слишком много слоев, странно.

— Закрой за мной дверь, давай, — говорил я снова и снова, снимали с разных ракурсов. Переставляли камеру, опять снимали, и уже наступило утро. Первые дни знакомства с Сигитой, начало нашего романа, когда я пришел к ней и не хотел уходить, все это ожило теперь в фильме.

Мы досняли эпизод, и я думал, что поеду домой. Но Дэц сказал: еще одна сцена в ванной. Я хотел сказать: нет, больше не могу. Но взял себя в руки, это — кино, смены здесь длятся и дольше. Дэц молодец, работает. Я помнил его семнадцатилетним абитуриентом, внешне Дэц мало изменился за эти три года, стал немного выше, ссутулился и погрузился; помню, как он был уверен в собственном моногамном счастье на вступительных экзаменах. На его туловище была набита татуировка «Helen's property» (закра-сил ли он ее?), и Дэц говорил, что станет режиссером, чтобы снять фильм о своей девушке, об их отношениях.

Но потом пошла студенческая жизнь, необходимость работы с актрисами, в которых он неожиданно для себя стал влюбляться. Изначально не особо хотелось отдавать ему сценарий, веры в его талант у меня не было. Но когда он в очередной раз чуть не заплакал, говоря об этом фильме, я понял, что кроме него в этом мире эта история никому не нужна. Ладно, Дэц скинул потаенную ссылку на свою экранизацию рассказа «Самая красивая женщина в городе». И там была закольцовка, которая мне не только понравилась, но и казалась очень соответствующей духу Буковски.

Лже-Сигита ушла. Сейчас я лежал в ванне в свете прибора, Авдотья склонилась надо мной, протирая ебло для кадра, поправляя прическу.

— Может, подлить горячей воды?

— Все хорошо, просто спать хочу. Не холодно.

Неожиданно мог возникнуть намек на секс. Я не знаю, как это объяснить, но вдруг Авдотья задавала какой-то дурацкий вопрос и подвисала, и в воздухе уже есть шевеление. Так она спросила:

— Как думаешь, Катя даст тебе, если будешь настойчив?

— Стараюсь о таком не думать сейчас.

— А кофе хочешь?

— Ой, уже, кажется, тошнит от вашего «Нескафе».

— Мне кажется, она одна из самых красивых баб во ВГИКе, это я выбрала ее на роль.

Мне казалось, что Авдотья много думала о членах. Я не выдержал и спросил:

— Дуня, ты правда все время думаешь о ебле? О хуях?

Она приободрилась и рассказала, что она не столько их перевидала, но, как правило, хороший член можно определить по мужским рукам.

— А, да это все знают, — ответил я, протянув ей свои руки.

Она потрогала их, критично повертела, как товар на рынке, и подняла большой палец вверх. Я еле сдерживал пердежи в больном от растворимого кофе и виногрета животе и скучал по другой жизни. Ведь можно было преодолеть себя, найти однообразную, но с небольшим развитием работу, которая была бы фоном для моих литературных упражнений.

— Так, снимаем!

Откуда у них силы столько часов заниматься этим?

Я запел. В финальной сцене мой герой поет, изображая голос Бет Гиббонс (вокалистки группы «Портисхед»). В меру своих скромных способностей заскулил:

— Безалкогольное пииниво, это пииниво без алкоголя! Как я тебя полюбилаааа, ты сталооооо моей судьбоюуууу.

Это как бы итог терзаний героя. Он приходит к тому, чтобы отказаться от пагубных пристрастий, и заменяет алкогольное пиво на б/а. В это время в квартиру входит сосед, которого играл сам Дэц (хотя роль была написана для Доктора Актера, о котором можно прочесть в первом томе), видит пустые банки и кричит из коридора:

— Завранский! Ты на безалкогольное пиво перешел? Тебе так скоро резиновая женщина понадобится.

Мой герой затыкается и грозно смотрит в угол. Он дал себе клятву избить человека, который отпустит эту избитую остроту. И он сжимает кулаки, поднимается из ванны, так бесы тянут обратно в порок, даже когда ты якобы настроился на внутреннюю чистоту.

Поехал отсыпаться. Технически я был в академическом отпуске, из которого не собирался выходить, но комната в общежитии числилась за мной. Во ВГИКе в те поры творилась неразбериха — в любом нормальном институте тут же мое место занял бы новый студентик. Но нет, наш блок вообще пустовал. Михаил Енотов

теперь жил у своей девушки, на другом этаже. Соседняя комната, которую забила себе Сигита в порыве вернуть меня, тоже пустовала — ведь она давно жила у своего нового ухажера. Я жил совершенно один, считай, в двухкомнатной квартире, это было приятно после питерской тесноты. Лена уехала из Петербурга на сессию в Кемерово, к ее приезду в Москву нужно было найти, где нам жить, — у меня было где-то три недели. Наклевывался один варик, пока же надо было заработать на него.

Прошло меньше года, но для меня это все было как прошлая жизнь, в которой я-призрак сейчас случайно оказался. Наши рисунки и надписи на стенах, зачеркнутые списки долгов, раздолбанный шкаф, мой старый компьютер, остатки бумаги на оконном стекле: на некоторых клочках все еще виднелись реплики из моего сценария. И этот дикий и пошлый вид из окна десятого этажа на белые и розовые лимузины.

Через день снимали сцену драки. Мы приходим грабить интеллигентного человека, похожего на гея. Заворачиваем его в ковер, спрашиваем, где лежат деньги. Но вдруг приходит его парень, открывает дверь своим ключом и дает нам хороших гейских пиздюлей. Это вкратце. Дэк пригласил каскадера, я несколько дублей сносил головой бутафорскую колонну (двухэтажная квартира человека по имени, кажется, Платон выглядела роскошно, и тут уместна была эта колонна). Между дублями я разговаривал с Авдотьей. У нее два месяца как умер отец, и она сказала, что чем-то он напоминал меня. Только, конечно, был раз в сто образованнее. Но тоже пил запоями, писал в различных жанрах, сам издавал книги, собрал библиотеку. У них с мамой остался дом на Рублевке, и скоро — на съемках Лео, на которых Авдотья по совпадению тоже будет

художником, — я смогу посмотреть на эту библиотеку. Вдруг подошел Дэц, он посмотрел на нас, как смотрят на собственных детей, и сказал:

— Да ты в говно.

— В смысле? Я не пил почти полгода.

Дэц сказал:

— Я не про это! — и уже мне на ушко: — Ты же влюблен в Авдотью.

Я посмотрел удивленно на него, потом на нее. Авдотья была красивой девчонкой, но Дэц явно путал или знал что-то, чего не знал я. Вечером мы пили «нулевку» с Михаилом Енотовым и обсуждали следующий альбом *ночных грузчиков*. Я подобрал для него название «о, человек», это была вырванная фраза из Костиного ЖЖ-поста. Костя ругал гуманизм и ругал тех, кого беспокоит судьба бельков, мучимых браконьерами, и тех, кто верит в человечество, и говорил: «в наше душное, но стремительное время ты фактом своего существования, о человек, ссышь в самое сердце Иисусу Христу».

Потом мы — все разговоры со мной к этому приводят! — разговорились о дробке. Я сказал, что очень часто дробчу на воспоминания, на бывших девчонок, перемещаясь в тот момент, когда испытывал сильное возбуждение. Мне легко писать порнорассказы, потому что я их пишу регулярно в уме. Но сейчас я себе это запретил. Есть Лена, и я пытаюсь даже в мыслях не изменять ей. И вот уже несколько месяцев мне это удается.

— Я тоже так решил, — ответил он. — Отлично, старик. Не ожидал этого от такой обезьяны, как ты, — и еще он рассказал, что он вообще редко прибегал (а тем более сейчас, в честь романа со Светой) к порнухе и редко представлял случайную девушку. Что ему нужна была достоверность, поэтому он брал лишь тех персонажей, которых знал настолько, чтобы прописать более-менее возможный в жизни сценарий.

— Даже с Сигитой было один раз, не поверишь!

— И что же там был за сюжет? — я изобразил любопытство, чтобы скрыть тревогу. Сигита как будто вот-вот должна была появиться, я это предчувствовал.

— Простенький. Типа вы поругались в очередной раз из-за того, что она не вымыла посуду, и ты ушел на пьянку с Лемом. А я предложил ей убратъся вместе, и дело пошло. Маленький сатаненок подсказывает мне: «предай, предай», отчего все еще слаще.

Это было смешно и грустно. Я вспомнил, как орал на Сигиту за грязную посуду и разбросанные вещи. Горько засмеялся. Как так — вот оно, прошлое, смотри, но руками не трогай.

— Удивительно, — сказал я. — Я даже ни разу не дробил ни на одно воспоминание, связанное с ней, настолько это все больно. До сих пор.

— У нее, кажется, был выкидыш.

Я посмотрел на него.

— Надеюсь, тебя это не радует?

— Почему меня должно это радовать?

Она действительно материализовалась в ту же ночь. Сквозь сон услышал шевеление в «предбаннике». Это никто, можешь не просыпаться, сказал я себе. Но уже понимал, что это они, и стало жутко.

— Похоже, тут Женя, — сказал Ваня. И в его голосе не было ни презрения, ни неприязни, ни даже простого неуважения. Он все-таки за что-то ценил меня, судя по тому, как это произнес. После того, как я обоссал его машину и завалил его на эту кровать, на которой сейчас лежал и на которой впервые изменил Сигите, и на которой Михаил Енотов в шоке проснулся, когда услышал, как мой друг Вова ставит пистон моей девчонке. Ой, сколько всего лишнего в этом абзаце, прости, дорогой ебанный друг; короче, Ваня должен был иначе

произносить мое имя, но он, похоже, действительно был и есть хороший человек.

Тут еще нужно уточнить: я же не обоссывал его машину, а просто показал им жопу. Это была ловушка, в которую попал я сам. Когда я скидывал Сигите первую книгу романа «Рутина» — pdf-файл в телеграме («не знаю, писали ли о тебе уже *великие романы*»)), то думал, что она спросит: зачем ты это выдумал? И я ей отвечу, что у меня все хорошо, это просто маленькая провокация, повод к разговору на старую болезную тему и я просто хотел таким образом с ней и Ваней помириться, достать последние факты из карманов и выкинуть их, закрыть этот вопрос. Но она ничего не написала, я не получил никакого фидбэка и вообще не знаю, прочла ли она книгу, посвященную нашей умирающей любви. То есть я до сих пор — нынешний, взросленький (сколько мне теперь? кажется, тридцать четыре) — Женя, сидящий за письменным столом в городе Нячанг, в какой-то степени заложник этих старых историй. Поэтому я все это и пишу, предпринимаю попытки разгрузиться. Короче, я проснулся и уставился во тьму.

— Постараемся его не разбудить, — ответила Сигита Ване. Мне показалось, что она была слегка пьяна, так как слишком тщательно разжевывала слова. Они зашли в соседнюю комнату, слышал я, снова засыпая. Снилось, что я держу дверь, а она давит на нее из предбанника, повторяя: «закрой за мной дверь».

Ночь была очень тревожная. С утра я старался все делать максимально тихо: оделся, пошел умываться и чистить зубы. Хотелось уйти из блока до их пробуждения. Но пока я ссал и срал, услышал, что Сигита зашла в ванную. Я смыл утренний кал и прислушался. Ничего не понятно, вроде умывается. Освежителя воздуха не было. Я вышел и резко повернулся. Сигита высунулась

из ванной и смотрела на меня медленным взглядом застывших пиздоглаз, рукой держалась за косяк рядом с выключателями, — хваткие пальцы с ярко окрашенными красными когтями — раньше она не использовала яркий лак. Рептилия.

— Простите, я уже ухожу, — сказал и рванул за дверь. Такой момент, а еще моим говном пахнет.

После этого холодного любопытного взгляда было чувство, что меня сожрали, я был букашкой, которую заглотил ящер. Мне никуда не надо было в это утро, и я просто пошел в ближайший книжный магазин, чтобы украсть первый попавшийся томик. Это была книга московского писателя Александра Снегирева «Нефтяная Венера». Я украл ее в магазине издательского дома АСТ на ВДНХ, проехал в метро одну станцию и скинул книгу в аналогичном магазине на Алексеевской.

У меня есть жена. Но мы с ней в разводе.

Она отлично пахнет и выглядит. Но мы спим на разных постелях.

Я пишу книгу, но не знаю, будет ли ей интересно прочесть. Пиши она постельные сцены в каждой главе, мне было бы странно читать такое. Чего требовать к ним внимания?

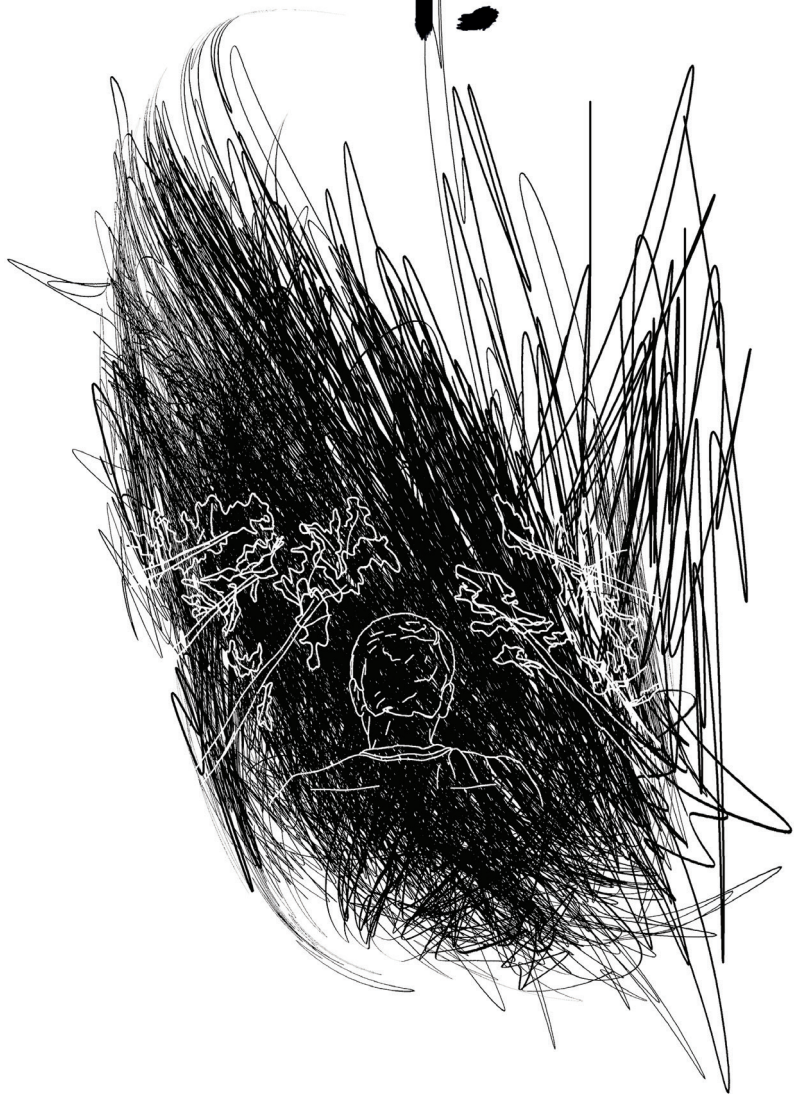
Но мы гуляли вчера вдоль моря, и я подумал, что она постепенно вызревает мне — в хорошего старого друга. Я тоже стараюсь вызреть ей в ответ. Расспрашиваю, как там дела в вашем кафе? Стараюсь узнать и запомнить некоторые ее рецепты.

В старости можно будет выходить из своих спален и встречаться на кухне.

И рассказывать друг другу о том, каким было вчера, о том, каким будет сегодня. А когда ничего не происходит, с ленивым удовольствием говорить о погоде.

У нас на море дождливо сейчас, а у вас?

4.

Первые пробы проходили в столовой ВГИКа. Мы стояли с подносами, и Лео сказал:

— Я заплачу.

Пока он пил чай, а я ел, мы быстро обменялись кратким содержанием предыдущих месяцев жизни. Пришел исполнитель главной роли — актер Тимур, парень с верблюжьим невеселым лицом и телом подростка. Вокруг ходили студенты, кто-то узнавал меня или Лео и подходил поздороваться. Тимур был из какого-то театрального вуза, не местный. Лео выглядел спокойно, не волновался перед авантюрой. Хотя меня немного тревожило, удастся ли ему получить обещанные институтом деньги и как вообще он будет отчитываться за них. Мне не верилось, что на меня свалится вторая подряд актерская зарплата. Кстати, фильм Дэца в итоге забуксовал. Жесткий диск с материалом не удавалось забрать со студии. Похоже, они его просто потеряли. Но Дэц расплатился со мной.

Лео на всякий случай проговорил уже известное. Персонаж Тимура: взрослый велосипедист, которого все принимают за юниора и карьера которого не задалась. У него слетела цепь, ему надоел велосипедный спорт, он не знает, куда идти, и он устал. Он тащит свой велик в неизвестном направлении и случайно попадает в эту богом забытую гостиницу.

Мой персонаж: повар Юра. Он мечтает уехать из гостиницы, где живет со странной то ли немой, то ли слабоумной бабой постарше его самого. Юра внешне агрессивен, может дать по лицу, но в отношениях ведет себя как телка. В то же время он постоянно смотрит тупые видеоклипы, фанатеет от пошлой поп-звезды и грозит уехать к ней в другую страну. Так Юра пытается вызвать ревность своей немой бабы, а вообще он любит понюхать, уткнувшись стриженной головой ей между ног.

Мы прогнали сцену знакомства, сидя напротив друг друга.

— А теперь то же самое, только перед этой штукой.

Лео достал из своей сумки какое-то странное устройство, черный прямоугольник. Несколько раз нажал на кнопки на нем, раздался звук перематывающейся пленки. Я понял, что это советский кассетник.

— Давайте попробуем.

Лео врубил на запись и мы повторили.

— Почему было не взять видеокамеру? — спросил я.

— Все отлично, не забивай голову, — сказал Лео. — Кстати, Тимур, хочешь поесть? Я угощаю.

— Типа это ты как музыкант? Тебе надо сперва нас услышать? — не унимался я.

— Тимур? — еще раз спросил Лео.

Актер Тимур пошевелил лицом, будто стряхивая что-то со щек, и ответил:

— Наверное, да.

Потом мы с Лео пошли в парикмахерскую, где меня подстригли под ежик и сделали мелирование.

— Позорище какое, — сказал я.

— То что нужно, — сказал Лео.

Мы поехали в центр, в гости к актрисе Татьяне. Вообще-то она, как и я, не была актрисой, а вроде художницей, но в «Гостинице Мадонне» ей предстояло сыграть мою девушку.

— Это Женя, — сказал Лео. — Ты прочла его рассказы?

— Да, — сказала Татьяна. — Не очень впечатлилась.

Стрижка у нее была короткая, волосы пепельные, лицо интеллигентное. Я с этим выжженным ежиком выглядел как ее нестильный братец.

— Зачем ты ее заставил читать? — спросил я.

— Ой, не кокетничай, — сказала Татьяна так, как будто это я ей всучил распечатку.

— Был уверен, что ей понравится.

— Читала и лучше.

Мы проиграли пару сцен. Меня смущало то, что подруга Лео Татьяна явно считает меня каким-то неполноценным. Ей было под тридцать, может быть, она уже насмотрелась на такие доморощенные таланты.

— Погладь мои волосы, погладь мои волосы, — говорил я, положив голову ей на колени. — Что еще сделать, босс?

Лео наблюдал за нами со стороны. Кивал. Командовал:

— Таня, по-матерински взгляни на него и потом в камеру, — никакой камеры не было, но Лео приложил ладони к своим вискам, как бы ограничивая рамки кадра, прищурил глаза. — Тук-тук, это Тимур увидел вас через окошко, Женя. Глянь резко, вставай и агрессивно иди на меня. Отлично, молодец.

— Пфф, — сказала Татьяна.

— Я привык нравиться тем, с кем работаю, — посетовал я.

— Да все в порядке. Это ее стиль. Таня хорошая.

Через пару дней начались съемки. Дни проходили в маленьком гестхаусе недалеко от Рублевки. Ночевать ездили к Авдотье в дом. Никакого особенно нового актерского опыта я не получал, но меня удивило, как тяжело Лео было работать одному. Когда они ставили кино с Ваней, все шло гораздо быстрее, чувствовался творческий процесс, я думал, это заслуга Лео. Но один он превратился в сомневающегося бедолагу. Съёмочная группа часами ждала, пока Лео придумает кадр или заменит реплику, или поймает настроение. Если ты лез к нему с советом, он болезненно кривил лицо. Если пытался его поторопить, он убегал тупить туда, где его не видно. Моим утешением стал звукорежиссер Митя.

— Я собираюсь убить Антона Нефедова, — сказал он мне, подмигнув. — Женя тебя зовут? Женя, не хочешь помочь мне в этом?

Митя был обаятельным белобрысым очкариком, из тех, кто может ходить в девственниках лет до тридцати, а потом

неожиданно растолстеть, сделать что-то великое или покончить с собой. На нем был черный плащ, хотя дни уже были жаркие. Еще он был известен в институте своей феноменальной рабочей халатностью.

— А для чего нам его смерть?

— О, полюбуйся на этот позор. Авдотья должна быть моей девушкой, не его. Ей девятнадцать, я обожаю девятнадцатилетних.

— Резонно.

— А Нефедову тридцать. Ему уже пора умирать.

— Согласен. Он мне тоже не нравится, — я вообще-то почти не знал Нефедова, но пару лет назад Сигита написала для него этюд, и я пару раз наблюдал, как они вместе работают. Решил, что он мне скорее не нравится, чем нравится. Ни с чего.

— К тому же он ничего не смыслит в подлинном юморе, — сказал Митя.

— А ты смыслишь? Что значит «подлинный»?

— Ты говоришь мне: «я собираюсь посрать». Но эта информация мне ничего не дает. Ты скажешь: «я собираюсь посрать из жопы». Это уже лучше, но всё равно непонятно, почему я должен угадывать, чем ты собрался срать?

— Я собираюсь посрать из жопы говном.

— Так. Но я все равно пока еще ничего не понимаю. Где будет твоя жопа?

— Я собираюсь посрать из жопы говном в унитазах... в данной точке времени и пространства.

— Бинго! Вот теперь ты сказал все верно.

— Да, нормально.

— В общем, ты в деле? Поможешь грохнуть старика?

— Хорошо, кончим его, убьем, а потом будем делить Авдотью. Я тоже не прочь ею полакомиться. Сойдет и верхняя половина.

В общем, этот Нефедов был симпатичным парнем, но мы с Митей решили играть в такую игру. Смеяться над ним и говорить гадости за его спиной, а когда он оборачивался — резко замолкать. За этим развлечением проходили смены.

Загородный дом отца Авдотьи состоял из фрагментов, будто живущих по отдельности. Одна часть, одно крыло уже выглядит как нормальный жилой дом, другая все еще строится и как будто застыла в этом состоянии. Веранда еще не обжита, зато кухня пахнет как у бабушки в деревне. Комнат было много, все разные, уместилась почти вся съемочная группа. Меня как писателя уложили прямо в библиотеке на втором этаже. Раскладушка стояла под полками книг, они возвышались надо мной на три метра. У меня был торшер, и можно было читать. Рядом был вход в бывший кабинет отца, там спала Авдотья с Нефедовым. После этих разговоров с Митей и тупых шуточек начал ловить себя на мысли, что действительно желаю ее выебать. Не мог уснуть, и хуй стоял. Воображение разыгралось, я физически ощущал присутствие персонажей тысячи книг. И всем этим персонажам хотелось использовать мое тело, чтобы выплеснуть сексуальную энергию. Лена приедет через неделю, нужно дрончить только на нее, такое правило. Но это было слишком самонадеянно, в какой-то момент через Лену — которую я сейчас материализовал и уложил рядом — вместе с воображаемой Авдотьей — которая материализовалась вслед — начали проявляться из тьмы другие девчонки. Ожило мое прошлое. Моя первая девушка Элеонора — один кадр шестилетней давности стал реальностью: ночь в заспанном подъезде, некуда пойти и ее растопыренные пальцы упираются в расписанную похабными надписями стену, а я трусь о ее небольшую, идеальной формы попу лобком, ощущая стволем ее намокающие трусики и понимая, что

мне хватит секунд семь до оргазма. Большегрудая Роксана, у которой я нашел утешение, когда Элеонора меня бросила, — похотливая сотрудница кузбасского музыкального телевидения — проводит мне языком от ануса до кончика ствола, и я смотрю в ее дымно-голубые глаза, затуманенные коктейлями «Трофи» на рассветной вписке в одном дне юности. Моя знакомая Юля, с изрезанными руками, которую я называл Сэльмой Блер, в тесной комнатке кемеровского общежития стонущая в подушку, пока я, вцепившись в приспущенные сетчатые ее колготки, втискиваю хуй ей в зад.

Кончаю, и она, на выдохе зажимая сфинктер до приятного онемения, будто не хочет меня выпускать из грязного рая на кузбасском отшибе, театрально произносит:

— Не уезжай.

Ночью я вышел на участок, частью которого был почти дремучий лес. Подсвечивая телефоном, поднялся в горку под гущу деревьев, ушел дальше от дома, и стало страшно, но я шел все дальше.

Люди к чему-то стремятся, чего-то ищут, зачем-то пишут книги, картины, музыкальные альбомы, снимают фильмы, еще им кажется, что нужен вот такой ноутбук вместо этой модели или такая видеокамера. А вот если у меня будет еще несколько комплектов одежды. Да, не хватает варенок, вареные джинсы сделают меня пиздатым. Ой, еще пару раз потрахаюсь с кем попало, ну подумаешь, подхвачу гонорею, вряд ли сифилис. А потом, наверное, завяжу с этим, залечу все, жена будет. Нет, у моей жены слишком маленькие сиськи. В следующий раз женюсь на другой девке. Мне ведь для счастья много не надо: жирные губы да сиськи. А еще мне нужны подписчики, когда в моем паблике будет пятьдесят тысяч, я успокоюсь. Сука, но все-таки не ту модель айпода я себе выбрал, как теперь спать, а? А вот если добавить немного триллера в этот рассказ или,

например, если тофу пожарить в сладком чили-соусе, это же реально будет заебись! Ну конечно, Труман Капоте в моем возрасте уже написал «Летний круиз» и «Закрой последнюю дверь», как же я умудрился все профукать? Мы же договаривались, это суть, наша цель — стать молодым и признанным. Наверное, моя творческая проблема в том, что я не сосал хуй. Как я могу понять культуру, как я пойму Рим, если ни разу не отсосал? Ой, смерть, ой, античные драмы! А что думаете, стоики были правы? Вы вообще стоик? Что для вас смерть, вы определились? А бог, для вас бог — это что? А бог из машины? А если мир можно оцифровать, это значит, что он уже оцифрован?

Все это напоминало лабиринт, из которого никак не выбраться. По запаху я понял, что наступил в дерьмо. Засмеялся: надеюсь, оно Митино. Представил, что это Митя бежит в лес, почему-то со своим рабочим микрофоном-пушкой, пишет звук леса и одновременно срет. Канализации в доме не было, гадить ходили за эти деревья. Почистил кеды о траву, смоченную росой, побрел в дом.

* * *

— Лео, пожалуйста. Не заканчивай на этом кадре. Оставь время, чтобы снять, как Тимур покидает гостиницу.

— Да, конечно, — отвечал Лео, не слушая.

Он был разочарован. Лео не нравилось, как играл Тимур, так говорил мне. Может быть, Тимуру говорил, что я плохо играю. Может быть, Лео был разочарован собой.

Все явно разваливалось. В последний день мы упрямо снимали один и тот же кадр. Я лежу в луже искусственной крови, а застрелившая меня Татьяна подбегает и берет мою голову на колени. Она убила меня из ревности, чтобы я не бросил ее.

— Ты не поняла меня!

уже было. Куда я собрался и зачем? Зачем я ввязался в очередные съемки? Понятно же, что актером я не буду. Наверняка ВГИК не заплатит обещанных денег. Лео явно нечего будет показать мастерам. Фильма не будет, он останется должником гестхауса, должником актеров, осветителей и Авдотьи.

Пока мне явно не хватало на то, чтобы снять жилье. Можно было попросить в долг у отца, но мне было очень мучительно признаться, что я в двадцать три до сих пор трачу больше, чем зарабатываю.

Сперва позвонила Авдотья:

— Ты куда пошел? С ума сошел? Ты хоть голосуй, тебя кто-нибудь подвезет.

Потом позвонил Лео:

— Ты обиделся?

— На тебя? Только не на тебя, малыш.

— Возвращайся. Никто не усомнится в твоей крутизне, ха-ха, если ты вернешься.

Нет, все нормально, я дойду до этой ссаной Москвы! Шел уже полтора часа. Силы закончились. По моим подсчетам как раз к пяти утра, к открытию метро, я бы добрался. Но вместо этого я сел на лавочку. Вдоль рублевской трассы стояли роскошные дома, которые понастроили мутные люди с плохим вкусом. Иномарки проносились мимо на дикой скорости. Думаю, не имело смысла здесь ловить машину. Хотелось есть и спать. Я набрал Лео и попросил вызвать мне такси, если у него есть немного налички. Хочу вернуться обратно к вам в дом. Да, пара сотен у него еще была, да, вызовет. Да, раскладушка тебя ждет. Я разглядел адрес на одной из оградок и продиктовал. Скоро за мной приехал таджик на «Ладе». Когда я вошел, они пили вино, праздновали конец съемок в ночи. Лео, казалось, расслабился и был рад, что его работа на площадке закончилась. Он обнял меня и сказал:

— Ты был бы мой герой, если бы не вернулся.

Наверняка я уже описывал внешность Лео в одной из своих книг. Но сделаю это еще разок, может быть, получится не сильно повториться. Он со своими длинными черными волосами походил на Маугли из фильма Трюффо и одновременно на подкормленного главного героя из «Индейца в Париже». Тот факт, что Лео получил несколько высших образований и мог при желании поддержать разговор на любую тему, не менял сути. Иногда казалось, что Лео сейчас скинет одежду, насрет говном из своей смуглой волосатый жопы на стол, зава- ленный книгами и тетрадями, и залезет обратно на дерево. Он понимал, что никакое данное слово и никакие социальные пути не должны отнимать твою звериную свободу. Я представлял, как он ковыряется у себя в пальцах, остав- шись один, как нюхает свои волосатые подмышки после отжиманий, — забавляло это воображать при его разви- том интеллекте. Думаю, что сейчас, в конце этих неу- дачных съемок, Лео чувствовал, что огромный груз сва- лился с его плеч, — все-таки в режиссуре так мало места для творчества и так много организационных неразре- шимых вопросов.

Я до утра ворочался, все придумывал какие-то новые проекты, переживал из-за будущего. Но проспал целый день. Меня будили, спрашивали, хочу ли я в город, но я сказал, что готов поехать последним. В итоге мы возвра- щались уже затемно, я сидел на заднем сиденье, спереди Нефедов и Авдотья.

— Есть плеер? А то у меня сел, — спросил Нефедов.

Я полистал немного в наушниках, прикинул, что за муз- ло у меня сохранено.

— Сплошное эмо, не думаю, что вам понравится. Хотя вот, есть помягче.

Протянул свой айпод-шафл. Нефедов подрубил, и за- играла Overcome.

— Это же Трики, да? — аккуратно спросил Нефедов. Не замечал раньше, какой он интеллигентный. — Мы вот ходили на него в августе.

— Черт, я тоже хотел сходить в Питере, и новый альбом хороший. Но написал Авербаху, а он даже не ответил, один я идти зассал. Так-то он тоже большой фанат Трики, как и я, и если идти, то только с ним.

— А че у тебя с Овером? — спросила Авдотья.

— Не знаю, он мой хороший друг. Но уже год ведет себя как девка, которая непонятно на что обиделась. Надеюсь, что объяснит мне, в чем дело.

— Да он же просто избалованный мажор! — резко сказала Авдотья. В этот момент Нефедов взглянул на нее одновременно и ласково, и осуждающе, и мне стало стыдно за свои подьбы. Что-то вроде зависти царапнуло.

— Жука, он и пальца твоего не стоит.

Чтобы как-то отвлечь ее, я спросил, давно ли Нефедов сдал на права. Всего пару месяцев как, сказал он. Но ничего страшного, если играл в симуляторы в детстве, это просто, даже когда тебе тридцача, можно научиться водить. Авдотья погладила его по руке, которая держала руль, и я невольно вообразил его хуй. Надо было искать работу.

*Когда я вынырнул, то решил, что мне показалось.
Но нет, это была она. Девчонка из прошлого.
Киноведка, о которой я написал порнорассказ.*

Мы обсудили особенности питания в этом городе.

*Рассказал, как езжу на рынок, который здесь рядом, что
готовлю дома. Треугольники тофу вразвес, цветная капуста,
брокколи, салат, томаты, зеленый лук. В ресторанах по
вегану не поешь, это да.*

*У них нет кухни. Она ест один рис с овощами и очень
устала.*

Если хочешь, я подожду, искупаешься, еще поболтаем.

*Ее позвала мама, и они стали медленно погружаться
в воду, почти что взявшись за руки. Пять сорок
пять утра, странное время для встречи с прошлым.
Я смотрел на их удаляющиеся зады в купальниках.
Она была скорее нянькой, чем дочерью. Кроме нас троих
здесь не было больше белых. Солнце светило особым
утренним светом, пробиваясь сквозь тучи. Скоро снова
случится дождь.*

*Делай ноги. Если ты обернешься, тут же придавит.
Останешься навсегда в богом забытом дне. В одном из тех
приключений, которое будто прожил не сам.*

*С одним из людей, которые приняли тебя за кого-то
другого.*

5.

Чтобы не тратиться на такси, приехал на площадь трех вокзалов на метро. Мне предстояло провести тут три часа в ожидании Лены. Ее поезд прибывал ночью. На Казанском вокзале сидеть показалось как-то совсем стремно: сновали какие-то жулики, пьяные солдатики, смуглолицые малые народности. Я вышел в небольшой сквер между вокзалами, сидел там, читал с Лениного карманного компьютера, было совсем тепло. Хорошая майская ночь.

— Приветствую, — напротив моей лавочки замер невысокий чечен. Он протягивал мне руку.

— Доброй ночи.

Несколько секунд я не отвечал на рукопожатие, и его рука застыла в воздухе. Чечен пошевелил кончиками пальцев, и мне стало страшно.

— Я представляю преступную группировку, — сказал он. — Хочется знать, кого ты ждешь.

Чечен кивнул на соседнюю лавочку, где сидели его друзья. Выглядели они опасно, на всякий случай я пожал руку.

— Жду подругу. Встречающий.

— Правильно, не надо хамить, — сказал он. Показал мне складной нож, развернул его, собрал, отошел.

Очень рад был видеть Лену, она, сонно улыбаясь, обняла меня крепко. «Вам когда-нибудь хотелось прижать к себе щенка так сильно, чтобы у него отвалилась голова?» — вспомнил я реплику Аиды Туртуро из фильма «Любовь и сигареты». Я взял у Лены чемодан, катил его, она несколько раз целовала меня, так что приходилось останавливаться, и я на всякий случай оглядывался, не видать ли представителей «преступной группировки», — но все было чисто. Нам нужно было ехать в квартиру напротив останкинской башни, из окна которой мне нравилось смотреть на монорельсовую железную дорогу. Вечером, когда поезда по ней переставали ходить, можно было видеть обходчиков путей: эти ребята в синих куртках шли по высокой железной дороге по району

мечты — здесь и башня, и пруд, и скверы, и парки — и я одновременно завидовал их работе и радовался, что могу наблюдать ее со стороны. А сейчас у меня случился приступ паранойи: вдруг ничего этого не будет, меня сейчас прирежут и мы не доберемся до квартиры.

— Лен, давай поедem на такси. У тебя есть немного налички?

— Конечно, пупсичек. Ты чего разволновался?

— Думал, уже никогда не приедешь.

Комнат было две. В соседней, большой, сейчас спал Кирилл Маевский, родной брат Михаила Енотова и будущий басист *макулатуры*, также его друг, поэт по прозвищу Пушкин, который работал сейчас на двух работах в общепите. Еще временно с ними жил музыкант из Казани. У нас с Леной была комната маленькая, но уютная. Здесь был шкаф, письменный стол и полотораместная кровать.

— Кайф, — сказала Лена, оглядываясь. Я ухватился за нее так, чтобы она почувствовала эрекцию. Она наклонилась к своей сумке, и, пока доставала принадлежности для ванны, я терся о ее зад.

— Мне надо принять душ.

— Я с тобой.

Сама ванна была большой, в ней можно было лежать вдвоем. Но сначала я намыливал лежащую подо мной Лену и поливал ее водой, а она по возможности хватала хуй ртом. Я уже был готов кончить, но сдерживался, стараясь сконцентрироваться не на ощущениях в паху, а медитировать на фактуре занавески, которой касался локтем, представляя, как мое сознание выходит за пределы помещения ванной комнаты, за пределы квартиры, к останкинскому рассвету. Мне очень повезло: не считая той небольшой зарплаты во ВГИКе, Сжигатель снабдил меня деньгами, которых как раз хватило, чтобы заплатить

свою долю за агента, аренду и залог. Предыстория такова: полгода назад, когда мы пили в пансионате Липки на писательском форуме, обнародовали длинный список литературной премии «Дебют». В этом списке оказались и Михаил Енотов, и Сжигатель Трупов, оба в разделе «малая проза» (рассказы). Я смутно помню, как это произошло. Они пожали друг другу руки, заключив сделку: если один из них получит премию, половину отдаст другому. Я разрубил это рукопожатие. В итоге Михаил Енотов прошел в короткий список и выиграл главный приз. Но оказалось, что у «Дебюта» нет денег, чтобы заплатить финалистам. Они долго кормили обещаниями, и вот на днях, когда все уже забыли про эти деньги, Михаил Енотов получил сто шестьдесят с лишним тысяч. Он принес мне половину, чтобы я отправил переводом Сжигателю. Но Сжигатель сказал, что не может взять всю эту сумму и что хочет половину от этой половины отдать мне. Я думал пару часов, деньги были очень нужны, но не так много. Поэтому я сказал, что готов получить такой подарок от Сжигателя, но возьму только половину от подарка, а оставшуюся половину пожертвую — по четверти — Марату и Валере. Таким образом, один премированный писатель из нашей тусы накормил и всех остальных друзей-писателей. Мне не пришлось искать денег в долг. Я лег на Лену сверху и сделал несколько фрикций, скользя торсом по ее намыленным грудям. Уже через пять секунд достал и обильно кончил на живот. Мы приняли душ и продолжили в комнате. Потом поспали и еще целый день занимались любовью.

* * *

До работы надо было добираться на двух троллейбусах, но меня это устраивало, лишь бы не Московский

метрополитен. Лена отдала мне свой карманный компьютер, я смотрел на нем фильмы, пытался набирать стилусом тексты, пока ехал туда и обратно. Вот он: ТЦ «Алтуфьево», утренний майский ветер, край города, я поднимался на второй этаж, и начиналась смена. «Остин» был довольно дерьмовым магазином повседневной одежды, но зато сюда брали кладовщиков без опыта работы. Для меня слово «кладовщик» всегда значило много, всегда было предчувствие, что я поработаю на такой должности. Работа мне нравилась.

Нас взяли двоих в один день — меня и семейного парня лет тридцати. Соискателей было довольно много, но мне как-то удалось обмануть отдел кадров, прикинуться порядочным человеком с простыми чистыми мечтами. Я сказал, что собираюсь жениться в конце года, что закончил ПТУ по специальности «краснодеревщик», что работал на стройке, но из-за кризиса перестали платить. И что мне нужно место, где я проведу несколько лет, и что цель моя — стать директором магазина раньше тридцати.

— У нас такое вполне возможно. За два-три года.

Так в двадцать три у меня наконец появилась трудовая книжка.

От прошлых кладовщиков остался просто дикий беспорядок. Поэтому первые смены мы выходили вдвоем. Магазин был не очень большой, обычно работали директор, один кассир, администратор, кладовщик и продавец-консультант. У директора была пятидневка, остальные по графику — два на два. Первые три дня мы стажировались и одновременно приводили склад в порядок. Один из нас принимал новый товар, биперовал, заполнял накладные и вбивал в базу данных. Второй выкидывал все шмотки из складских ячеек и складывал все аккуратно, в соответствии с размерным и модельным

рядами. Саша, парень с заедами в уголках рта, был нашим директором. Он никогда ничего не делал, но всегда радовался, когда другие хорошо работали:

— Классно, ребята. Неужели у нас будет нормальный склад, — говорил он, потирая ладошки.

Он был моим ровесником, но выглядел младше, наверное, потому что он был очень пошлым и глупым. Я сразу его невзлюбил.

В общем, я быстро втянулся. Смена начиналась в десять или в восемь утра (в зависимости от того, была ли поставка нового товара), заканчивалась в половине одиннадцатого вечера. Когда все хранилось на своих местах, было совсем просто. Следишь за тем, чтобы в зале было по одной вещи одного размера (тебе приносят список необходимого, как только что-то покупают), поддерживаешь чистоту на складе, принимаешь новый товар. Было два перерыва на обед по полчаса, помимо этого можно было отходить в туалет. В середине дня я предпочитал дремать, вспоминая какой-нибудь свеженький секс с Леной. Понемногу себя распалял, потом выходил через склад в торговый зал, пряча эрекцию, доходил до туалета, мыл руки, запирался в любимой кабинке и справлялся за полторы минуты.

— Женья, у нас принято предупреждать, когдаходишь в туалет, — сказал мне Саша, и это было первым тревожным звонком.

— Но я не могу.

— Что значит «не могу»?

Я попытался объяснить, что не смогу пописать. Он уставился на меня так, будто ситуация, которая с нами происходила, цитировала какую-то антинаучную фантастику. Я пожал плечами.

— Попробую. Но так нельзя, я все-таки человек свободный. После такого унижения пописать не могу.

— Но я твой начальник, — сказал он.

— Я разве плохо работаю?

— Работашь хорошо, но не надо выступать.

— Если я начну выступать, у тебя лицо треснет, Александр.

Когда я получил от него первую зарплату, он похвалил меня, но попросил следить за языком. А потом еще раз — на планерке, перед всеми сказал:

— Я рад, что у нас появился такой работник, но я категорически прошу тебя быть посдержаннее.

Ладно, я подумал, что буду потихоньку пробивать оборону, пока мне не будет позволено ходить в туалет без предупреждения. Я говорил: «Саша, я в туалет, можно?», и когда он кивал — а он не мог, конечно, мне отказать, поэтому я вообще не понимал смысл этого правила — то я добавлял, искривляя голос: «какать», или «писать», или «дрочить». У него было несколько вариантов реакций: усмехнуться, ударить себя по колену, пожевать губы, помотать головой.

— Как сам, пупсик? — спрашивала Лена, когда я приходил. Она готовила ужин, тушила овощи, добавляла ворованную фасоль «Пиканта» или соевое мясо. Сама почти не ела перед сном, я же плотно наедался. Потом она заворачивалась в пищевую пленку, смазав тело медом и перцем, я еще сверху накрывал ее одеялом. Такой способ для похудения. Она лежала неподвижно, а я читал ей книги «Дорога на Лос-Анджелес», а потом «Подожди до весны, Бандини». По главе, потом мы по очереди мылись и ложились в постель.

Раз в выходные мы скатались в один из супермаркетов «Мега», и скоро это стало нашим регулярным занятием. Воровство. Мы выносили всякие штучки для уюта из «Икеа», еду из «Ашана» и очень много одежды из «Топшоп/Топман», иногда из менее модных «Бершка», «Пулл энд бear», «Спрингфилд» и, когда ставилось совсем скучно, заходили в «Нью-Йоркер». Если я шел в гости

к кому-то из друзей или знакомых и у него был мой размер, то я обязательно брал несколько вещей, чтобы он мог взять что-нибудь на выбор. На работе я скоро тоже перестал скрывать, что так провожу выходные: кассиры, администраторы, продавцы-консультанты иногда просили что-нибудь спиздить для них. Кроме Саши, с ним я таким не делился.

Один раз из интереса — перед выходными — я решил проверить Сашину бдительность. Была его очередь закрывать магазин (это всегда должен был делать либо директор, либо администраторы). Я положил черный кардиган на дно сумки. Это была единственная вещь, которая мне казалась достойной, чтобы ее носить, из нашего магазина.

— Саша, я все, — сказал я и подошел к нему, чтобы показать сумку. Я раскрыл ее, и он заглянул внутрь. Кардиган «Остин» лежал прямо перед его носом.

— Хорошо, доброй ночи, до завтра, — ответил Саша.

— У меня выходные, браток.

Он покачал головой:

— Соблюдай, пожалуйста, субординацию.

Решительно не было никакого толку от этого человека. Он, похоже, никогда не задумывался, никогда не пытался понять сути вещей. У него были ребенок и жена. На рабочем месте он обсуждал с ней по скайпу покупку бытовой техники. Она могла позвонить ему из-за какой-то ерунды, и он забывал о текущей работе. Один раз он хвастался, как быстро стал директором, и давал мне советы по карьерному продвижению.

Я походил пару дней в этом кардигане, а потом прицепил новый бипер и вернул на склад. Вещи из этого магазина были напрочь лишены магии.

Это случилось в один прекрасный день, когда Саша затеял инвентаризацию. Мы должны были пересчитать и перепроверить все, начиная с разных концов склада. Но

он постоянно отвлекался, выходил в свой кабинет, звонил куда-то, говорил с женой по скайпу. Видя, что работу эту придется делать одному, я решил позлить его. Пошел в туалет, не предупредив его, и не возвращался минут пятнадцать. Обошел весь торговый центр.

— Ты где был?

— Прости. Моча застревает в уретре. Кал застревает в зад, когда я докладываюсь.

— Следи за языком! Это уже хамство.

Я зашел на склад, набросал на пол вещей и просто лег на них. Когда Саша зашел и увидел это, он спросил:

— Как у нас дела?

— Я хочу, чтобы ты тоже начал работать.

— Ты путаешь и хамишь! — завизжал он.

Вдруг я вскочил и пошел на него. Я снял рабочую футболку — нужно было одеваться по форме, но я носил лишь футболку; про брюки Саша делал пару раз замечания, а потом забыл. Положил футболку Саше в руки и отправился в раздевалку.

— Ты куда?

— Увольняюсь.

— Так нельзя. Дай мне две недели, я найду нового.

— Не хочу. Ухожу.

— Так нельзя!

— Отъебись.

— Оштрафую за грубость, — сказал он, моргая.

— Не оштрафуешь. Я буду каждый день звонить в отдел кадров и приводить примеры того, какой ты тупой и ленивый. И все это будет правда. И я сделаю столько звонков, сколько рублей ты из меня вычтешь.

Когда я оказался на улице, стало очень хорошо. Пока я ждал троллейбус, набрал Марата. Он не разделял моего оптимизма.

— Пробежал хорошую работу и радуется! — заключил Марат.

У меня в руке треугольник копченого тофу, политый соусом ярко-красного, почти оранжевого, цвета.

Я застыл с ним.

Жена делает вид, что меня нет, я играю по этим же правилам.

Показалось, что вспомнил сон, увиденный пару лет назад.

И там было это жильё, один в один.

Там была эта улица.

Этот шепот птицы из темноты.

Гул сквозняка.

Перекресток, на который гадит собака из ресторана, магазинчик, светящийся как маяк, гостиницы и кафе под открытым небом с мечущимся в потоках воздуха абазуром.

Тожe было ветрено, с балкона можно было увидеть волны, летающий мусор, услышать крики подростков с футбольного поля, которое подсвечивают фонари.

Мне стало страшно и весело.

Все, что я знаю о реальности, преподносит на блюде мой мозг.

Она — тонкая полосочка света, на которую даже не умещается стопа.

6.

Новичков, как правило, не брали работать в ночь, но я быстро осваивался. Летом я развязался, пока сидел без работы, и Лена уже поглядывала на меня с некоторым сомнением. Но чем чаще я пил, тем больше признавался в любви и говорил нежности, а в утреннем отходняке доходил и до сексуальной одержимости. Приходили мысли о других бабах, но пока я с ними справлялся. Перед пробуждением влагилица мелькали под веками, я отмахивался от них, хватался за Лену — принадлежал только ей.

В порыве похмельного вдохновения наврал начальству на собеседовании, что учусь в аспирантуре на киноведческом (моя брошенная специальность «драматургия» казалась не такой заумной и бесполезной), поэтому ко мне относились хоть и настороженно, но уважительно. Еще я был постарше, в основном продавцам-консультантам (на самом деле «работникам зала» — никого, к счастью, консультировать не приходилось) было от восемнадцати до двадцати одного, и, как мне кажется, я соображал побыстрее многих. Ровесниками мне были менеджеры, даже директриса нашего магазина была всего на пару лет старше.

К моему удивлению, работать в ночь было не так много желающих, хотя за это давали полторы ставки. Был рад, что со второй недели ночные смены в первую очередь предлагали мне.

В то утро я как раз вернулся после двойной смены, а Лена проснулась и собиралась на работу. Мы сели с ней выпить чаю.

Это была уже другая квартира, с той нас попросили съехать и предложили однокомнатную в Медведково, на конечной станции, зато недалеко от метро. Поскольку мы все работали, то ничего страшного. Как-то умудрялись жить, не мешая друг другу в быту. А сосед Пушкин вообще сейчас трудился без выходных, раздавая какие-то старые долги. Маевский (все никак не получается вклинить его

в рассказ, вечно он пропадает) уехал на сессию и застрял в Казани. Мы сидели на этой маленькой кухне, которую отмывали несколько дней подряд. В этой квартире отец хозяина столкнулся с деменцией, стены уборной были пропитаны грязью и измазаны его калом. Но все это нам удалось устранить моющими средствами, а цена так и осталась низкой. Во всем есть плюсы. Но иногда мне казалось, что из стен все еще проступают черкаши и сочится моча.

— Смотри сюда, детк.

У меня был подарок, даже два: сперва я достал пару носков из внутреннего кармана джинсовки, а потом трусики, которые засунул под ремень в районе паха.

— Как раз такие и хотела, пуупсик! — сказала Лена.

Она, кстати, работала в этом же магазине, только в другом филиале, сперва устроилась она, а потом я. Ассортимент был примерно одинаковый, только у меня значительно шире. Я иногда догадывался, что ей может понравиться, и спешил стащить, чтобы порадовать свою девчонку.

Лена тут же сняла носки и надела новые; трусики надевать не стала, понятное дело: сперва стирать. Я проводил ее до двери, поцеловал и лег спать. После того, как вкалывал почти сутки в магазине, даже во сне видел рабочее место. Бестелесный, замирал в пустом торговом зале, и все пространство магазина можно было вертеть и разглядывать, как трехмерный макет в редакторе. Мой закадровый голос перечислял: кассы, женский зал, отдел «Бутик», отдел «Петит», мужской зал, офис, склад, курилка. Ночная курилка — вот что не давало покоя. Открывались преступные наклонности: сразу смекнул, что там не было камер. Если ты выходил через эти помещения, то через двадцать метров по темному коридору, в котором никого не было, мог пробраться к черному ходу в ресторан, в котором иногда работал администратором мой сосед Пушкин.

Это казалось подозрительно просто. Я думал для начала откатить к нему коробку с кожаными куртками, Пушкин сказал, что, в принципе, сможет вытащить на грузовом лифте пару коробок за раз, это не проблема. Мне казалось ироничным, если я, веган, кину магаз модного кала именно на кожаные куртки, которые стоили очень дорого, в районе десятки каждая, и продам их на каком-нибудь интернет-рынке в пять раз дешевле. Вообще, все, что касается сбыта и денег, меня не волновало. Важнее была сама игра, риск.

Поспать удалось всего несколько часов, к четырнадцати нужно было на работу. Пушкин был дома. Когда я вышел из ванны, он, полусонный, ковырялся на кухне.

— Дело такое, Жентяй, — сказал Пушкин. — Я сегодня до двух ночи буду в «Манеже».

— Ох, вчера выходил и вряд ли сегодня останусь, Пушк! Но чем черт не шутит.

Короче, я пока не понимал, что за парень наш сосед Пушкин, но мне хотелось проверить с ним эту делюгу, чтобы он зауважал меня.

— Просто имей в виду, — сказал Пушкин.

Хоть он был не самым великим поэтом, но какая-то недостижимая крутизна (по взгляду казалось, что он способен на убийство) была в нем. Мои стихи были лучше, но он был более серьезный мужик, более приспособленный для сложностей жизни. К тому же все бабы вешались на него. Он мог решать сложные задачи на работе и проникал женщинам в мозги, читал их мысли за секунду. Может быть, в этом было гораздо больше поэзии, чем в моем репе.

Чем мне нравился Topshop/Torpan — тут не нужно приходить заранее, в отличие от других магазинов. Все честно: рабочий день длился столько, сколько длился — 8 часов плюс полчаса обеда. Десятиминутные перерывы

из твоей зарплаты не вычитали, недостача более-менее включена в стоимость товара, в крайнем случае слегка затрагивала директоров. Вместо формы носить можно было свою одежду, если она не особо выбивалась по стилю, куплена в одном из топ-шопов или просто черного цвета. У меня имелось достаточно шмоток, аккуратно украденных как раз в этом магазине, где теперь работал. И если оставались дырки от биперов, я научился так аккуратно вручную зашивать их, что никто бы не догадался, что я просто вырвал магнитик, защищающий от краж. В общем, носил именно то, что мне по душе. В основном это были джинсовки, толстовки, гоповки и узкие как колготки вареные джинсы — стиль, на который я вдохновился, пересматривая «Трейнспоттинг» в очередной раз, и который мне не очень-то шел, между нами говоря. Слишком у меня крупные кулаки и широкие голени, даже при общей худобе я, наверное, напоминал борца, который попытался превратиться в хипстера да так и застрял в начале этой безумной попытки.

Раз в два месяца ты мог выбрать что угодно, вплоть до обуви, — шмот на определенную сумму, и это хорошая прибавка к з/п. То есть впервые я подумал, что где-то задержусь и изучу, как тут все устроено. Карьера меня не интересовала, но было бы интересно перейти в более творческий отдел — например, оформители витрин и залов. То есть это не шаг вверх, но шаг в сторону, и мне казалось, что там мое место, среди этих ночных декораторов. Они под руководством толстенькой Тани ездили из магазина в магазин и постоянно меняли внешний вид точек. Я с ними пересекался в свои ночные выходы, помогал им, был с ними на равных и был уверен, что туда меня возьмут, как только закончится испытательный срок.

— Приветтики, — сказал трансвестит Олег.

— Здорово, сестричка!

Нас поставили вместе на «сэйле». Та еще работенка, никто ее не любит. Но я нормально к ней относился. Осенняя распродажа, и женщины просто хватали всевозможные платья, джинсы, юбки, блузки, пиджачки, перемешивали их, бросали на оборудование, запутывали в узлы, выворачивали наизнанку в примерочных и торговом зале.

— Пожалуйста, возвращайте вещи на вешалках, — говорили мы им на входе в примерочные.

— Пфф, я не буду делать вашу работу, — отвечали эти расфуфыренные бляди.

Один раз я зло посмотрел на такую дамочку и запустил себе под ноги комок шмоток, который она мне протянула. Тетя написала на меня жалобу, но их тут никто не читал, только мы сами ради развлечения. В мужском зале никогда не было такого бардака, да и жалобной книги не было.

Короче, никто не хотел стоять на женском сэйле, но я не дергался: вот она, работа, конца ей не видно и можно не волноваться, просто не спеша распутывать этот клубок, раз в час-полтора ходить отдыхать и никто тебя не тронет до конца смены. Находишь ритм и делаешь.

— Хочешь поболтать или как обычно? — спросил трансвестит Олег.

— А че, у тебя лирическое настроение? Рассказывай.

— Хотел спросить. Ты видел мою девушку?

— Не, Олег. Я думал, ты гомес.

— Хаха, все так думают, а вот и нет!

Вот это и был крючок, ему не терпелось поболтать о себе любимом. Олег рассказал, что раньше выглядел как обычный скейтер. Но потом его ткнули ножом — он задрал платье и показал шрамы, — и после этого, лежа в больнице, он задумался о более провокационном стиле. Теперь каждое утро он красился и тщательно выбирал платье.

— Но ведь круто, что при этом я даже не пидорас? — он так странно протянул это слово, как будто спел французский куплет. Ну-ну, подумал я.

— Это до поры до времени, ты же понимаешь. Не зарекайся, прошу.

— Что ты имеешь в виду? — Олежа похлопал накладными ресницами.

— То есть, хочешь сказать, ты так выглядишь, но мужской половой хуй тебе не интересен? Зачем ты себя обманываешь? Ты ни разу не держал в руке чужую шляпу?

Он хихикнул и покраснел. Да, один раз трогал, в руке держал, но не во рту же. Я махнул рукой. В девятнадцать лет я учился в провинциальном институте культуры и насмотрелся на подобных ребят.

— Через пять лет мы увидим тебя в Таиланде с новенькой вагиной между ног, — он так громко и радостно засмеялся на это, что нам сделали замечание.

Однако работал этот высоченный разукрашенный ребенок в бабьем наряде отлично. Лишь бы кто-нибудь из покупателей иногда замирал, разглядывая его шокирующий вид — это было для него наградой. А Олег продолжал сосредоточенно разгребать оборудование с вещами для распродажи, аккуратненько поправлять вешалки, развешивать женские шмотки, которые так любил, в соответствии с размерным рядом. Крупные размеры иногда откладывал, чтобы примерить. Его юные фанаты, тоже в платьях и макияже, иногда заходили за автографом, совместной фотокарточкой или просто поболтать, взять совет. Они выглядели поскромнее, он был явный духовный лидер. В тот день я увидел и его девушку. Довольно симпатичная, припудренная куколка, которую скорее хочется обдрочить, чем трахнуть. Она зашла поздороваться. Но я не заметил в ней обожания и страсти к Олегу, скорее показалось, что это просто какие-то отношения из тщеславия,

когда девчонка выбирает себе мужика как редкое украшение. Хотя и такое, наверное, может деформироваться в любовь, что я знаю об этом?

Когда пообедал, силы меня покинули. Я подошел к администраторше и сказал:

— Привет, Юля.

— О, я как раз тебя ищу. Выйдешь опять в ночь?

Я пожал плечами и сказал: хорошо. Вообще-то я только что собирался отпроситься и, услышав собственное «хорошо», сперва подумал: как я выдержу еще полдня и ночь здесь? Но потом начал обдумывать тестовую кражу, и волнение сначала разбавило, а потом вытеснило всю усталость. К тому же после обеда я работал со своим новым другом Митей.

— Смотри, как я люблю свою работу! — смеялся Митя, доставая козявку из носа и цепляя ее на красивое платье, в которое был одет манекен.

— Не так! — поправил я.

Достал свою козявку и прилепил ее манекену на ноздрю.

— Давай черкаши на этой одежде оставлять. Ненавижу модные шмотки, — засмеялся Митя.

— Что-то вам слишком весело, — бросила администраторша, проходя мимо. — Вас по разным залам разогнать?

Мы резко замолчали и принялись за работу.

«Бабушки» — так мы называли женщин, которые работали на поставке товара, хотя настоящая бабушка среди них была только одна — мама начальницы. Ночью мы сдвигали оборудование в стороны, освободив поляну посреди женского зала. Погрузчик привозил коробки с новым шмотом, и начальница поставки распределяла коробки между «бабушками». Они выдвигали пуфики, садились на них и принимались биперовать товар. Работали они быстро и слаженно, и мне это напоминало вязание. Я в эту ночь

остался на смене с Димкой, двадцатилетним добродушным гопничком. Первые полтора часа нам и делать было нечего, просто мерили шмотки и шарахались по магазину. Когда администраторша ушла в кабинет спать, Димка не выдержал и позвал меня с собой в примерочную:

— Смотри.

Он показал мне крюк, который оторвал от оборудования. На таком крюке изначально была сорокасантиметровая спица для галстуков, шапок и прочих аксессуаров, но, если небольшим усилием сорвать эту спицу, получался простой крюк, идеальный для воровства одежды.

— Вставляешь под иглу бипера, легкое движение, и трусы твои!

Он показал мне.

— А если я стукач?

— Эй, да ладно, — ответил Димка.

Я сделал себе такой же крюк и стал приглядывать что-нибудь для Лены. Потом пришло время пересчитывать одежду, которую только что пробиперовали бабушки. Когда я уселся рядом с примерочными комнатками и стал перекладывать вещи в пустой ящик, сверяя с накладной по артикулам, Димка посмотрел на меня как на дурака.

— Ты не знаешь, как принимать товар, когда админы спят?

Он просто расписался в накладной, ничего не считая, и пинками оттолкнул коробку к закрытому складу.

— Потом выберем, что нужно развесить в зал. Ближе к утру.

Димка потянулся и завалился спать на пуфике. Его стиль работы был как нельзя кстати, можно было не бояться палева. У меня оставался час до встречи с Пушкиным. Я тоже прилег и, чтобы отвлечься, стал слушать наш новый альбом «о, человек» в плеере. Нужно было понять, все ли хорошо или надо сделать для звукорежиссера какие-то

замечания. До этого была черновая версия, и я помню, как послушал ее с Леной, сидя в ванной. Доиграл последний трек, Лена ничего не говорила, и я решил: провал. Альбом плох. Она, конечно, подумала немного и сделала несколько комплиментов, но я решил, что музыка слишком экспериментальная и мое увлечение всем этим скримо и постхардкором не пошло на пользу речитативу. Она сидела, голая, в пене, и говорила:

— Хороший альбом, не переживай.

— Не удалось выдержать все в нужном стиле, да?

Даже смирился, что альбом будет проходным. Но когда звукарь Ваня Квэинт (он сводил и «детский психиатр» начисто, но на этот раз, с *ночными грузчиками*, поработал дольше и усерднее) прислал новые версии, все зазвучало совсем по-другому. Я даже не ожидал, что так может быть, я просто обычно подгонял голос по громкости, где-то проходил шумодавом в самых простых программах, где-то подрезал высокие. Но он, конечно, сотворил из этих лоу-фай записей настоящее чудо. Здесь было несколько хитов: «экзистенциальное поражение», «странный парень», «замри и умри». Последняя рисковала стать культовой — сейчас я опять это понял, меня пронзило грустью. Мой куплет был очень жестокий и в то же время сентиментальный. О Сигите. Помню, когда я записал его и мы послушали удачный дубль с Михаилом Енотовым, он посмотрел мне в глаза и спросил:

— А ты вообще любишь Лену?

От неожиданности я скорчил рожу и задумался, а Михаил Енотов изобразил обезьяну — постучал себе по лбу с глупой рожей. Я передал ему наушники и ответил:

— Люблю, конечно.

Если бы любил, то и писал бы про нее.

Дослушал альбом — последней песней была «кто?», надел кожанку и пошел в курилку. Посмотрел на часы, потом

прошел по темному коридору к черному ходу ресторана Пушкина. Там курили повар в колпаке и официант в фартуке. В темноте я постоял, подождал, они меня не видели. Вот появился Пушкин и сказал курящим:

— Ребята, пора трудиться.

Он остался один на освещенном пятачке, тогда я вышел из темноты, пожал ему руку и снял тестовую кожанку. Пушкин аккуратно свернул ее, взял под мышку и пожелал мне хорошей ночи. Он выглядел совершенно расслабленным, как будто каждую ночь ему приходилось промышлять чем-то подобным. Но, может, и я так смотрелся со стороны. Остаток смены я нервничал, хотелось скорее свалить с места преступления.

В четыре часа утра бабушки закончили и ушли. Я разбудил Димку, мы оттащили все коробки куда надо, развешили в зал часть новых шмоток. Я сказал:

— Ну все, я — будить Юлю. И пойду.

— Куда ты, метро не работает.

— Прогуляюсь до открытия.

— Погоди.

Он опять отвел меня в примерочную.

— Я не могу его забрать, вытащи, пожалуйста.

Он достал из-за пюфика новое платье из «Бутика» и протянул мне. У меня от палева уши загорелись.

— Да засунь в штаны просто и выйди с ним. Я не могу, потому что с утра выхожу на смену. Че, мне весь день его шкерить? Это для девки моей.

— Господи боже мой. Вот как ты меня обхаживал, значит. Крюк научил делать. Хочешь на нары отправить?

Я разбудил Юлю, она прошла со мной до выхода из магазина, посмотрела сумку, я прошел в коридор торгового центра. Юля закрыла, махнула мне через витрину и сонно ушла обратно вглубь, в кабинет. Мне часто снилось, что я пытаюсь украсть нечто ценное и пищу на воротах. Каждый

раз, когда ты что-то воруеть, особенно если на сумму, которая превышает административное правонарушение, сердце как будто в ушах замирает и думаешь: все это было во сне, сейчас меня арестуют. Кажется, что все вокруг видят тебя насквозь, все знают и понимают про тебя все, просто ждали момента. Какой-то миг, и все снова ускоряется, сердце входит в привычный режим, симуляция загружена. Я под звук эха своих шагов прошел по пустым высоким помещениям торгового центра, почти никого не было, только редкие уборщики и охрана на входе-выходе, и вышел на Манежную площадь. Ночь освещалась фонарями. Пошел прогуляться вдоль лавочек. Было холодно, дул мерзкий и скользкий ветерок, слышны были пьяные голоса.

— Отшумели летние дожди! — гнусаво пели из кустов.

Какой сегодня вообще день недели? Выходной или праздник? Мое тело превратилось в вату. Хотелось лечь в постель и проспать часов двадцать, прижавшись к Лене, засунув в нее палец и размазав губы по шее.

— О, кто у нас тут! Женья!

Рука схватила меня за плечо. Я обернулся и увидел трансвестита Олега с бутылкой шампанского. Он протянул ее мне.

— Хуй не сосал? — спросил я перед тем, как выпить.

— Хаха. Да я даже не пью. Это тебе.

Я немного выпил, вернул ему бутылку. Он тут же передал ее кому-то из гомосексуальной пьяной свиты. Я сказал, что собираюсь пойти в метро. Олег заприметил бугор у меня в паху и потянулся туда рукой:

— Ты только проснулся, дорогой? Или рад меня видеть?

— Да, а где твоя девушка, кстати?

Кто-то из его прихвостней заржал.

— Понравилась? Она тебе понравилась? Завидуешь?

Я отмахнулся и пошел подальше от них. Пришлось еще минут двадцать или больше ждать у стеклянных

дверей, пока вход в метро не откроется. Я стоял, стучал зубами с этим платьем в штанах, пока двое бомжей дрались в переходе. Потом им надоело, они просто сели и переругивались. Дверь открылась. Мне казалось, что мент слишком пристально на меня смотрит и сейчас спросит паспорт. Ничего не случилось. На эскалаторе я наконец решился вытащить это платье из штанов. Немного разглядел его. Такая маленькая, легонькая вещица, украшенная разноцветными пайетками, довольно пошлый вечерний наряд. Стоит около восьми тысяч рублей. Я думал, что хрен с ним, с Димкой, подарю лучше Лене это платье, а он пусть идет в жопу. Но Лене оно не подошло. После работы Димка доехал до Медведково — у меня-то был выходной, — и я отдал ему платье у метро.

— Ну ты и тип, — сказал я. — Не буду с тобой выходить в ночь.

Он только улыбнулся и ткнул меня в плечо.

* * *

У меня появился еще один друган с работы. Парня звали Кирилл Бурыгин, он был очень флегматичный и обаятельный, а выглядел как король модников, которого достали из помойки. Лет ему тогда было совсем немного, вроде девятнадцать. Если было известно, что Пушкин не заночует дома, мы воровали водку и вино в магазине «Патерсон» и устраивали мощную пьянку у меня на кухне. Лена пила совсем немного, приглядывала за нами, кормила соевым мясом и рисом, смеялась и пугалась одновременно, когда мы начинали выпрыгивать в окно со второго этажа.

— Десантура! — кричал друг Бурыгина и летел в окно первым.

Я слышал его удар о землю, вставал на подоконник и крутил сальто на ветви дерева. Потом с плеском и смехом падал в осеннюю лужу.

— Эй, бляди! — слышал я сверху голос Бурыгина, и он, очень худой и длинный, в развевающейся клетчатой рубашке, медленно и страшно падал сверху. Иногда при нем была какая-нибудь девчонка, которой он лениво присовывал у нас за шкафом, пока я проделывал то же самое со своей Леной или уже спал. Одна такая пьянка сильно растянулась, кажется, до трех ночи.

Уволился я совсем неожиданно. Полдня отработал при квадратной голове и попробовал отпроситься, но, несмотря на то что работников было много, а работы мало, меня почему-то непустили. Я злился и ворчал. Бурыгин стоял на примерочной и тоже мучился от бодуна.

— Постой за меня, — сказал он. — А я выйду покурить.

— Если опохмелишься заодно.

— Обязательно.

Это правило, которое почти все нарушали: нельзя просить кого-то подменять тебя, если стоишь на примерочной. Просто отстой свой час, а потом иди на перекур. И вот нарисовалась эта беременная продавщица, и когда Бурыгин вернулся после перекура, она протянула ему бумагу и ручку. Это еще че за хуйня? — спросил Бурыгин. Пиши объяснительную, сказала эта беременная стукачка. Я со школы таких людей не видел, думал, их во взрослом мире нет. Они где-то умирают в подростковом возрасте, на худой конец, во времена студенчества. Я разозлился не на шутку.

— Как ты можешь быть такой падалью? У тебя же ребенок в животе.

Она посмотрела на меня как на пустое место. Я попросил принести листок бумаги и ручку для меня тоже.

— Я доставлю тебе удовольствие, — сказал я.

Бурыгин смотрел с ленивой тревогой. Я вывел: «Прошу уволить меня по собственному желанию». Так все и развалилось. Через какое-то время гопника Димку прижали и он ушел в армию, кому-то из работников дали условный срок. Может, мне повезло, что я не смог повернуть это дельце с кожаными куртками. Бурыгин и Митя тоже недолго проработали там. Но я все же скучал по должности, до которой не добрался. Часто видел в пьяном полусне, как оформляю ночами витрины, как езжу по разным магазинам, иногда приезжаю в тот топшоп, где работает Лена, застаю ее, как раз когда у нее кончается смена. Следующую работу мне не скоро удастся найти.

Она вернулась в номер, очень волнуясь. С необъяснимой претензией в голосе рассказала о том, как местный украл две сумки у русских туристок прямо на пляже. На скутере ехал по тротуару, остановился напротив, резко перемахнул через перила — секунда — и он уже обратно там, только с их сумками. Она встретила его взгляд, поймала жуткую полуулыбку — и он уехал.

Она ничего не могла поделать.

Она бессильна.

Испугана и в гневе.

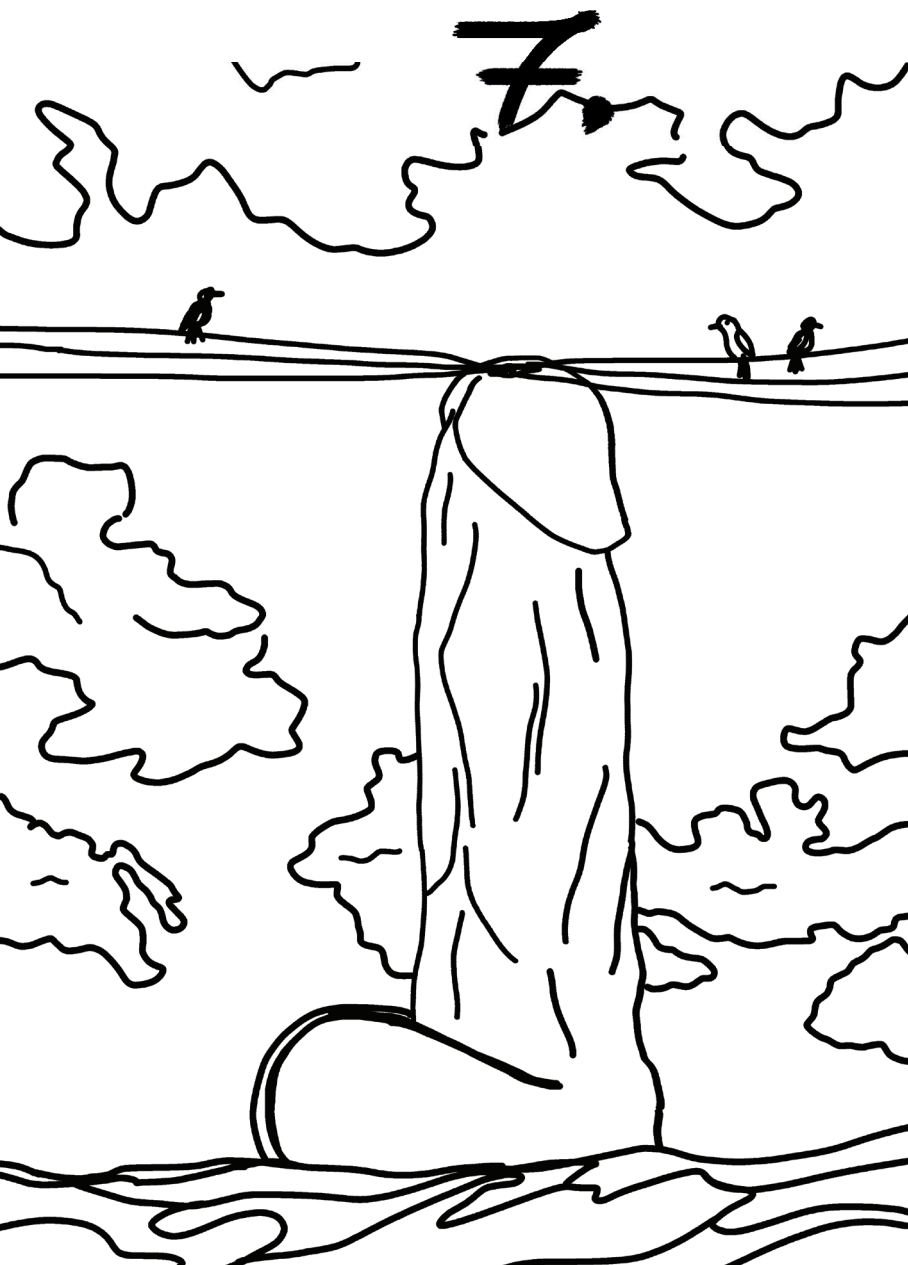
Я пожал плечами, сказал, что мне все равно здесь очень нравится.

От этого место не кажется менее хорошим для отдыха.

Редко где есть и море, и город, и горы, и цены.

Его работа тоже заслуживает уважения, она опаснее и труднее, чем наши: в моем случае — петь реп, писать, издавать, редактировать книги; в ее — владеть убыточным кафе и готовить еду для питерских модников. Наверняка он бы поменялся с нами.

Остаток дня говорили мало, отвечали друг другу односложно. Погода все хуже, и скоро уже не будет возможности купаться. Но можно ходить в горы, там никого нет, и оттуда открывается отличный вид. Она не любит горы, боится к ним подойти. Завершается месяц ее пребывания здесь, и мы еще ни разу не были близки как мужчина с женщиной, кажется, мы просто пытаемся пересидеть друг друга.

На несколько дней установилось бабье лето, и мне неожиданно написал Зоберн. Я приехал на встречу на полчаса раньше, сидел в центре под памятником Пушкину. Легкое похмелье стало привычкой, и оно не мешало радости от хорошего дня. Я был отлично одет, выбрит, подстрижен, у меня на днях вышел альбом, и о нем в сети появлялись сплошь восторженные отзывы. «Это не музыка, это — философия». Или «*ночные грузчики* — по-настоящему новое слово в искусстве». «Современные поэты Енотов и Алехин записали по-новому мозгодробительный альбом». «Отцы экзистенциального хип-хопа» — кажется, даже так нас стали называть. Еще по случайности примешивали к жанру «абстракт хип-хоп», но это нам не очень нравилось. Говорят, абстрактное мышление — это очень даже хорошо, но в нашем альбоме как раз не было ничего абстрактного. Даже мой отец написал, что чувствуется проделанная работа и что он не ожидал от меня (нас) такого уровня стихов. Так что удавалось справляться с похмельем, имелись костыли из признания и лести. Оставалось еще немного денег от последней зарплаты, и их я думал сегодня пропить.

— Давно ждешь? — спросил Зоберн.

— Да не особенно. Я же почти всегда приезжаю раньше.

— Синдром провинциала? — усмехнулся он. На нем были очки, туфли и дурацкая джинсовка. Так и должен был выглядеть писатель в моем понимании.

Мы пошли гулять, и Зоберн рассказал, как скатался в США. Я тоже подавал заявку на участие в этой программе. Суть была в том, чтобы выбрать самого великого русскоязычного писателя до тридцати пяти. Конечно, этот жук обыграл меня. Обошел всех, чтобы опозориться.

— Выиграл, но и не выиграл, — заржал Зоберн. Он так напился в самолете, что стал приставать к пассажирам со всем своим литературным величием.

— Это как? Хуй показывал, что ли?

— Что-то вроде этого, Алехин. Но мое величие не только в хуе.

В общем, Зоберна не выпустили даже из аэропорта — отправили обратно в Россию. Но он казался радостным, ни о чем не жалел.

— Как же так, — сказал я. — Думал, в Литературном институте вас научили прогибаться.

— Я тебя не для этого позвал.

Мы взяли коньяк, сели в сквере на лавочке, и Зоберн рассказал, зачем решил встретиться со мной. Замаечила книжная серия.

— Группа издательств «Аттикус», слышал?

— Неа. Знаю скейтерскую фирму «Аттикус», как раз сейчас коплю на гоповку.

— А, невежда. Короче, это почти та же контора, что издавала «Азбуку». Такое знаешь?

— Это конечно.

— Серия будет называться «Уроки русского». Я — куратор и редактор. Буду вести проект целиком.

— Крутой. В чем концепция?

— Открытие современной подводной классики. А также новых имен, которые настолько хороши, что можно назвать их эталонными. В первую очередь я издам Анатолия Гаврилова и Дмитрия Данилова...

— Ну, про этих я все время от тебя слышу. Потом кого? Сенчина?

— Да, кстати, Сенчина избранные рассказы. Есть еще писатель Шаров.

— Себя любимого не забудь.

— Это само собой.

Мы понемногу пьянели.

— Переходи уже к делу, — сказал я. — Будешь ты меня издавать или нет? У меня есть роман и сборник рассказов.

— Только если не будешь ныть. Как назовем твой сборник? Одно условие: первым рассказом ставим «Бой с саблей». Так можно и назвать. Будешь у нас самым слабым звеном, даровитым пацаненком из поселка Металлплощадка. Или же придумаем тебе легенду, что на самом деле ты богат.

Я подумал, погнался за бездомной собакой по двору и предложил название «Ядерная весна» в честь одного крепкого рассказа. Зоберну название понравилось. Потом мы ехали к общаге в метро, хотелось встретиться с Михаилом Енотовым, отпраздновать с ним эту новость. У меня будет книга. Хотя я все же чувствовал какой-то подвох, это же старый добрый/злой/огромночленный Зо.

— Зачем мы вообще туда идем? — негодовал он.

— Ну надо же нам куда-то ехать?

— Не люблю я его.

— Не волнуйся, он тебя тоже не любит!

Дальше я помню смутно. Пили на крыльце общаги. Зоберн высмеивал писателей, в частности, Захара Прилепина. Называл его краснорожим мужиком. Краснорожий мужик написал то, краснорожий мужик похвалил это, краснорожий мужик сделал важное политическое заявление. Я защитил Прилепина так:

— Он же просто любит друзей и ненавидит врагов!

Зоберна это рассмешило, по-моему, он даже записал в блокнот. Я запустил воображаемый комикс про писателей и ввел туда персонажа «лягушка Быков». Лягушка Быков проквикал это, проквикал то. Стало известно, что все писатели произошли от обезьян, и только Быков от жабы. Лекции Быкова включили задом наперед, и оказалось, что это просто кваканье болотных жаб. Михаил Енотов заметил, что Зоберну надо назвать серию «Уроки жидовства». Зоберн предположил, что Михаил Енотов ревнует, потому что у него мало публикаций. Но тут он

промахнулся, конечно, я сказал, что наш альбом важнее всех публикаций Зоберна вместе взятых. Что *ночных грузчиков* будут слушать, а его рассказы никому не нужны. Зоберн сказал, что он может быть нашим менеджером. Михаил Енотов не захотел напиваться и пошел к своей девчонке. Последнее, что я отчетливо помню: мы с Зоберном идем переулками за бухлом. Уже стемнело и похолодало. Меня пучит.

— Прости! — простонал я и побежал в кусты.

Обильно опростался под грохот проспекта Мира, переходящего в шоссе. Зоберн стоял в десяти метрах под фонарем. Я не знал, что мне делать. Минуту подумал, побряхтел с голой задницей, потом стянул свои узкачи и трусы, подтерся ими. Аккуратно свернул какахами внутрь, повторил, выкинул. Модные трусы, украденные из самого сердца Москвы. Оделся, вышел и не поверил своим глазам. Зоберн гладил, почти дрович, свой здоровенный восстающий хуй. Блики от фонаря играли на очках, его мускулистая рука, обтянутая джинсой, начинала танец. Змей надувался и распрямлялся в полумраке. Меня стошнило на обочину.

— Пошел ты в жопу со своей серией! — выругался я и побежал к метро.

— Алехин, дурак, ты куда?!

После этого сплошное мельтешение. Вагон метро, люди, Медведково, «Патерсон», корейская морковь, которую я ем при помощи рук. Лена гладит меня по голове в постели и говорит «опять напился, пупсик». Я держусь за столб на пустыре, но это не столб, а огромный половой хуй, подпирающий небеса. Проснулся в луже пота. Лена сидела на краю матраса, одетая для выхода на работу.

— Может, хватит пить? — спросила она.

— Что случилось? Когда я пришел? Я тебя не обижал?

— Я пришла с работы. Вы сидели на кухне, допивали. Мы поужинали, твой друг попросил вызвать ему такси. Ты предложил ему остаться и пошел спать. Я закрылась за ним и легла.

— Что за друг?

— Носатый друг.

— Он был у нас дома? Зоберн?

— Да, но все в порядке. Он был трезвее, привел тебя.

— Хуй тебе не показывал?

Лена издала смешок и взялась за голову.

— Ты как будто в озере купался, — сказала она. — Тебе нельзя так много пить.

Действительно, мою футболку можно было выжимать. Похоже, у меня начались проблемы с сердцем.

— Мне надо похмелиться. Пожалуйста.

— Не надо. Перестань, Женя, — если она называла меня по имени, значит, была недовольна. Обычно только что-то ласковое.

Не знаю, следует ли забегать вперед, но никогда, конечно, Зоберн не издаст мою книгу. Мало того, у нас была еще встреча через неделю, мы пили пиво, а потом должны были повидаться с переводчицей на голландский. Зоберн долго водил меня дворами, созванивался, уточнял место встречи. Мы спускались в метро, выходили, ждали.

— Да хватит трахать мои уши! — взмолился я. — Нет никакой переводчицы. Вернее, есть, но ты меня с ней никогда не познакомишь. Просто скажи, что разыграл меня!

Мы еще немного поплутали, но потом она якобы стала недоступна.

— Ладно, не судьба. Но я ей отправлю письмо, — сказал Зоберн.

Зато он написал в своем ЖЖ про меня превосходный пост. Под фотографией, сделанной им (я смотрю в объектив

в своей лучшей гоповке «Кархартт» и темно-синих узкачах в центре Москвы, у дорогой красной тачки), Зоберн написал, что я один из лучших писателей современности и, несмотря на то что дико богат и успешен у женщин, всерьез думаю о Родине, о ее глубинках и простых людях. Мои герои — святые дворовые ребята, учителя труда, пролетарии и полукриминальные элементы. Мои драмы взяты из жизни, мой слог прост, но поэтичен. Мое лицо — лицо человека, который сделал себя сам. В конце поста Зоберн резюмировал: «Господь любит его, за это я ручаюсь лично».

* * *

11 ноября мы с Костей оказались на сцене петербургского клуба «Танцы». Это был первый концерт *макулатуры*, место мне очень понравилось, персонал отнесся к нам хорошо, угощали выпивкой, мне сделали вкусный веганский сэндвич.

— В следующий раз пообещай приехать с *ночными грузчиками!* — требовала барменша.

Вход был свободный, мне и Лене оплатили проезд из Москвы и обратно. На концерте было человек тридцать. Не был уверен, пришли люди послушать нас или просто так выпить, поэтому перед э́том я сказал в микрофон:

— Извините, мы группа *макулатура* и сейчас презентуем альбом «детский психиатр». А также споем (прочитаем) новую песню «жан-поль петросян». Все это займет около сорока минут, потом вы сможете продолжить выпивать. Выслушайте нас, пожалуйста.

Эти треки были выучены и отскакивали от моих зубов. Были Сжигатель, Марат и Валера Айрапетян с целой семьей. Да, он взял с собой маму, жену, сестер. Накануне мы пили коньяк, и его армянско-русское семейство представляло собой основу фан-базы.

— Давай, сынок! Мочи! — выкрикивал Валера из-под сцены. Он кивал головой, разглядывал людей, подбуживал и немного смущал меня своей непосредственностью. Но в то же время без него вечеринку представить я не мог, это было бы слишком уныло.

Выступили хорошо, Костя пару раз забыл включиться, но я подхватывал его куплеты, и он нагонял. Когда программа была закончена, люди хлопали и просили на бис. Кажется, искренне. Наверное, это были наши слушатели, а не случайные пассажиры. Я всматривался, как они выглядят. Приличные ребята, растерянные любители медленного чтения, но не те обблевыши, которых обычно встречаешь на литературных мероприятиях.

— Давай еще раз «Ксению Анатольевну»! — попросил Валера.

Я сказал в микрофон:

— Он поил меня коньяком вчера. Отказать этому хачику я не могу.

Потом, естественно, хорошо выпили. Когда мы с Леной ехали обратно, в поезде стало очень грустно. Я держался за свою банку пива и смотрел через окно плацкарта на удаляющийся город, который казался таким родным.

— Скучаю по Петербургу. Там почти все мои друзья.

Лена сказала, что я могу возвращаться туда, если хочу. Пока у нее будет сессия в Кемерове, я могу поехать в Петербург, все равно работы в Москве у меня нет. Там что-нибудь решим.

Но в Москву приехал Маевский, самый красивый басист Поволжья. Родной брат Михаила Енотова. Полтора месяца мы тусили вместе, «искали работу». Если точнее — пили водку, украденную в «Патерсоне», и слушали композицию репера Бабангиды «Дисс на Шока». Мы понятия не имели, кто такой Шок, но, судя по песне, его

было за что унижать — песня была гениальна. Она спасала нас.

— *Дмитрий Бамберг жидок ебанный / ненавидит свою маму, на зоне его в туза ебали / как Кен ебал Барби...* — подпевали мы этим грандиозным стихам.

— Мужики что пьют? — спрашивал Маевский.

— Володю! — отвечал я.

Мы резко чокались, выпивали, занюхивали морской капустой, листали толстый справочник «Работа и зарплата», звонили в разные конторы. Большую часть собеседований пропускали, но иногда ходили куда-то. А иногда совсем пьяный Маевский не выдерживал и орал в трубку вместо ответов на вопрос об опыте работы и образовании:

— Маевский!

Я смеялся, протягивал ему новую рюмку и спрашивал:

— Что пьют мужики?

— Володю, — вяло отвечал он.

Потом он стал набирать телефоны разных вакансий и уже без всякого здравствуйте орал в трубку:

— Маевский! — и бил ей о телефонный аппарат.

Потом мы засыпали в обнимку. Лена уже была в Кемерове. На работу таким образом устроиться не удавалось. Сосед Пушкин смеялся над нами, ласково называл петушками и показывал фотки наших пьяных тел, заснятых им в нелепых позах на мобильник.

25 декабря я снова был в «Танцах». На этот раз выступали *ночные грузчики* — приехал с Михаилом Енотовым. Он был при невесте. Пока мы чекались, туалеты протекли. Барменша и арт-директор, смеясь, черпали вонючую воду. Барменша была милая в этих перчатках и резиновых сапогах.

— Под *ночных грузчиков* должно быть только так! — сказала барменша.

Сам я был без Лены, она застряла в Кемерове надолго. В тот вечер было сорок семь человек по билетам, стоил наш концерт сто рублей. Как раз хватило оплатить проезд. На этот раз я подготовился хуже, у меня было похмелье, и болела скула. Мы протусили тут пару дней перед концертом, а позавчера ходили на литературное мероприятие, где Сжигателя Трупов награждали дипломом подающего надежды петербуржца. На крыльце, кажется, Союза писателей здоровенный поэт в белом пиджаке и с видом убийцы спросил у меня прикурить, а я предложил прикурить от жопы.

— Сломался прикуриватель? — спросил поэт, когда я отлетел в сугроб.

— Да, что-то огня в жопе уже не так много, — горько ответил я. — Что же ты шуток не понимаешь?

Поэт помог мне выбраться из снега. Зимней обуви у меня не было, в ту зиму я ходил в рваных кедах и задрипанном пальто. Приходилось пить очень много, чтобы не заболеть.

— А парень-то нормальный, — ответил поэт. — Пошли накатим.

Так пролетели предшествующие репу дни, и я подготовился к выступлению не очень хорошо. Я подходил к микрофону, а в голове мельтешили флешбэки, как какая-то бабушка бьет меня сумкой, когда я пытался украсть пару казенных бутылок водки. А потом спал со Сжигателем и его девушкой Яной, и они обнимали меня, как малыша, с разных сторон.

Михаил Енотов тоже волновался. Но подготовился он хорошо и держался молодцом.

— Это мой друг обезьяна, — сказал он, указав на меня. Вы бы не поняли, для этого надо знать его хорошо, как я. Когда он волнуется, голос его звучит, как у подростка, изображающего мужчину.

— Спасибо, что пришли посмотреть и послушать, — сказал я.

Все прошло душевно, хоть я и сбился несколько раз. Мне хотелось дать себе во вторую скулу, и я думал, что Михаил Енотов будет ругаться. Но он был доволен выступлением, даже не обратил внимания на мелкие косяки. Люди подходили пообщаться, делились впечатлениями. Кто-то из них уже читал мои рассказы. Арт-директор сказал, что мы можем пить на баре сколько влезет. В итоге все разошлись, метро закрылось, а в баре остались только я и мой приятель по прозвищу Философ.

— Как тебе концерт, друг?!

Он только кивал. Я спрашивал барменшу:

— Как тебе концерт?

— Вообще класс, моя любимая группа.

Барменша наливала, я спрашивал:

— Да как тебе концерт, ебанный друг-философ?!

Он кивал. Потом сказал: нормально. По-моему, он уснул на подоконнике. Я взял коктейль и валялся на сцене под проектором. Барменша подошла и начала целовать меня. Она поглаживала меня по ширинке, но хуй в руку не брала. Пожалуйста, попросил я. Достань его, возьми в рот. Мне это необходимо. Это вопрос жизни и смерти.

— Тебе надо, ты и доставай, — она смеялась. Я сунул руку в штаны и пьяно наябывал в тесноте узкачей, не в силах расчехлиться. Мне хотелось ее отодрать, но встать я не мог. Она делала маневры, когда я распускал руки.

— Губами целуйся, — говорила барменша. — Напился, поэт?

— Мне хочется, но я не могу встать. Когда я встану, я выебу тебя в жопу.

Она только хохотала в ответ.

— Поставлю раком у протекающего туалета и буду ебать в жопу, пока ты не кончишь десяток раз.

Когда метро открылось, мы прошлись по улице и спустились в вестибюль. Я был в мокрых кедах, трясло от начинающегося похмелья, очень хотелось к бабе под одеяло. Возьми меня к себе, говорил я и целовал барменшу.

— Я должен выебать тебя в жопу, — молил я. — Это судьба. Нельзя уходить от судьбы, нельзя идти ей наперекор.

Она гладила меня по щетине, говорила, что к ней нельзя. У нее там сейчас полно народу. Трахнешь меня в жопу потом, отшучивалась она, когда гости уедут. Философ брезгливо смотрел на это, был очень хмурый. Мне пора, сказал он. Спасибо за концерт и посиделки. Барменше тоже пора.

Я остался один в зале, пассажиров становилось все больше. Я поехал к Сжигателю на проспект Просвещения, и там у меня случилась шестидневная бессонница. Ночами, когда Сжигатель и его девушка спали, я ходил по кухне из угла в угол и бормотал: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Они звали меня в постель и стелили мне в углу. Но я постоянно ворочался, скидывал одеяло, опять вставал, то начинал маниакально стирать вещи в раковине, то несколько часов не отрываясь печатал тексты, то залезал на табурет с ногами и принимался молиться неведомому богу, держась за лицо. На Новый год я украл для них шампанского, но сам к нему не притронулся. Пока Сжигатель был на работе, мне показалось, что его девушка хочет убить меня. Я старался не поворачиваться к ней спиной.

— У тебя мои волосы? — спрашивал я.

— Какие волосы?

— Позвони Сжигателю. Срочно позвони Сжигателю. Попроси у него денег мне на билет.

Я доехал до Москвы, там еще взял денег в долг и улетел домой, в Кемерово. Какое-то время провел с Леной. Может быть, месяц или полтора, пришел понемногу в себя.

Я хотел сказать ей у стойки регистрации: нам пора расстаться.

Но какой-то мужчина попросил помочь ему.

Пришлось побыть его переводчиком.

Потом мы стояли в очереди, и я видел в ее прекрасных глазах этих змей — все мои измены.

Копошились, кусали друг друга.

Вон вылезали из кожи.

Ладно, поцелуй меня и езжай. Тебе не обязательно проходить это все, ты еще настоишься в очередях, сказала она.

Я заплатил десять тысяч местных денег за стоянку скутера.

Меня ждал серпантин, проезд через город, последний в году запой.

Семь дней ада.

Завтра прилетит курьер от дьявола.

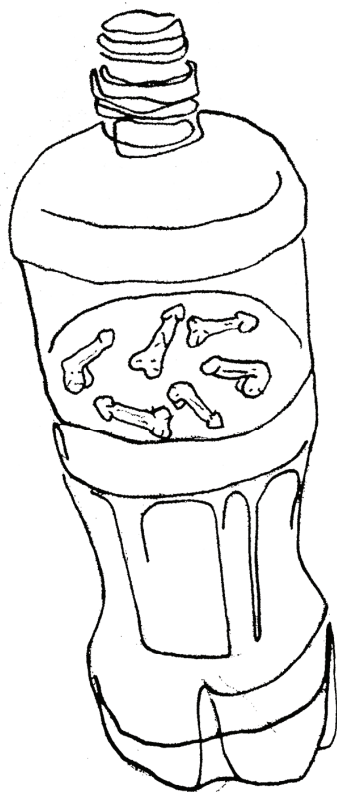
Мы пойдем в бордель.

Мы пойдем на берег.

Мы пойдем в горы.

А спустится с гор — не я, а кто-то другой.

8.

Костя с Дарьей переехали в Москву — жить вместо меня по соседству с Пушкиным. А я опять оказался в Автово. На этот раз моим соседом был Философ. Это был очень мрачный и красивый парень, он вечерами включал авангардную музыку, которой я больше не слышал нигде, и хватался за свою кудрявую голову. Его преследовали неведомые боли, физиономия становилась замершим в отчаянии памятником. Он так часами сидел, раскачивался на матрасе, музыка наполняла квартиру безумием. Стоило Философу выйти на улицу, как его преследовали неудачи: то поскользнется и подвернет ногу, то сядет не в тот троллейбус, то потеряет что-нибудь ценное. Он купил себе трость и ходил с ней, прихрамывая. Работы, кажется, у него не было, учебу он собирался бросить.

Один раз я встал ночью пописать и заметил, что Философ неподвижно стоит на кухне.

Газовая плитка горела, и он уставился на огонь. Я замер и наблюдал за ним из коридора. Ничего не происходило. Наконец, не отрывая взгляда от конфорки, Философ сказал:

— Parle ou pars.

— Что? — переспросил я.

— Что? — ответил он раздраженно.

— У тебя все нормально?

— Я тебя слушаю.

Я перепугался, не нашел, что сказать, и отправился обратно спать.

Лена все еще была в Кемерове, хотела подкопить денег, у нее там появилась работа, которую она не спешила терять. К тому же приближалась очередная сессия. Я старался не пить, перечитывал старые книги, варил гороховую кашу для себя и Философа, воровал что-то по мелочи в продуктовом, лечил хламидиоз на Ленины деньги. Недавно случилась измена, которую она мне простила и даже выслала денег на лечение. После работы я писал повесть и сразу

в ней пытался проанализировать, зафиксировать то, что чувствует изменник. «Подробности одиночества» — так я назвал текст и вывел в ней Лену как свою жену, чтобы немного польстить ей, чтобы она меня простила. Притом, пока я писал, я чувствовал раскаяние и желание исправиться, но, как только поставил последнюю точку, все опять начало крошиться. Я ночами лежал в постели и зачем-то думал о Сигите. Жалел, что не избил Ваню, когда у меня был шанс. Но наступало утро, и мне снова хотелось оказаться поскорее с Леной.

— Неужели ты никогда не разлюбишь никого? Просто эти бабы налипнут на сердце, как грязь, и ее будет становиться все больше? — спросил я у Философа.

Он скорчился, как от зубной боли, и ответил:

— Знаю, что после баб надо лечиться. Чем больше промезуток между, тем ты здоровее.

С бабами ему тоже не везло. Постоянно подхватывал венерические болезни.

— Приезжай скорее, — говорил я в трубку. — Я ищу нам жилье, скоро все опять будет хорошо.

Когда она читала повесть, то несколько часов не выходила на связь.

— Я плакала. Не делай так больше. Это обидно. Мне больно было читать.

— То есть не писать больше о нас?

— Не изменяй мне, дурак!

Но даже когда я был трезвый, мысли о других бабах не давали покоя, гниль проникла в меня. Я был испорченной куклой в руках чертей.

Марат снова взял меня устанавливать двери, но скоро заказов стало мало, и появилась другая халтура — установка окон в строящихся домах под Стрельной. Работа повторялась изо дня в день, ничего интересного в ней не было, но

и простой ее тоже было не назвать. Мы с Маратом садились в трамвай и полчаса ехали вдоль шоссе, потом двадцать минут шли. Он переодевался в вагончике, я сразу приезжал в робе. Со здоровенным человеком-машиной растаскивал очень тяжелые окна по этажам. Марат подготавливал оконные проемы, потом мы вдвоем держали окна, а Марат их крепил. Человек-машина вообще с нами не разговаривал, мы общались, как будто его нет рядом.

— Как там Лена? — спросил Марат.

— Ничего вроде. Говорила, что простит все, кроме измены, но в итоге простила и ее.

— Не ценишь ты свою женщину.

— Не знаю, отец, мне ее мало. У тебя же две дамы, почему мне не полагается?

— Это даже мне тяжело, сынок. А ты совестливый, ты так не сможешь писать, у тебя все уйдет на чувство вины.

Наверное, какая-то доля правды была в его словах.

Мой курс лечения от хламидиоза закончился, и на выходных я поехал в бар выпить с Валерой Айрапетяном. Он был в возбужденном состоянии. Его брак разваливался.

— Я познакомлю тебя с Магдаленой!

Мы выпили водки, и пришла его любовница. Она тоже сразу стала называть меня Сынком, вульгарная девушка моих лет. Я понимал, что для некоторых мужиков она может быть притягательна, на меня же такое никогда не действовало: «проблемы, и от них надо бежать» — вот что я считывал с таких театральнo-трагических лиц.

Любовница тогда работала вебкам-моделью.

— То есть ты запиливаешь в себя перед монитором всякие овощи? — невинно спросил я, прихлебывая бухло.

Она засмеялась низко, как бы из горла. Сказала, что большинство ее клиентов — мазохисты. Напротив, они в себя что-то запихивают, тогда как она командует. Потом

любовница танцевала. Это смотрелось немного странно в баре. Но посетителям было плевать, смущался только я. Валера смотрел на нее, выпучив глаза, как будто он сейчас находился на карусели, с которой боялся свалиться. Я обнял его, мы хлопнули еще по рюмке. Любовница села к нам, достала телефон, поговорила с кем-то.

— Скоро придет Лида, — сказала она.

Валера воодушевился:

— Она тебе понравится! Твоя фанатка.

— Да, — сказала любовница. — Лида обожает песню «владимир познер».

— Ну и что. У меня есть Лена, — ответил я.

Лида совсем не была заманчивой, на мой взгляд. Крепкая девушка с округлой грудью, крупной головой, она много смеялась. Но когда я выпил, я вытянул сам ее на маленький пяточок для танца и прижался носом между сисек.

— Мне сказали, что тебе нравятся мои песни. Давай спать вместе.

Она засмеялась и ответила:

— Никогда твоих песен не слышала!

Через какое-то время я оказался в ее квартире, она тихо провела меня к себе в комнату:

— Пожалуйста, очень тихо, — сказала Лида.

Она раздевалась, как будто женщина с рекламы баварского пива. Сплошная животная энергия. Золотистые волосы, мощный подбородок, груди, жирок, но не свисающий, а упругий, приятный на ощупь. Она накинула что-то домашнее и пошла подмыться.

— Не смей засыпать.

Какой там спать. У меня стоял, как пушка, я разделся догола и встал в коридоре. Лена, прости, думал я, я зверь. Лена, прости. Лида вышла и схватила за лицо, зло зашептала:

— Ты что делаешь?! У меня мама дома!

Она загнала меня обратно в комнату и заперлась на шпингалет. Взяла за хуй и уложила в постель. Надо бы надеть гондон, подумал я. Но уже водил по половым губам. Сильными руками Лида сжала мои ягодицы и как будто забросила меня в себя — резко проткнулась мной, издав низкий рев.

— Вставай, мне надо на работу.

— Кем ты работаешь?

— Администратором.

— В кафе?

— В кафе.

— Мне нужно пиво.

— Пошел. Будет тебе пиво.

— А по вегану что-нибудь есть?

— Есть салат, можно сделать без сыра.

Я ел салат, смотрел в окно. Потом Лида сказала, чтобы я уходил из кафе, не мешал ей. Вечером могу ее встретить, если захочу.

— Не знаю, мне завтра на работу. Но, наверное, захочу, — сказал я.

Когда добрался до дома, Философа не было. Я написал Лене, что снова изменил ей, потом отключил телефон и интернет. Вопреки собственным ожиданиям, мне было очень хорошо. Я провел ночь как животное, трахался по-животному, наконец вспомнил, что такое испанская дробилка. Со стоном спустил на грудь и подбородок. Хватался за здоровую задницу и пыхтел. Конечно, обидно, если я, только пролечившись, опять что-нибудь подхвачу, но во мне появилась энергия. Лида дала мне заряд. Я сел за ноутбук и написал рассказ «Ни океанов, ни морей», который придумал уже несколько лет назад. По-моему, это один из лучших моих рассказов. Название, правда, я грубо похитил у Зоберна (у него был текст «Ни островов, ни границ», но разрешение

я получил, так что все нормас), в остальном же это очень тонкая и ювелирная работа. Мой любимый жанр — взять персонажей из жизни и заставить их пережить вымышленное событие. Но выдумать историю практически невозможно. Нужно не просто выдумать, а пережить внутри, создать воспоминание, создать мир события. Подготовка этого текста заняла годы, да. Один знакомый рассказал мне, как обокрал мужика, и я решил, что эта история должна стать моей. Я стал делиться ей от своего имени, меняя подробности под себя. Потом понял, что один я с таким бы не справился и припелел туда своего друга детства Мишу. Спустя пару лет я уже вспоминал эти события, будто они настоящие. Но все равно приходилось обкатывать ее. Я очень редко позволяю себе рассказывать друзьям небылицы, но это было необходимо, иначе рассказа бы не было.

И вот он родился.

Я стал профессионалом. Написал такой выдающийся текст за четыре часа. Какая разница, что личная жизнь летит в пизду. Я включил телефон. Лена написала: «Завтра созвонимся». Был уже вечер. Я поехал к Лиде, украв в «Пятерочке» две бутылки коньяка. Назавтра у нее был выходной, а мне пришлось несладко. Марат смотрел на меня брезгливо-насмешливо, пока я таскал окна и пердел, как старик.

— Сынок, иди просись, что с тобой сегодня?

— Не знаю. Коньяк испортил мой живот.

Даже человек-машина высказался:

— Ебать, как будто сгнившее говно заспиртовали.

Когда я ехал с работы, то созвонился с Леной.

— Привет, — старался говорить так тихо, чтобы никто в трамвае не услышал. — Как ты?

Нормально. Все хорошо? Ты со мной? Нет. Я не с тобой. Я не вернусь, сказала она. Ты сам говорил, что все случайность. Я случайность, любовь — реакция на запах. Я так не хочу.

Даже не помнилось, чтобы я такое говорил.

— Это точно из меня цитаты?

— Я не вернусь, — повторила Лена.

Марат задумчиво смотрел в окно. Я заплакал.

— Ладно, — сказал я и отключил связь.

Тихонько всхлипнул, слезы катились, я их вытирал тряпичной перчаткой. Мерзкие воспоминания минувшей ночи вторгались в реальность: на этот раз у Лиды не было дома мамы.

— Я наассу на тебя! — пошутил я. Лида потащила меня в ванную. Я встал на бортик и мочился ей на грудь. Потом она помылась, сполоснула ванну, я лег внутрь. Теперь ты. Да ладно, не буду, если не хочешь. Да нет, надо, не хочу быть владыкой, хочу быть с тобой на равных. Она поссала мне на живот. Коньяк подкатил к горлу. Я проглотил собственную блевотину. Это видение еще долго будет меня преследовать с похмелья. Крепкая деваха, враскоряку нависающая над ванной, ее пухлая писька и дымящаяся моча. Я старался не дышать, быстро смыл все с себя и из ванны. Лида как в трансе помыла мою голову, намылила мне пах. Но чувство чистоты у меня не появлялось. Мы пошли в постель, она рычала и елозила на мне. Кончить я не смог.

— Сынок, ты че, плачешь? — удивился Марат.

— Лена меня бросила. Знал бы ты, на что я ее променял!

Я горько засмеялся, слезы затекали в рот. Еще икать начал. Я купил домой водки, и мы выпили ее с Философом, заедая гороховой кашей. В моем углу ночью пахло не очень хорошо. Все это время с Леной я думал о Сигите, жалел, что не отпиздил Ваню. Лена права. Она все правильно сделала, не нужно ко мне возвращаться.

Потом была еще какая-то интрижка и влюбленность, и меня жестоко кинула баба, зато мы с Костей съездили

в небольшой тур: Нижний Новгород и Казань. В это время Дарья пыталась покончить с собой, перерезав себе вены. После такого события Пушкин попросил их съехать, и Косте повезло: он нашел отличную комнату в самом центре Москвы. Еще было экспериментальное выступление в Москве с музыкантами, которых собрал Кирилл Маевский и привез на день из Казани. Концерт получился убыточным, и убыток оплатил я, хотя и так уже был должен всем кучу денег. Потом я за каким-то хреном опять вернулся в Петербург, хотя жить на этот раз было негде, снова начал много пить и по выходным встречаться с Лидой.

Сперва в планах не было встречаться с ней, но Валера тогда находился на распутье и использовал меня как алиби, чтобы проводить время с любовницей, так опять нарисовалась и Лида.

— Что, рэпер-брошка? — сказала она, увидев меня спустя полтора месяца разлуки. — Говорят, влюбился ты там до беспамятства.

— Да, но вот опять к тебе вернулся.

— Такого говна даром не надо.

Однако мы опять оказались в ее постели. Трезвый даже не мог ей вставить, но стоило прибухнуть, и страсть разгоралась. У нее были светлые короткие чулки, которые она натягивала на свои мощные икры. Я просил ее заплетать косички, трахал Лиду раком, держась за них, а потом размазывал сперму по молочного цвета чулкам.

С утра в понедельник приходилось просыпаться очень рано. Я смотрел, как Лида похрапывает, аккуратно будил ее, чтобы закрылась, и валил на новую ненавистную работу. Мне надо было ехать за несколько часов от Петербурга с одним рыжим дебилом. Он ждал меня на своей задроченной восьмерке у одной из пригородных станций, потом мы гнали полтора часа в какой-то населенный пункт, кажется, Мельниково. Рыжий много говорил. Мы отделывали

вагонкой коттедж, утепляли стены, еще занимались мелкой работой на участке. Я писал о говнюке и этой работе в «Камерной музыке», повторяться нет желания. Могу только сказать еще разок: этот черт кинул меня и пусть сосет свой рыжий хуй.

Чем ближе было лето, тем жестче были пьянки на выходных. К Лиде пришли приятель и подруга, и мы напились водки. Трезвые-то они выглядели прилично, модные молодые ребята. Но когда напились, приятель разрезал руку себе и руку подруге, и устроил братское кровосмешение. Лида ловко убиралась за ними, успевала и выпить. Потом мы пошли в постель и хорошенько, по-звериному, поеблись, после чего я уснул голым, лежа на спине. Под утро приятель пришел в комнату посидеть вконтакте с Лидиною компа, но ему не давал покоя мой стоящий торчащий хуй в предрассветных сумерках. Приятель хлебнул из полторашки и подошел к шляпе. Взялся за нее, лизнул. Я почувствовал какое-то палево и открыл глаза. Секунды три у меня ушло на то, чтобы понять, что происходит. Рука, хуй, язык, пацан со щетиной, расстегнутый ворот клетчатой рубашки, цепкие пальцы на стволе.

— Саша, ты гомосек? — спросил я. — Выпусти.

Он застыл в такой позе, на коленях перед кроватью, глаза в глаза, ища ответ на дне моего вопросительного взгляда. В одной руке, повторяю, у него был мой хуй, в другой — пластиковая бутылка пива.

— Я нормальный, — сказал он и отхлебнул. — Пиво будешь?

Лида тоже проснулась и уставилась на приятеля.

— Че случилось? — спросила она.

Тут до него дошло отпустить мой орган, встать и направиться вон из комнаты.

— Не буду мешать, — бросил он из коридора.

— Твой друг пытался отсосать у меня, — сказал я Лиде.

— Давай спать, — был ее ответ. Как будто ничего не произошло, она отвернулась к стенке и сразу заснула.

В очередной понедельник я понял, что не хочу тут оставаться. Ни работать, ни быть с Лидой. Попросил в долг денег у Философа, чтоб купить сидячий билет до Москвы. Лида даже отпросилась с работы, чтобы проводить меня. По-моему, Философ испугался, когда я зашел к нему с ней. Он теперь жил в коммунальной комнате в центре. На столе валялись учебники и книги на французском. Лида все время меня обнимала, а я едва стоял на ногах. Казалось, Философу противно нас наблюдать, он дал тысячу рублей и предложил присесть. Лида села на его постель.

— Красивый философ, — сказала она.

— Нам пора, — сказал я. — Спасибо. Верну.

Разболелась голова, так, что начал поскуливать, опохмелка не помогала. Мы сидели на лавочке, день был все жарче и жарче. Лида положила мою голову себе на колени, сказала, что будет ждать меня. Я внутренне сопротивлялся ее нежности, старался, чтобы отношения наши строились на животной страсти и обрезались, как только она выпадала из поля зрения. Но тут не выдержал и спросил:

— Ты меня любишь? Тогда постараюсь вернуться.

— Да, — сказала она, но как-то спокойно, осознанно. — Я тебя люблю.

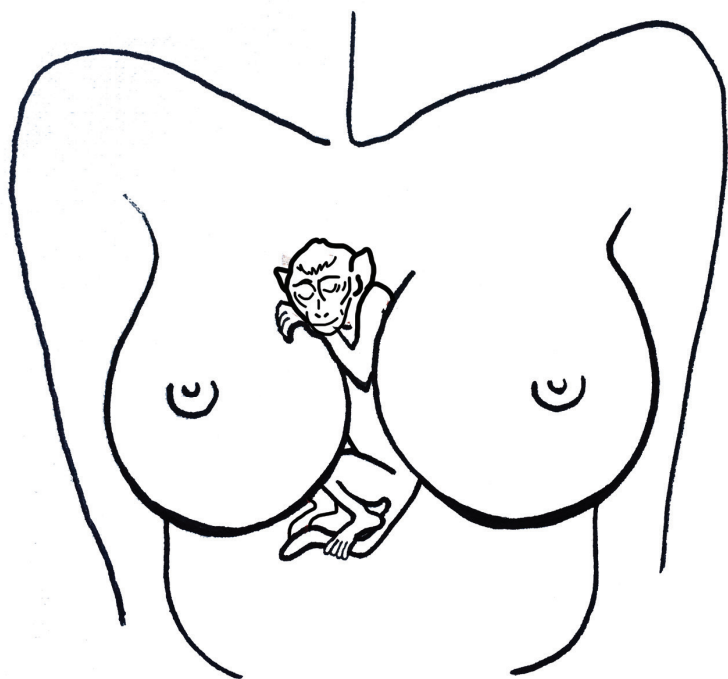
Перед поездом я закинулся анальгином, сразу съел четыре колеса. Увиделись мы не скоро, я не старался вернуться, обманул. Сел на неудобное сиденье между незнакомыми людьми, положил рюкзак себе на колени, уткнулся в него носом и попытался замедлить карусель в голове. Поезд поехал в самую тьму, ничего не получалось, будущее пугало.

*Я такой великий фильм посмотрел.
Послушай, какой крутой трек.
Знаешь, вот эта книга тебе точно будет по душе, она
реально перевернула мой мир.
Бля, какая вкусная вода.
А есть тот заботительский сэндвич?
Такой стояк вчера был.
Пиздец, галерею такую посетили.
Ты только подумай, какая занимательная мысль!
Слушай, девчонка просто улет, тебе надо с ней
познакомиться.
Покупайте эти витамины, реально суперские.
Вода такая классная, надо искупаться.
Ты пробовал эти фрукты? Что-то нереальное невероятное
феноменальное!
Приезжай в гости, у меня тут так охуенно, тебе понравится.
Такой климат, ты мечтал об этом всю жизнь, даже
если не догадывался.*

*Все в этом южном баре имеют мое лицо. Все говорят
какую-то хуйню, мечтают о какой-то хуйне, являются
какой-то хуйней. Мой воображаемый друг целиком состоит
из хуйни.*

На всех нас спускается плотный великий пердеж.

9.

Если накатывало невыносимое отчаяние значит вскоре случался и страстный секс. Наверное, есть какой-то закон, который действует по крайней мере в юности.

Пока Костя был на работе, я целый день проплакал. Дарья держала меня за руку и отпаивала водой. Я не мог остановиться, наверное, такого со мной еще не случилось за всю жизнь. Слезы текли и текли, рыдания невозможно было сдержать. Не хватало любви настолько, что невозможно было сделать шага без слез. Потом я уснул на много часов.

На следующий день встретился со странным парнем Суперборисом, молодым алкоголиком и аферистом. Он хотел чем-то помогать *макулатуре*, но сам не знал чем.

— Для начала нужны деньги на выпивку, — сказал я. — У меня ни копейки.

У него было две сотни, и мы выпили по бутылке пива на улице.

— Ты как будто из ада вылез, — сказал Суперборис и хихикнул.

Он был высокий, худой, с нежными ресничками, крысиным веснушчатым лицом, похабной беззаботностью во взгляде. В свои юные годы он пережил тысячу заповей, имел жену и дочерей-двойняшек. Одевался он во что придется, ввязывался в любые заварушки.

У меня все еще гудела голова, и было ничего не понятно. Просто хотелось, чтобы чья-то воля начала руководить мной.

— Я из него даже не вылезаю. Из ада, — сказал я и добавил. — Но у меня свидание, пошли со мной? Одному мне не справиться.

— Пошли.

Мы встретились с двумя девчонками, умными гопницами. Одна из них — ТБ — начинающая преподавательница английского, была поклонницей моего творчества.

Вторая — Оксана — была ее хорошей подругой, работала инженером в «мосэнергосбыте». ТБ сказала, что у нее сейчас хороший период, есть парень, поэтому спать она со мной не будет.

— Спасибо, что сразу сказала.

Но как только припили пива, то начали сосаться.

— Так нельзя же, — приговаривала ТБ, но продолжала целовать меня. Я радовался, как ребенок, держал ее за ручку, обнимал за талию. Приятная была баба.

— Вы такие славные, — сказал я, целуя ТБ каждый бретел, один за другим.

— Ну ты и шлюха, Тань! — сказала Оксана и засмеялась.

— Кумира встретила, Оксанк! — возразила ТБ, и я опять накрыл ее рот.

Мне очень нравилась их манера общаться. Такая была святая непосредственность в них, что хотелось отдать себя им без остатка.

— Давай, что ли, тоже пососемся? — спросил у Оксаны Суперборис.

— Не! Я пока еще не влила в себя столько.

Мы сидели в парке на Манежной площади. ТБ сказала, что на выходных сможет вырваться, тогда и потусим. Она попрощалась и поехала к хахалю, а Оксана осталась гулять с нами.

— У меня сейчас дипломный отпуск. На работу не надо.

— Но у нас нет денег, — признался Суперборис.

— Да, только хуи и величие, — подтвердил я.

— Это уже неплохо. Деньги есть у меня, — сказала Оксана.

— Рабочий человек. Наше спасение, — обрадовался я.

Это была маленькая и смелая, с каким-то насмешливым и трагическим взглядом девчонка. Ее подборок воинственно выпячивал вперед, острые скулы насмехались над реальностью, а золотые кудри намекали на приключения. Но вряд ли она бы мне понравилась внешне, если бы

не легкая картавость и не тонкие запястья. Вся эта внутренняя сила вместе с картавостью и запястьями давала внезапный сексуальный эффект.

— Тонкие запястья — тизер вагины, — сказал я, потрогав Оксану за руку.

— Спасибо, буду знать.

— Можем поехать ко мне, но я живу в Загорянке, — сказал Суперборис.

— Опа, соседи. Я — в Щелково, — сказала Оксана.

— Это где вообще? На каком краю мира? — спросил я.

В электричке я пожаловался Оксане, что меня бросила баба из-за того, что мои руки слишком грубы. Представляешь, какая сволочь, сокрушался я. Ей не понравились занозы в моих руках, не понравилось, что от монтажной пены они стали сухими. Это же всего лишь руки, их фактура меняется с каждой новой работой. Я бы мог помазать их кремом.

— А долго вы были вместе?

— Неделю.

— Да уж.

Почему-то я совсем не думал о Лене, а думал о мелкой интрижке, которая произошла этой весной. Вновь и вновь возвращался в мыслях к бабе, стремительный роман с которой через пару лет даже не смогу вспомнить. Заела, видимо, пластинка.

— Руки — это предлог просто. Дура она и пизда, — ответила Оксана.

Она поводила моими руками в воздухе, поразглядывала, и давай целовать их со всех сторон.

— О, пошло дело, — сказал Суперборис. Он смотрел то на нас, то в окно, за которым уже стемнело, не переставая дергать ногой. Как будто спешил взяться за что-то настоящее, к чему мы ехали и никак не могли приехать.

— Он почему-то все время дергается, — сказал я.

— Водки, наверное, хочет, — сказала Оксана.

— Очень хочу, — подтвердил Суперборис.

Народу в вагоне было мало, несколько припозднившихся рабочих, пара пьянчуг да последние продавцы, предлагающие календари, расписания, пластыри, карты области, китайские игрушки, картофелечистки, блокнотики и фонарики.

— Так давайте распечатаем? — сказал я.

У нас была бутылка, и мы стали пить из горла, ничем не запивая.

Проснулся в просторной комнате. Одновременно хотелось ссать и трахаться. Оксана лежала рядом, спала задом ко мне. Я ничего не помнил. Попробовал ее поцеловать, она ответила на поцелуй, но даже не открыла глаз. Я попытался понять, где мы находимся. Встал, подошел к окну — светало. Увидел огород, забор, джип. Судя по всему, я находился на втором этаже. Видимо, это была комната и кабинет Супербориса: клавиши, гитара, комбик, стационарный компьютер, детские игрушки, пустые пачки из-под сигарет «Золотая Ява». Не так плохо он жил, как я ожидал, опускался, но в комфорте. Мне было страшно выходить в коридор, думал поссать в бутылку. Но обернулся на Оксану: если она проснется и заметит это, решит, что я конченный, и не будет со мной спать. Я допил остатки какого-то бухла из стакана на столе, и смелости прибавилось. Вышел в коридор, нашел путь в туалет.

Когда я вернулся, понял, что не смогу уснуть, пока не получу секс или хотя бы грубый отказ. Глаза привыкли к мраку, я поглаживал Оксану по заднице, обтянутой джинсами, разглядывал. Оксана чем-то напоминала мне меня самого, потерянный человек, страстный и несчастный. ТБ или она? — спросил я себя. Попробовал снять джинсы, она так же, не просыпаясь, помогла мне раздеть

себя — крутилась, поднимала таз, но при этом явно спала, посапывая.

— Это я, Каспер, все в порядке, — прошептал я. Мне казалось это остроумным, но тут же вспомнил, что персонаж Каспер рисковал подхватить ВИЧ, а актер Джастин Пирс покончил с собой в двадцать пять. Но риски обычно только усиливают желание.

Ее тело подчинялось мне, но мозг был отключен. Я распахивал ее, стянул леопардовые трусики и спустился между ног. Она стонала, но не просыпалась.

— Что я могу делать? — спросил я в полный голос. Ответа не было. Она не прикидывалась. Я лег на Оксану сверху, медленно поводил по губам и вставил плавно-плавно, до самого дна. Как будто на дне была кнопка — глаза открылись. Мы поцеловались и начали наращивать ритм. Я кончил ей на шрам от аппендицита. Оксана сказала:

— Это, конечно, было хорошо.

Я смотрел, как сперма растекается по животу.

— Не хочешь вытереть? — спросила она.

— Подожди. Я хочу, чтобы она стала прозрачной.

— Нормальный вообще парень?

Сперма выцвела, и я вытер ее своей футболкой, после чего, зафаченную, надел на себя. Мы снова уснули. Когда я проснулся, они с Суперборисом пили чай.

— Похмелиться надо, — сказал он.

— Дайте полежать с закрытыми глазами, — сказал я.

Карусель стремительно вращалась, я держался за подушку, чтобы не свалиться. Мне нужно было время, не хотелось вставать, не хотелось открывать глаза и принимать новый день. Я слышал, как Суперборис кричит что-то в коридор, переругивается со своей женой, которая пыталась заставить его посидеть с дочками. Слышал, как Оксана говорит с ТБ по телефону.

Рассказывает, что переспала со мной. Потом Оксана подошла и подергала мое плечо:

— Таня не удивлена.

— Что она сказала?

— Будем тебя делить по дням. Сегодня мне, завтра ей.

— Ловко придумали.

Мне не было понятно, радоваться ли таким новостям. Был здесь подвох, как будто предложение поступило от Сатаны. Я сел на диване и спросил:

— А есть вода?

* * *

Оксана позволила жить у нее, даже когда сама уехала в Абхазию. Не ее собственная квартира, но Оксану пустили сюда на выгодных условиях: за то, что платила коммуналку и содержала жилье в чистоте. Один из несложившихся любовников, ныне ее друг, был хозяином. На две недели я остался сам по себе, хоть и без денег, но с крышей над головой. Это была уютная и не сильно запущенная однокомнатная хатка на втором этаже пятиэтажки. До станции «Щелково» — минут десять пешком, оттуда час до Ярославского вокзала. Прямо под окном автобусная остановка, от которой за двадцать минут (если без пробок) можно доехать до метро «Щелковская». Хорошая передышка, далеко от всех. Суперборис помог мне с сомнительной работой, еще я по чуть-чуть писал реп для нового альбома *макулатуры*, который мы собирались записать в Казани с Кириллом Маевским (на басу) и музыкантами, которых он нашел. Еще были рассказы и начинающаяся адская жара знаменитого лета 2010.

Я старался не вспоминать начало наших отношений: запой, две девчонки, я между ними, смех, как в аду, и постоянно пьяный Суперборис, исполняющий роль античного

хора, провожающего меня во тьму своим бесполезным комментарием. Мне удалось вынырнуть без тяжелого отходняка, и я держался за это состояние.

По утрам уже становилось очень жарко, и, проснувшись, я сразу принимал холодный душ. Затем садился за ноутбук. Мне было очень тяжело начать, взяться за по-настоящему тупую работу. Дело, завязанное на брате Супербориса, которого я прозвал Великим Толстяком. Он работал менеджером в компании по продаже очень дорогих и качественных тренажеров и массажных кресел, которые не по карману простым смертным. Они производились в Англии, Германии и Китае по лицензии. Но им с Суперборисом пришла идея скопировать этот сайт, создать зеркальную подделку и продавать там дешевые аналоги, каким-то образом отбивая клиентов и перенаправляя себе. В общем, Суперборис был на подтанцовке, а также занимался технической частью и привлек меня помогать.

— Не знаю, сколько будешь получать, надо брата тряхнуть по полной, — сказал он.

— Ну мне хотя бы сдельная для начала. Чтобы время на свои дела оставалось, а часа по четыре в день я готов работать.

Один раз мы на грузовичке съездили с Великим Толстяком на маленькое складское место, которое он арендовал для бизнеса. Первые заказы — несколько тренажеров-подделок — нужно было облагородить. Мы полдня сверлили рамы тренажеров, а потом старались аккуратно привинтить к ним железки с липовой информацией: название фирмы, гарантия, страна производителя. На середине процесса Великий Толстяк и Суперборис утомились и решили бухнуть.

— Ты новенький, — сказал Великий Толстяк и мотнул головой. — Иди за водкой.

— А как мы обратно поедем? — удивился я.

Они набрали какого-то приятеля из пригорода, и он через два часа должен был приехать нас забрать.

— Давай уже в магаз.

Он был мой ровесник, но выглядел лет на десять старше. Я чувствовал себя пацаном рядом с братцем Супербориса. Ладно, я сходил, посидели и выпили.

Великий Толстяк сочно плюхнулся на поддон и уставился в телефон, а нам велел погрузить пару тренажеров в кузов. Мы с Суперборисом тягали их и кричали, возникла заминка. Никак не хватало силы нам, пьяным, чтобы закинуть тренажер. Тогда его брат, Великий Толстяк, со стоном поднялся, подошел к нам и помог легонько одной рукой — просто закинул тренажер, как будто он ничего не весил.

— Твой брат еще более великий, чем ты, — сказал я Суперборису.

— Он просто тело, — ответил тот. — А я голова.

Суперборис получил пинок под зад. Мы выпили еще.

Короче, теперь я по утрам открывал в одной вкладке лже-сайт, в другой — настоящий. У меня была админка, с которой заполнял позиции по шаблону. Скопировать фотографию с оригинального сайта и разместить на сайте-подделке. Текст сделать подобный, «только лучше, ты же писатель».

Тренажер номер один.

Предназначен для того, чтобы накачать определенную группу мышц.

Загружаем фотографию этого тренажера.

Потом прописываем теги.

Но это только цветочки.

Потом нужно написать статью.

Я вертел какие-то ключевые слова, пытаюсь вмонтировать в текст.

Неважно было содержание, важны были ключевые слова.

Каждый день сделать шаблон-два для статьи, которая бы индексировалась в поисковике.

Главное, чтобы текст читался хорошо и чтобы ключевые слова в нем находились.

Через несколько дней Суперборис должен был привезти первые деньги мне в Оксанину квартиру. Я к тому времени уже совсем оголодал, питался сначала кабачками, а потом просто лепешками из муки, разбавленной водой из-под крана. Хотелось получить свои сдельные пару тысяч. Но вместо этого Суперборис привез алкоголь и красивую бабу семнадцати лет.

— Это Аня, это Женя, — сказал он, когда я в недоумении разглядывал их на перроне. Было очень жарко, на ней были шортики и футболка с вырезом. Я смотрел на красивые ноги, на татуировки и думал, чем все это закончится.

— Я бы хотела для вас раздеться, — сказала баба фрагментом моего трека. Суперборис времени не терял, его мозг не знал покоя. Он залез на ласт фм, изучил мой профиль и выбрал самую привлекательную из баб, которые когда-либо что-то писали на моей стене. После чего нашел ссылку на ее профиль вконтакте, написал в личку и пригласил бабу познакомиться со мной.

— Это моя зарплата? Бабами и бухлом ты мне будешь платить?

— Почему нет? — сказал Суперборис и издал похабный смешок.

— Любовь началась с измен, — пробормотал я. — Ключевые слова, ключевые слова.

На следующий день я посадил бабу на маршрутку до Москвы, сел на стул на кухне и призадумался. Во-первых, не раскисать. «Изменила, пописала и забыла», — такую народную мудрость сообщила мне Оксана.

Все-таки мне нужно было понять ее правила. Она слишком честна была, настоящая феминистка, которая бы никогда себя так не назвала, в то же время настоящая женщина. Как нам поддерживать равновесие между двумя мирами? Решил меньше рефлексировать, лучше убраться в квартире. В жаре гнили остатки вчерашнего вечера. Я врубил вентилятор на полную. Посидел на унитазах. В туалете горела флуоресцентная лампа, издавая мистическое настроение. Впервые я обратил внимание, что, помимо всего прочего, на обоях кем-то выведена строка из моей песни «владимир познер». ТБ или хозяин квартиры? Судя по всему, хозяин квартиры, потому что цитата не совсем точная. Очень сложно поверить, что мир не продукт моей воспаленной воли, что он не сотворен моим параноидальным бредом. Собрать окурки, бутылки. Малолетки много курят, много пьют, оставляют много мусора. Как бы ни хотелось исправить ситуацию, но было уже поздно. Зачем я на нее повелся? И куда делся Суперборис? Я смутно помнил, что малолетка заставила его уехать на такси, но и после этого не сразу прыгнула в койку. Она долго мылась, потом капризничала, потом заставила меня сопровождать ее в ночной ларек, потому что ей необходимо было что-то съесть.

— Я марионетка, я марионетка, — пел я, вспоминая поутру эту упругую, но чуть ли не фригидную вагину.

Какая похоть, боже, зачем я пробирался через эту полосу препятствий. Когда мы оказались в постели, у меня уже не стоял от ебли мозгов. Но я пытался утрамбовать в нее вялый хуй, и это было нелегко, настолько тесно и сухо там было. Потом я долго нюхал ее промежность, целовал, дробил клитор. Она стала источать приятный юный аромат. Я подсвечивал у нее между ног фонариком телефона «Нокиа», погружал в нее пальцы, дышал ей и дышал, пока опять не встал. Она меня манила, она была как капризная тупая кукла.

На столе лежал пакет, в котором Суперборис принес бухло, там еще оставалась банка пива. Я сделал глоток и передумал. Вылил ее в раковину. Еще в пакете лежали трусы, которые Оксана забыла у Супербориса после ночи нашего знакомства. Спасибо, Суперборис! Нашел же момент, чтобы вернуть утерянное моей бабой!

Я опять сел на стул и положил эти трусы себе на лицо.

— Прости меня, — сказал я в леопардовую ткань. — Больше такого не повторится.

Но оно повторилось еще раз и довольно скоро.

Хорошая, казалось бы, затея привела меня еще к одной измене. Оксана как-то обронила в разговоре, что хочет себе чилийскую крысу. Прибравшись в комнате, я почитал об этих зверях, нашел, где взять одного малыша. В придачу к нему шла маленькая клетка. Через пару дней я привез этого парня (Оксана хотела назвать его Толик, и я сразу так стал к нему обращаться) домой. Он пока был дикий и шуганный, но я все-таки выпускал его побегать. Потом ловил и закрывал. В клетке ему было тесно. Я написал объявление вконтакте, что мне нужна клетка для чилийской крысы. Ответила какая-то девушка по имени Инга. Не знаю, как это произошло, но она убедила меня, что сама должна привезти клетку. Она работала недалеко от Щелковской, я мог не париться.

Я посмотрел фотографию: некрасивое носатое лицо, похожа на говнаря. Бояться нечего, к тому же старше меня. После Сигиты я утратил интерес к женщинам старше себя.

Она сошла с маршрутки как какое-то извращенное сексуальное видение. Тело у нее оказалось что надо, Инга была в коротком платье и на каблуках. Совсем не похожа на свои фото. Королева говнарей в этом вечере.

Нос, конечно, оставался горбатым, а мне оставалось только горько вздохнуть.

Все было понятно. В платье и со здоровенной клеткой в руке. Приехала потрахаться с писателем. Я подхватил клетку, мы зашли в квартиру и выпили чай.

— Хочешь накуриться? — спросила она.

— Я не курю уже несколько лет. Но ты кури, я пива пью, если ты угостишь.

— Угощу. Только сам в магазин сходи.

Я сходил. Она достала распечатки моих рассказов, степлером скрепленные в три книги, и попросила поставить три подписи.

Я поставил и сказал:

— Ну ладно. Чего ты ждешь, пошли в кровать.

Инга уставилась на меня.

— Почему ты так решил?

— А зачем ты приехала?

— Клетку привезти.

Хорошо, сказал я. Взялся пить пиво, она еще заварила несколько плюх. Потом предложила сделать мне массаж. Помассировав спину, сказала, что я могу трахнуть ее между грудей, если мне невтерпеж. Мне было втерпеж, но почему-то не отказался. Грудь у нее была очень хорошая, приятная, большая, крепкая. Я разошелся, превратился в зверя. Рот Инга старательно уворачивала.

— Нельзя, грудь — твоя.

Я кончил ей на шею и уснул. Проснулся ночью оттого, что Инга лизала мне зад, отдрачивая рукой. Я поставил ее раком и минут сорок ебал в темноте. Пот стекал по мне. От нее пахло взрослой пиздятиной. Решил, что пора, и резко, хлопком по заднице, дал ей команду слезть, поставил на колени и кончил в горло. С утра она сказала:

— Спасибо, что уделил мне внимание, — и уехала.

Этого хватило на какое-то время. На целых два года, после этих двух измен я держался ровно два года.

Я сидел у борделя, и мне было очень скучно, если не сказать грустно.

Мой друг, наверное, как всегда не мог кончить.

Или вообще у него не встал.

А у меня все получилось.

Для меня это слишком просто.

Завоеватель, который мечтает о поражении, сидел я и тил свой сидр.

Достал блокнот.

И выписал все свои измены за прошедшие годы.

Друг все не шел.

Наверное, признавался азиатской шлюхе в любви.

У меня было время вспомнить, и, кажется, я вспомнил всех.

Все имена выписал в столбик, а если не знал имен, то писал город и примерную дату.

Друг был очень грустный.

У меня ничего не вышло, сказал он.

Мы взяли еще выпить и поехали в гостиницу.

Я закрылся в ванной, посмотрелся в зеркало — опухшая обезьяна с тяжелым взглядом — и сжег всех своих любовниц над унитазом.

Почувствовал облегчение.

Год заканчивался.

И я хотел войти в следующий — чистым.

Новым парнем.

Свежим парнем.

Без этого шлейфа.

Без лжи.

Без постыдных флешбэков.

Но все-таки пропустил одну позицию в списке.

Вечер и ночь, кажется, в Туле.

Да, все было так уютно, что не укладывается в понятие «грех».

Но волшебство работает только раз, и оно потеряно.

Сжег не до конца, копытце осталось.

Я зашел в телепортатор, но забыл снять козявку с-под носа.

10.

Суперборису пришлось продать свой джип, чтобы откупиться от мусоров. Отделался условным сроком. Так лавочка по продаже поддельных тренажеров прикрылась. Я съездил в Казань, где с Маевским и музыкантами записал музыку для альбома «девять рассказов». Как раз вернулся, и началась самая жара, когда мы сводили этот материал с Суперборисом у него дома. У каждого по ребенку на коленях, и мы, оба ничего не смыслящие в звукосведении, пытаемся как-то слепить отвратно записанные инструменты. Хороший барабанщик, нормальный басист, сверху труба и скрипка, которые едва попадают в ноты. В качестве допинга у нас была водка, которую мы пили незаметно от жены и матери Супербориса, и сигареты «Золотая ява».

Вечерами я на электричке доезжал две станции до Оксаны. Она очень поддерживала меня, не возражала, что я занимался творчеством вместо того, чтобы найти работу. Толик бегал в своем колесе, Оксана его кормила и была ему рада, хотя и уделяла этому парню не так много, как я ожидал, внимания.

— Скоро у него будет друг, Габлик. Так что пусть ко мне сильно не привыкает, — говорила она. — Они ребята социальные, лучше им будет вдвоем.

У меня еще звучала кривая музыка в голове. Я ходил, и везде мерещились фразы и фрагменты собственного репа. Нужно было выпить, чтобы замедлиться. Мы купили сигареты и выпивали на кухне, перед сном я ставил демки Оксане.

— Если тебе не понравится, мне придется устроиться прямо в Щелково в «Пятерочку».

— Это хороший альбом, делай его, успеешь поработать, — в принципе она была достаточно деловая и умная, и я верил ей. Оксана умела шить, рисовать, ей нравились хорошие книги, хоть она и читала не очень много. Оксана

за словом в карман не лезла и не стала бы хвалить и подерживать бездарность. Мне тоже казалось, что альбом стоит того, чтобы заниматься сейчас только им. Но все равно было стремновато. Чтобы хоть что-то приносить в дом, я аккуратно, понемногу продавал краденые шмотки через вконтакте, также подворовывал продукты. Каждый раз, отвозя кому-нибудь в пакете джинсы, толстовку или курточку, я думал: все, это последний раз. Нельзя так поступать, потому что за это можно сесть в тюрьму, это уже уголовная статья. Но своих денег совсем не было, только долги, приходилось крутиться. Ко дню рождения отец прислал пару тысяч, да упал гонорар из русскоязычного журнала «Флорида», в котором я и многие мои друзья в ту пору публиковались. Также пришел авторский экземпляр — это издание существовало за счет рекламы, и собственный рассказ я нашел с трудом среди пестрых объявлений магазинов подержанных машин и стоматологических клиник. Но мне было приятно представлять, как русские эмигранты берут этот журнал, листают, ожидая своей очереди куда-то в офис или на прием к врачу, и находят там мой текст о сибирских гопниках и их пронзает ностальгия по утраченной родине.

Рассказ живет там, с другой стороны планеты, размноженный в количестве пяти тысяч экземпляров в бесплатном литературном журнале, который как спам раскидывается в русскоязычной среде.

Когда альбом был сведен и выложен в сеть, я начал ездить на собеседования. В такую жару непросто выйти из дома. Тягостный сон, на грани смерти. Отзывы на «девять рассказов» были очень лестные, об альбоме много писали. А я, восходящая реп-звезда, был по уши в долгах, пытался устроиться на работу; душные кабинеты человеческих ресурсов один за другим: магазины одежды, электроники, склады, офисы. Предварительно все было хорошо, мне

обещали перезвонить, оставались формальности. Но не перезванивали или перезванивали и говорили, что не могут меня взять, так как я не проходил службу безопасности. В чем причина мне было непонятно: я никогда не привлекался, не фигурировал в уголовных сводках. Может быть, существовал какой-то список, в который вносили неправильных людей.

Торфяные болота горели, Москва и область тонули в дыму. Люди в подмосковных электричках воняли и обливались потом. Трупы птиц валялись вдоль обочин. Доезжая до дома, я накрывался мокрым полотенцем и старался лежать, не шевелиться. Колесо для Толика мы снимали с конструкции, чтобы он не перегрелся, бегая в нем.

В августе и сентябре случились первые концерты, на которых я заработал немного денег. Я был очень рад положить какие-то купюры, пусть всего по четыре-пять тысяч, но заработанные собственным творчеством, в тумбочку под телевизором. Одно было не очень: обе моих любовницы пришли на концерт в Москве. Исчезните, думал я, зачем вы здесь. Оксана поглядывала на других баб с вызовом, может быть, догадывалась, что я с кем-то спал.

— Вот шлюха! — шепнула она мне, указывая на одну девушку, которая, кстати, предлагала мне себя в переписке. — Когда ты проходил мимо, она начала ловить твой взгляд, а ее подруга толкала ее в плечо. Шлюхи.

— Да ладно, просто бабы, такие же, как ты.

— Как ты сказал, паскуда?

Оксана постучала кулаком мне по лбу. Интонации у нее были шуточные, но я знал, что она может хорошенько вмазать кому-нибудь, изображая ревность. Было сложно понять, то ли ей просто «лихо», то ли она настолько увлеклась моей игрой в человеческие привязанности, что стала собственницей. Наверное, я сам был виноват. Я не успел оговорить правила, и мы действовали на ощупь,

в каком-то призрачном компромиссе, который должен был устроить, но не устраивал обоих. Вместо этого мы постоянно нарушали границы друг друга. Но зато возникла страсть. Мы обнимались во сне, и я очень уважал ее.

Суперборис рассказывал, что Инга привязалась к нему, якобы помогая тащить клавиши после концерта, и показывала на меня — я шел за ручку с Оксаной:

— Посмотри, какая у Алехина аппетитная жопка!

— Лучше отведай моей! — сказал Суперборис.

— Ты чего! Я с женатыми не сплю! — ответила Инга, и опять: — Классная же у него задница.

Я поведал ему, что это не совсем фигура речи. Эта дама действительно любила жопки. Любила очко, как любят, допустим, мороженое.

* * *

Костя работал в конторе, которая называлась «Телемаркер». Все, что там требовалось от соискателя: более-менее грамотно печатать и уметь сидеть на жопе. Костя сказал, что освободилась вакансия, и осенью я поехал на собеседование. Контора располагалась в паре остановок от метро «Кунцевская», в современно оборудованных ангарах. Из Щелково путь неблизкий, но график был три на три, можно было покататься.

Я прошел мимо стоянки ржавых самолетов и поднялся по лестнице в офис. Помимо меня на это место рассчитывали еще мужик и девка. Добрая тетенька раздала нам распечатки А4, выдала ручки.

— У меня своя, — сказал я.

Она ласково кивнула. От нее исходило такое родное тепло, что я был уверен: работа у меня уже есть. Посмотрел на бумагу. Это был тест по русскому языку, несколько заданий. Слова-исключения, аббревиатуры, пропущенные

буквы, расстановка запятых. В те поры я еще не все позабыл со школы — в одиннадцатом классе занимался с репетитором, перед тем как поступить на филфак, и такие тесты давались мне легко.

Я первым выполнил задание.

Потом мы ждали в коридоре. Добрая тетенька за двадцать минут все проверила, вышла и сказала:

— Женья Алехин — 88 баллов, — назвала двух других, у них было меньше.

Меня пригласили в кабинет, другие отправились попытать счастья в других местах, на других работах. Меня сфотографировали и выдали пропуск. Добрая тетенька расспрашивала: где учился? Почему не работаю по специальности? Чем бы хотел вообще заниматься? На этот раз отвечал честно. Специальность моя — кинодраматургия, неоконченное высшее, но писать сценарии особо не хочу. Хотел бы, чтобы мои книги печатали и публиковали. Хотел бы, чтобы можно было кормиться музыкой. Но и иметь нетворческую работу хотел бы тоже. Нужно отвлекаться, работать, пока не созрел как художник, простите за пафос. Три на три — это идеально, это то, что нужно именно мне. А если можно будет меняться и ездить в туры, то это вообще мечта, а не работа. Мы планируем выезжать пару раз в год на неделю-две с моей группой в путешествия по стране.

— Да, в кризис нелегко творческому человеку, — сказала она, чем меня совсем растрогала.

— Спасибо за понимание.

Никакого оформления тут не было, никакой службы безопасности тоже. Я просто расписался, что обязуюсь не снимать и не фотографировать на территории, где располагалась контора, на этом формальности были закончены.

— Поздравляю. Выходите послезавтра.

И я вышел.

Единственная проблема с этой работой была в сменном графике. Три дня работаешь с утра, потом отдыхаешь, потом три вечерние смены. Либо встаешь очень рано, либо ложишься очень поздно. Утренние смены начинались в 7:30, и мне приходилось садиться на электричку раньше пяти. Я никогда не мог уснуть накануне, а иногда вообще не спал все три дня. Режим мой был сбит с толку. Время вставать приближалось, и я не мог отключиться с Оксаной в кровати, но в дороге, под стук колес, поспать удавалось, и даже крепко. Холодало, путь до перрона пролегал через подмерзшую грязь вдоль бетонных заборов старого завода. Чтобы срезать путь, приходилось идти по рельсам, потом залезать на платформу, как безбилетнику. Я надевал куртку, шапку и две толстовки и, прислонившись к стеклу, задремывал в неотапливаемой электричке, потом проваливался в сон все глубже — до комы, и это был лучший час перед рабочим утром. Сны были очень плотными, насыщенными, как я их называю — творческими. Погружаешься на нижний этаж бытия и выстраиваешь там свой мир. Каждые две-три станции просыпался, как будто вылетая из тысячеметрового колодца на скоростном лифте, озирался по сторонам, не узнавая место, в которое вылез из ниоткуда, — казалось, что целые жизни отделяют меня от момента, когда я сел в электричку или когда выйду из нее. На Ярославском вокзале проходил мимо сонных охранников, кассиров, пассажиров, бомжей, мелких торговцев никому не нужной хренью. Пересаживался на метро, там уже смотрел легкие видения, обычно даже не садился, стоя, держась за поручень, позволял себе окунуть голову в полупрозрачную пелену.

Костя всегда запрыгивал в нашу корпоративную маршрутку в последний момент, а иногда и опаздывал. Мы отъезжали всегда в одно время, водитель никого не ждал. За опоздание полагался небольшой штраф, но сам я не

опоздал ни разу за десять месяцев. Хотя случалось не выходить по болезни или из-за пьянки.

Длинные столы были усеяны компьютерами. Мы рассаживались, наливали в заготовленные чашки паке-тированный крашенный мусор «Беседа» и принимались за работу. Сперва два часа ты отсматриваешь новостные сюжеты и монтируешь их: по сути, отмечаешь, где один ролик сменяется другим, пропуская рекламу. Пара нажатий клавиш мышки, полусонная концентрация. Просто смотришь ролик за роликом, жмешь кнопку. Смотришь, жмешь. Землетрясение, забастовка, президент России слетал в Казахстан, в городе Самарской области не хватает казенного оборудования, чтобы избавиться от атмосферных осадков. В Кемеровской области прорвало трубу. Найден труп. Суд над дочерью чиновницы, сбившей насмерть двух детей и скрывшейся с места преступления, закончился ничем. В мире пиздец. В Японии пиздец. В Украине скоро начнется пиздец. Россия — это пиздец. Пиздец, пиздец, пиздец.

Потом какое-то время ты описываешь эти ролики. Один за другим тебе приходят сюжеты, выстраиваются в очередь, и ты как миленький прописываешь теги к каждому. Грубые ошибки: не упомянуть Владимира Путина или Правительство РФ или пропустить название города, о котором идет речь. Остальные теги не так значительны, но все-таки лучше быть внимательным, не пропускать ничего. Все персонажи, все места, все муниципальные заведения, все что угодно должно быть прописано. Чтобы человек, который пользуется платной подпиской на наш сайт, смог найти интересующий его сюжет. Если я или кто-то другой допускал несколько ошибок подряд, то редактор нашей смены Сергей подходил, садился рядом с тобой на стол и постукивал пальцами. Приходилось снимать наушники и говорить:

— Да, Сергей?

— У тебя третий сюжет приходит с ошибкой, будь внимательней.

А еще он мог сказать:

— У тебя все в порядке? Путина третий раз пропустил, может, морской капусты поешь?

Он шел обратно, и было как-то очень тяжело его выносить, я провожал его свисающие на жопе джинсы тихим проклятием. Всех он раздражал, не только меня и Костю. Это был зануда, который пытался писать в общем чате в таком духе: «У нас Новый год/День святого Валентина/женский день и т.д., так что позитифчекофф поболе! Давайте скинемся, и у нас будет стол, други!»

Но когда что-то касалось рабочего процесса, твоих ошибок, он зачем-то подходил, нависал над тобой вместо того, чтобы скинуть тебе правку в мессенджер. Его жена тоже работала тут, как и мы, описывала новости. Она носила шубу и почти всегда молчала. У нее была большая грудь. Поболе, поболе, думал я, сисег поболе.

В субботу и воскресенье, а также на праздники ставка была больше, а сюжетов было мало, и можно было писать реп, читать, смотреть кино. Я любил брать дополнительные смены в праздники. Иногда даже удавалось урвать и утреннюю, и вечернюю, и тогда работал пятнадцать часов, зато взлетал в шоколаде. На четвертый месяц удалось раздать все долги. Это было огромное облегчение, ради которого можно было терпеть Сергея. Также у нас начались репетиции, концерты *макулатуры* стали более-менее регулярными, сборы в Москве и СПб в районе двухсот человек. У *ночных грузчиков* тоже намечался новый альбом, но я там на этот раз выполнял роль второй скрипки: большую часть музыки сделал Михаил Енотов и тему релиза тоже задал он. Поиски бога, парня тянуло в сторону православия, он собирался креститься, и это сильно сказывалось на том, что он писал.

*я живу и надеюсь / что когда кто-то войдет ко мне
среди ночи / и разбудит словами умирает младенец / сла-
бое сердце а ведь по всем приметам спаситель / я встану и
спокойно отвечу мое возьмите / я встану и твердо отвечу
мое возьмите / я встану и радостно крикну мое возьмите*

Мне было ближе, когда Михаил Енотов был воинствующим веганом. Но он менялся, его интересовала душа. Теперь он часто говорил, что Антихрист тоже будет веганом. Я возражал, что Антихрист — это искусственный интеллект. Мы часто приходили к такому спору:

— Но разве у животных нет души? — спрашивал я.

— У них есть дух, но это не совсем то.

— Да вот же, посмотри на кота или пса. Как это «не то»?

Оно самое, я чувствую то же самое, да, наверное, и в корове почувствуешь, если приглядеться. Есть душа у них, из того же материала, что душа человека, точно тебе говорю.

— Они не стоят перед выбором. Не могут совершить ошибку, понимаешь? — так говорил Михаил Енотов.

— Не вполне, — отвечал я. — Это все понятия умозрительные. Если бы я не знал, что такое «выбор» и что такое «ошибка», а сидел бы всю жизнь в загоне, у меня бы тоже не было души?

В первый месяц мне даже дали премию, так хорошо я справился. Однако во второй и третий у меня был очень плохой рейтинг. Видимо, освоившись и научившись этой нехитрой работе, я быстро утратил интерес, потерял бдительность. Меня бы уволили, если бы не начальница, Очкастая Юлия. Она случайно подслушала мой разговор по телефону в туалете и напросилась на наш с Костей концерт. Она загуглила меня и стала моей читательницей. Это было приятно, хотя и несколько неудобно — я часто дрочил в туалете, представляя, что мы с ней шпилимся,

и мне хотелось думать, что она делала так же. Либо же просто испытывала сестринскую симпатию, это как минимум. Но мне все-таки нравилось верить, что вообще все, кто там работал, кроме редактора Сергея, дровичли хотя бы раз в день, потому что иначе от такой скучной работы можно было сойти с ума. Только дрова в туалетах офисов можно вернуть себе себя.

Костя, кстати, был чемпионом по количеству описываемых сюжетов. Он погружался в какой-то транс и прописывал теги с рекордной скоростью. Пока другие делали 50-60 роликов в день, он запуливал под две сотни. Ошибок у него тоже было много, но качество он заменял количеством и почти всегда получал премии, которые как раз покрывали штрафы за опоздания.

В туалете мне не давали покоя воспоминания о Малолетке и Инге. Я был в плену этих двух случаев, даже думал, как мне снова устроить с ними встречу и секс. Но когда я кончал в туалетную бумагу и бросал ее в унитаз — наваждение отпускало. Мне снова хотелось ехать домой, к Оксане и Толику. И к Габлику, теперь у нас было две чилийские крысы, два питомца. А также в Щелково у меня появились хорошие друзья — друзья Оксаны и ТБ приняли меня в свою тусу. Там был Леха-киноман, Леха-гедонист и Сашок-стоматолог.

Рыжеусого психа Сашка я искренне, как родного брата, полюбил. Он знал и уважал свое дело, даже среди пьянки мог залезть тебе в рот и начать рассматривать зубы, шутя при этом про говно. Мир Оксаны и ее друзей — это был новый мир, и его не хотелось променять на мелкие интрижки. Я садился за рабочий компьютер после такой туалетной дровички и испытывал досаду. Почему нельзя быть увлеченным только одной бабой, черт возьми? Почему у тебя возникают родственные чувства, но страсть переходит на других? Как-то в конце лета мы ездили с Оксаной

в Петербург, я часто вспоминал этот эпизод. Мы с Валерой Айрапетяном и его любовницей, а вернее уже гражданской женой, Магдаленой, гуляли и пили пиво на улице, и была хорошая погода. И вдруг Валера обнял нас как своих детей, посмотрел на меня и Оксану, с которой в тот день только познакомился, и сказал:

— Сынок, тебе надо на ней жениться!

Он был мудр в таких вещах, и эти слова запали в душу, несмотря на то что парень сам недавно бросил свою законную жену, перестал жить в одном доме с тещей и дочерью, чтобы уйти к роковой сумасшедшей бабе, которую теперь ревновал и с которой теперь вел настоящую войну. Но это тело, оно ведет нас к смерти, оно хочет одновременно размножиться и познать тайну ада чувств. Тело Валеры выдавало такие же сомнительные приказы, как мое тело выдавало мне.

* * *

От многих издательств я получал отказы или смутные обещания. А потом неожиданно мой первый роман (а вернее, большая повесть) понравился редакторше из крупнейшего ЭКСМО — распечатку передал мой приятель Сергей Самсонов, пишущий очень толстые и очень великие книги. Может быть, помогла его протекция, а может быть, чем-то я попал в душу этой странной, высокой и неуклюжей, совершенно лишенной вкуса молодой женщине. Мы с Самсоновым отпраздновали мой триумф, хорошенько набухавшись, а еще я украл для него комплект модных шмоток, чтобы он не выглядел, как все писатели. Он очень преобразился.

Редакторша занималась огромным количеством русской прозы от, собственно, Самсонова до Пелевина, хотя была всего на год старше меня. Еще пара моих знакомых были у

нее в обойме, отзывались о ней сдержанно. Наверное, она была шишкой в тухлом мире современной русской литературы, но, повторяю, сама в литературе, которую курировала, редакторша не понимала ничего. Наверное, просто в таких обоссанных защеканских заведениях, как издательство ЭКСМО, не надо обладать профессиональным талантом, а надо уметь выживать: быть жополизом, подлецом и чиновником. Тогда будешь расти вверх и вширь, вести проекты. Сначала вешай авторам лапшу на уши, потом сри им в тарелку. Во всяком случае, так редакторша работала со мной:

— Ты теперь, Женя, станешь частью нашей семьи! Замечательная книга, и спасибо Сереже, что проявил инициативу. Это блистательная, Женя, инициатива.

Вот таким бредом меня кормили, и я его наворачивал за обе щеки, не понимая, во что ввязался.

Чтобы увеличить объем, я докинул в томик еще две повести, и мы с редакторшей выбрали название «Третья штанина». Обложки обычно в ЭКСМО были плохие, но мне они неожиданно сделали такую, которую я полюбил, кирпичного цвета. На задник пошли слова о моем творчестве, когда-то сказанные поэтом со статусом «живой классик» Сергеем Гандлевским, фрагмент рецензии музыкального критика Александра Горбачева, и еще я предложил свою любимую реплику Зоберна обо мне:

«Господь любит его, за это я ручаюсь лично».

Так мы завлекали потенциального читателя. Весной книга вышла. Перед работой я поехал в издательство забрать авторские экземпляры. Перед тем как зайти в кабинет редакторши, я выдавил прыщ в туалете. Мы поговорили, она раз пять пожала мне руку, поздравила меня и сказала:

— Жду следующую книгу!

— Книга готова.

— Высылай. Буду, Женья, читать. Надеюсь, что она будет так же хороша.

— Намного лучше.

Все это время она пялилась на кровь, потекшую у меня из прыща, и даже ничего не сказала. Я хотел дотянуть до метро, но сел прямо на улице и принялся листать книгу. Неужели это происходит, вот она, что я должен испытать? Потом я прочел аннотацию на третьей странице. Сразу же читателя встречали две грубые опечатки. Я ведь заметил их еще на уровне подготовки книги. Голова кружилась. Я позвонил редакторше и затараторил в трубку.

— Почему это не исправили? Это же пиздец! — взвыл я.

— Женья! Я извиняюсь, — сказала она. — Этот человек больше, Женья, с нами не работает. Все, что я могу сказать.

— То есть ты хочешь сказать, это верстальщик виноват? Он не вставил?

— Просто пойми, такое случается. У нас много, Женья, работы, много писателей.

Я поехал в «телемаркер» и в метро перечитал половину повести «Границы первого уровня». У меня была с собой ручка, я начал нервно чиркать на страницах, писать гневные комментарии. Господи, сколько новых косяков они туда добавили. Мне нужно было читать текст с лупой перед тем, как одобрить гранки. В толстых журналах тебе обычно присылают правки на согласование. Тут же, в издательстве, делали хитрее — присылали тебе готовый pdf, чтобы ты сам сверял каждое предложение. Всего этого я не знал, думал, что правка заключалась только в исправлении ошибок, но теперь заметил, что исчезли некоторые удачные фрагменты. Но что больше всего бесило: тот, кто работал над текстом, переписал некоторые моменты и добавил стилистических ошибок. Я убрал книгу в рюкзак и вышел из метро.

Пришло смс-сообщение. «Что у тебя с лицом?» — писал

Зоберн.

У меня случился приступ паранойи. Я нагнулся, потер рожу и заметил кровь. Так они, что, сейчас, как два демона, обсуждают меня? Он вылез у нее из-под стола, где отлизывал ей, пока она вешала мне на уши, что ждет мой новый шедевр, и настрочил это послание? Она все встречи со мной обсуждает с Зоберном? Или, может быть, у них там какой-то секретный чатик сволочей-издателей?

«Что за тупые игры?» — ответил я.

«Волнуюсь за тебя, почему у тебя кровь, кто тебя бил?» — не унимался этот великочленный чертила.

На работе я написал редакторше гневное письмо. Сюжеты в этот день описывал я из рук вон плохо, Сергей дважды подходил ко мне.

— Извини, — сказал я. — У меня праздник, книга вышла.

Она лежала на столе, рядом с клавиатурой.

— А. Но сейчас ты на работе.

— Да, ты прав, — отодвинул книгу за монитор.

Только через два дня пришел ответ от редакторши. Она все валила на Зоберна. Прости, мы с ним больше никогда не будем, Женя, общаться, он настоящий сатана, бла бла бла, а я — невинная, Женя, жертва. Пизда, нет?

Московская презентация проходила в моем любимом тогда «Сквот-кафе». Можно было рядом выпить пива и съесть чебурек с картошкой в советской чебуречной, а потом идти на саундчек. Так я и сделал. Пришло много друзей, выступали обе мои группы, а также сайд-проект басиста Маевского — «группа Энергия». Пока люди входили, я сидел за столом, подписывал и продавал книги. Не очень приятное это дело — продавать свою книгу, которую уже возненавидел. Но пришлось закупать по оптовой цене, не отменять же мероприятие.

— Здравствуйте. Кому подписать? Простите, но в этой

книге много опечаток. Надеюсь, вам все равно удастся получить удовольствие, — оправдывался я перед каждым читателем.

Выступили хорошо, я заметил пьяную Малолетку. Она хотела обнять меня, я подарил ей книгу и поцеловал в щечку. Потом что-то происходило, я выступал, Оксана куда-то пропала. После концерта я пошел ее искать, но не нашел. Сашок-стоматолог ошивался в гримерке, я спросил, не знает ли он, что случилось. Он сказал:

— Блядь, Оксана плакала и орала, ничего объяснять мне не стала.

Я вышел на улицу, пытался набрать ее, но она скидывала. Тогда набрал ТБ, которая, я думал, была с Оксаной. ТБ ответила:

— Там как-то всплыла твоя измена. Сегодня, наверное, не звони.

Кругами я ходил по клубу, выпивал с кем-то, мысли путались. Я не понимал, что произошло. К концу вечера я был пьян в жопу, но у меня появились сведения: моя малолетка вцепилась клавишника «группы Энергия» у туалета, пока я был на сцене, и упала ему на уши.

— Представляешь! — орала она. — Алехин ебал меня, пока Оксана была в Абхазии! А потом она вернулась, и он больше не видится со мной.

Он пытался отделаться, но она вцепилась и делилась подробностями. Так же громко, чтобы, наверное, все вокруг расслышали. Главное, кто расслышал — это Оксана. Она как раз сидела в кабинке, и весь диалог ее оскорбил не столько фактами, сколько тем, что грязный рот Малолетки произносит ее имя. В какой-то момент я столкнулся с Малолеткой, она была пьяна и продолжала пиздеть что-то невразумительное. Я схватил ее за шею и сказал:

— Если не завалишь свое мурло, не спрячешь его

подальше — через десять лет превратишься в большую старуху. Ты будешь сидеть на антидепрессантах после попыток самоубийства и вспоминать свою тупорылую лихую молодость как начало кошмара. Ты понимаешь меня? Тупой своей башкой можешь услышать?

— Я тоже рада тебя видеть, подари еще книгу, а то я потеряла, — ответила она. Толкнул ее так, что она повалилась на какой-то диванчик. Хотелось душить. Она улыбалась, и злые огоньки плясали в глазах Малолетки. Впервые в жизни был так близок к тому, чтобы избить бабу. Сашок поднял меня за поясицу.

— Ты че, Женек, успокойся. Помиритесь вы с Оксаной! Пошли выпьем и в Щелково поедем.

Ночевал у Сашка, а потом она пришла, чтобы выяснить все подробности. Оксана сидела на качелях во дворе, я рассказал все, что вспомнил. Потом она подумала, поворчала, сказала «ладно».

— Что «ладно»?

— Ладно, пойдем.

Мы заехали домой, переоделись, а вечером у нас был поезд в Петербург. Там, в музее современного искусства «Эрарта», должна была состояться вторая презентация, на этот раз без музыки. Нужно было выступить перед читателями, почитать отрывки, продать книг.

Мы курили в тамбуре, смотрели в окошко, когда Оксана сказала:

— Пойдем, — и повела меня в туалет.

— Что ты хочешь?

— Чтобы ты жестко меня выебал, — так она сказала. Мы занялись сексом, поезд качало, в туалете плохо пахло. Она сидела на раковине, смотрела мне в глаза, произносила грубости, но была нежна. Мне было грустно, я не мог ничего поделать с грузом измен, но это и расслабляло. Попытался кончить в унитаза, но не успел развернуться и

брызнул на Оксанины волосы.

— Пусть так и останется, — предложил я.

— Да вообще срать.

Мы постояли в тамбуре в обнимку, потом немного опохмелились и легли спать.

*Текст книги — что паук, который живет внутри.
Отбирая и все, что происходит снаружи.
Я барахтаюсь в паутине прошлого, настоящего нет.
Пока еду домой на спущенной шине.*

*Исправляю ошибки десятилетней давности.
Пока завариваю лапшу.*

Обновляю забытый диалог, когда знакомлюсь с официанткой.

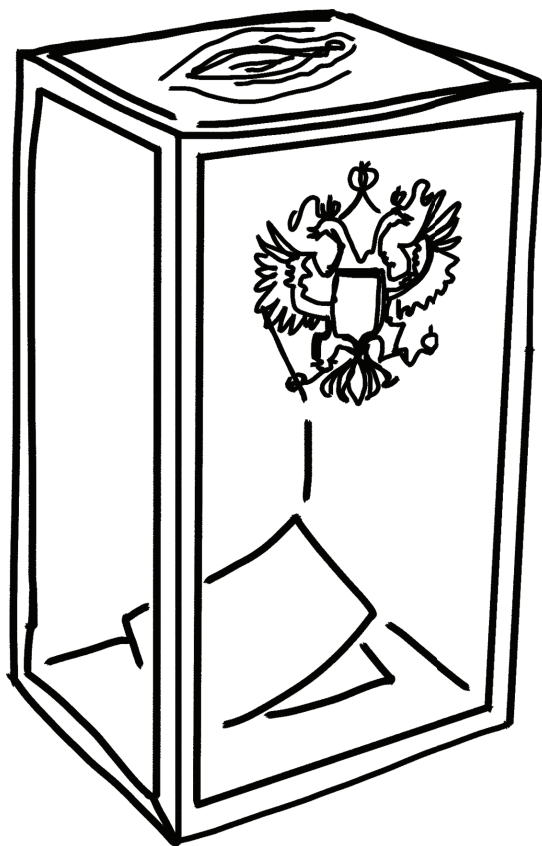
Паук хочет жрать, я его кормлю оживающими воспоминаниями.

*Поэтому здесь оставляю лишь куклу.
Она тебя встретит после работы.
Пойдет с тобой погулять.
Вступит в сексуальную связь.*

*А сам я пока посижу в машине времени.
Поработаю еще разок на всех тех ненавистных работах.
Может, когда я вернусь, у тебя уже будут дети от куклы.
Может быть, тут уже сама завертится новая жизнь.*

*Ничего, играй пока с куклой.
Разберусь с пауком и либо вернусь, либо выползет он.*

11.

Костя нашел работу по специальности — редактор новостного сайта. Там и зарплата была хорошая, и делать ничего не нужно было, и никто его не штрафовал за опоздания. Такая удача случается раз в жизни, и у него начался хороший период. Два месяца я катался один в «телемаркер», дрочил там свой мозг, сидя за клавиатурой, и свой хуй, стоя в туалете. Малолетка и Инга так и не выветривались из головы. Новых баб, к счастью, в жизни не возникало. Зато возник один шизофреник, Женя Гуревич, молодой писатель, победитель шоу для детей-интеллектуалов, поклонник нашего творчества. Он предложил мне работать в несуществующем клубе. Мы съездили на «Артплей», он показал мне ремонтирующееся помещение.

— Через две недели мы открываем клуб, и я хочу, чтобы ты стал арт-директором. Ты сможешь выходить на работу когда захочешь, сможешь продавать тут свои книги, сможешь выступать тут со своими группами и привлекать других музыкантов. В общем, тебе понравится.

Мы ходили мимо рабочих, которые красили стены и долбили старую плитку.

— Здесь будет бар. А здесь будет сцена. Звук будет отличный.

Он приводил какие-то цифры. Сколько уже вложено в это, в то. Как он будет продвигать клуб, в каких СМИ появятся отзывы о моих концертах. Короче, парень поимел меня своим языком, и я сказал ему «да». Меня пугало и радовало только одно: если я буду работать в клубе, слишком много девчонок будет проходить мимо, без надзора я либо научусь не реагировать на них, либо погрязну в левой ебле и потеряю отношения. Но это риск, это шампанское.

Так я ушел из «телемаркера», хотя там была маза перевестись на новый график и работать только вечерами. Но взвесил все, решил, что нужно двигаться дальше, вдохновляться новой работой. Мы с Оксаной съездили в гости

к моему отцу в Кемерово, а когда вернулись, Гуревич лепетал что-то невнятное. Время шло, становилось понятно, что я сел в лужу. До осени перебивался: получил гонорар за порнографический рассказ, вышедший в газете «Еще», за рассказ, вышедший в толстом журнале, запоздалый гонорар из издательства. Также был тур на несколько украинских городов и концерт в Минске, и отовсюду удалось привезти немного денег. Конечно, если бы не Оксана, мне бы пришлось воровать еду. Я всегда оставался в легком напряге, подсчитывал, сколько примерно я ей должен, как я буду с ней расплачиваться, если кто-то из нас бросит второго. С такими мыслями я наткнулся на объявление Ашота Аршакяна у него в жж: «Требуется человек, который умеет писать и разбирается в политике. Работа временная, три месяца. Зарплата 80к. Работать придется без выходных или почти без выходных в ближнем Подмосковье».

Понятно было, что это что-то связанное с выборами. Я думал: звонить ему или не звонить? Прошли сутки, он снял объявление. Наверное, нашел кого-то, решил я. И, как только я так решил, Ашот сам мне позвонил. Это был одноклассник Олега Зоберна, парень, книгу которого в итоге издал вместо моей в качестве «самого слабого звена» своей книжной серии «Уроки русского». Ашот любил курить траву, есть любые таблетки горстями, пить пиво, вино и водку, женщин. Вроде бы одно время даже питал слабость к спайсам, и у него даже был рассказ «Спайсы». Но он меня удивил трезвым голосом и рассудительными интонациями.

— Короче, я знаю, что тебе очень нужны деньги, — сказал Ашот.

— Это очень лестно, что ты мне такое предлагаешь. Но я совсем ничего не понимаю в политике.

— А кто в ней понимает? Политика — это как пытаться...

- ...выебать кота в сраку! — закончил я.
- Ну вот, а говоришь, не разбираешься. Короче, приезжай, я тебя жду. Не хватает одного человека.
- А на кого работать? Если на «Единую Россию», я пас.
- Никакой «единой»! Кандидат беспартийный, выдвигается от «Справедливой России». С нами в команде коммунисты и ЛДПР, топим нынешнего мэра.
- Звучит нормально. У меня уже забито три концерта на конец осени. Смогу взять выходные?
- Согласуем заранее.
- Тогда еще один вопрос. Если мы в нем сойдемся ящик пива, и ты нанял!
- Ящик пива с тебя! Давай вопрос, Алехин, не еби мозги.
- Сходишься ли ты со мной в том, что наш друг Зоберн — мудака?
- Ашот рассмеялся и сказал:
- Думаю, в этом вопросе все человечество с тобой согласится!

Через день я приехал в штаб. Мне вручили кучу страниц ознакомительного текста, и первые два дня я только и делал, что читал о проблемах города Дзержинский. Информации было на удивление мало, одни рефрены — наверное, так начальник нашей кампании гипнотизировал своих работников. Мэр Плешаков плохой, он коррупционер, карьер «Зил» засорил, город обокрал, и теперь город гниет, а вот наш кандидат П. — человек выдающийся, чистый, у него свой бизнес, и он тратит деньги на город. Он не ворует у города, а инвестирует в него. Воспитал отличных детей, получил два высших образования, не пьет, спорту не чужд. «Единая Россия» падает лицом в грязь, давайте объединимся, коммунисты, либералы, свободные от политических взглядов люди и прочие индивидуалисты, онанисты. Нужно победить.

Что ж, действительно, подлая и грязная работенка, мне

придется торговать своим талантом — умением складывать слова. Меня, честно, интересовал только один вопрос: кому-то из этих двоих людей, действующему мэру и нашему кандидату, доводилось лично, физически устранять конкурентов? Чем они занимались в девяностых, какой деятельностью? Об этом информации начальство не давало.

В течение недели сформировался мой круг обязанностей. Поскольку я учился во ВГИКе (не важно, на каком факультете!), мне доверили зеркальный фотоаппарат, на который я фотографировал незаконную агитацию наших врагов. Они часто использовали больницы, административные здания, школы — места, в которых нельзя было размещать плакаты — для своих предвыборных целей. Все перечисленные объекты мне периодически приходилось объезжать с водителем, делать снимки и скидывать их юристу. Также Ашот мне всегда поручал писать рерайты, — а это и был основной контент. Мне просто выдавали статью, которую уже подзабыли. Либо восхваляющую нашего кандидата, либо обливающую помоями действующего мэра. И я переписывал это своими словами, чтобы можно было опять пулнуть в соцсети и поисковики.

Интервью обычно Ашот брал сам, но мне приходилось их расшифровывать. У начальника штаба, у кандидата, у жены кандидата, у избирателей. Ашот был не очень хорошим интервьюером. Интервью с женой кандидата он просто завалил так, что мы ничего не смогли сделать:

— Была же какая-то лавстори? Расскажите.

— Вы с ума сошли? Зачем я буду рассказывать нашу лавстори? Избирателям понравится, как он ушел от первой жены ко мне?

Зато Ашоту удавались умильные тексты. Например, у нас в штабе жил кот, и из-под пера Ашота вышел замечательный сентиментальный и пошлый текст о том, что город Дзержинский «и есть сейчас этот рыжий оборванец,

которому нужен хозяин. Заходите к нам, погладьте его». Мы исправляли друг за другом ошибки, редактировали. Потом за дело бралась Елена, жена начальника компании. Она почему-то меня невзлюбила, хотя я писал больше других.

— По глазам видно, что жопу лизать не умеешь, — негодовал Ашот.

Еще с нами работал медленный парень Игорь, как и Ашот с Зоберном, выпускник Литературного, и его как раз полюбило начальство, потому что он был милый, но я не помню, чтобы он закончил хоть одну статью и чтобы она притом была опубликована в наших газетах или на ресурсах. Зато он все время писал и писал, как медленная и очень надежная машина, потом Ашот велел править, Игорь правил и правил.

Теперь я думаю, что ему отводилась роль талисмана, расслабляющего пупса. Он был большой, добрый, с легким свистящим дефектом речи. Мы ходили на обед в столовую, и я зачем-то начал есть рыбу. Все равно я продал душу дьяволу с этой работой, думал. Так пусть животные умирают в муках, это просто ад.

Вот и умер — Толик, старшая чилийская крыса. Только их отношения с Габликом наладились, они подружились, перестали драться и унижать друг друга. У них принято — если два самца живут вместе, — чтобы один проделал жестокие ебальные движения, не важно, попадая или нет в задницу. Но, короче, как в борьбе: тот, кто оказался на лопатках, больше не рыпается. Иерархия установилась, Толик стал главным, они общались друг с другом, а с людьми неохотно и, казалось, проживут восемь лет или сколько там им отведено. Все было спокойно. Но не сложилось. Оксана нашла новое жилье — недалеко от своей работы, на станции Академическая, ей сдала квартиру женщина с работы. Получилось очень недорого, Оксане опять повезло и

дальше будет везти с жильем. В один вечер я отпросился пораньше, проехал из одного пригорода в Москву, потом в другой пригород, и мы перевезли вещи и клетку с грызунами. Видимо, в дороге Толик перенервничал, или его продуло, и он заболел. Этим омрачился переезд.

Несколько дней Толик не ел и вспух. Я почти всегда ночевал в Дзержинском, на съемной квартире для сотрудников, куда Оксана приезжала в свои выходные дни. По будням мы созванивались, обсуждали здоровье Толика. Габлик не подходил к нему, ел нормально. Толик сидел в углу клетки. Оксана вызывала ветеринара, но тот лишь посоветовал через шприц вгонять в пасть Толику средство от гастрита в надежде, что его желудок заработает.

— И молиться звериному богу? — предположил я.

— И молиться, — согласилась Оксана.

В тот вечер я шел с работы мимо монастыря по этому тихому городу, и слезы катились в ноябрьскую темень. Люди переживают этот опыт в детстве, да. У меня была одна крыса, когда мне было двенадцать. В сорокасемиградусный мороз в моей родной Сибири у нас так плохо топили, что она замерзла насмерть и у нее вылез красный геморрой. Теперь я косвенно буду виноват в смерти еще одного грызуна. Не говоря о рыбе, которую начал есть.

Чтобы похоронить Толика, я купил лопатку в цветочном магазине. Мы положили тельце в коробку изпод мобильника и пошли к ближайшему от дома пустырю. Среди желтых листьев и засохшей травы нашел, как мне показалось, уютное место для могилки. Было совсем темно, капал мелкий холодный дождь. Оксана подсвечивала.

— Скажи что-нибудь.

— Толик был хорошей крысой дегу. Один раз он прокусил мне палец, когда я разнимал их с его другом Габликом.

Потом он заболел и умер. Прожил он на этом свете полтора года. В следующей жизни, возможно, он поднимется на ступень выше, станет собакой, человеком, а может быть, даже социальной сетью.

— Что за бред? — Оксана засмеялась, но я слышал всхлипы.

— Прости. У меня есть теория, что социальные сети — это следующее, после человека, на лестнице эволюции создание. То, что в пищевой цепочке выше нас.

— Копай давай, — она протянула мне коньяку.

Глотнул, меня замутило. Не пил коньяка с тех пор, как мы друг друга обоссали с Лидой. Воспоминание всплыло и опошлило мое горе. Я принялся копать лопаткой. Завоняло говном. От вкуса коньяка и запаха я немного блеванул рядом с выкопанной могилкой.

— Ты чего, родной? — спросила Оксана. — Ой, ты чего блюешь-то, хахаль мой?

— Подсвети сюда, пожалуйста.

Я испачкал правую кисть в дерьме. Воняло очень сильно, наверное, говно человека, а не собаки. Вспомнил, как мы с Сигитой хоронили щенка четыре года назад, вот так время пролетело — снова я гробовщик.

— Ладно, клади его. Я поищу лужу поглубже.

— Лопатку тоже помой.

* * *

«За дело! Городу нужен новый глава!» и баннер с отрывным числом «До выборов осталось (58) дней» встречали на входе в штаб. Можно было пить чай, воду из кулера, есть печенье, даже ходить за пивом. Ничего не возбранялось, кроме одного — сидеть вконтакте. Хотя там тоже приходилось вести один паблик, но на всякий случай жена начальника все равно меня ругала. Я дописывал очередной

текст, кидал флешку в Ашота, сидевшего напротив, он правил ошибки и пускал в работу.

— Теперь пиши от ЛДПР, — говорил Ашот.

— Не могу, брат. Могу только от КПРФ. А еще давай грязи на Плешакова.

— Хитренький, это я сам хочу.

Так мы переругивались, но все равно от лица ЛДПР я ничего ни разу не написал. Я понимал, что это просто этикетки, одно и то же говно под разной вывеской, но за чем-то топил за какие-то лицемерные принципы.

— Пойми, я коммунист, Ашот. Я ненавижу частную собственность, а мой друг Михаил Енотов вообще говорит, что поэт не может быть либералом. Поэтому я должен писать от лица коммунистов!

Он сдавался. Я начинал выдавливать из башки, как бесконечный прыщ, очередной бесполезный наполнитель сети и листовок: «Дорогие жители города! Партия власти называет себя Партией Реальных дел, но мы, народ, прозвали их партией Жуликов и Воров...»

В это время Ашот бомбил: «Друзья! Я, Алферьев Игорь Игнатьевич, кандидат от ЛДПР, призываю вас обязательно прийти на выборы. Жулики и воры думают, что им все сойдет...»

Когда я дописывал, сразу врубал вконтакте и начинал с кем-нибудь переписываться. Жена начальника жаловалась Ашоту, наконец он не выдержал и вывел меня покурить на крыльцо.

— Пожалуйста! Не забывай, сколько нам платят! Платят нам не за работу, а за облизанные жопы, ты же понимаешь.

— Я лижу их, когда пишу эту ахинею. Знаешь, как стиль быстро портится? Как тупеешь от такой ежедневной работы?

— Да знаю я это все. За месяц ни одного рассказа не написал. Хочешь уволиться?

— Может быть.

— Давай, хуярь. Меня уже Елена Михайловна задрочила тобой.

— Так покажи ей мои статьи. Скажи, что я работаю больше всех.

— Да ей это не надо. Приди в себя, просто не открывай ничего, кроме ворда.

Мне очень хотелось посмотреть, чем все закончится. И я взял себя в руки, ладно, сказал я. На работе буду открывать только ворд. Этих денег мне хватит, чтобы оплатить квартиру на полгода. Оксана уже взяла путевку в Таиланд. Так что я проглатываю свою гордость. Я пошел в туалет и хорошенько выдрочился, представляя, как шпилю в зад жену начальника. При этом ноги прилипали к плитке, лютое моющее средство разжижило подошву, обувь моя медленно таяла. Когда вышел из толчка, направился к жене начальника. Представляя ее, измученную сексом, я сказал:

— Ашот со мной поговорил. Я прошу меня извинить, Елена Михайловна. Постараюсь работать еще лучше.

Она внимательно посмотрела мне в глаза. Не увидела ли там чего? Например, свое голове отражение? Жаркая скачка, растрепанные волосы, капли пота, белые хлопья у себя на щеках.

— Садись. Я тебя слышу.

Я сел. Что ж, ворд так ворд. Я решил так: сколько бы работы ни было, каждый день, раз уж у меня нет выходных, я буду писать новую книгу. Вдохновившись мемуарами Стивена Кинга, подобрал для себя ритм: тысяча слов в день. Так, благодаря жене начальника, я впервые стал «профессиональным писателем». Я звонил Маевскому и говорил, что книга продвигается. Мы придумали, что начнем издавать книги на лейбле «Ил-music», где до этого Маевский напечатал диски *макулатуры* и *ночных грузчиков*. Он подыскивал типографию в Казани и деньги

на тираж. Скинемся, сказал я. После этого сама работа больше не имела смысла. Я писал сорок минут повесть «Камерная музыка», а потом тратил двадцать минут, чтобы быстренько отписаться от Ашота. Наш третий штатный писатель Игорь так и сидел в углу, кажется, целый месяц он писал биографию кандидата. Мы его особо не дергали, пупса. Жизнь закипала, агитаторы вокзальными толпами околачивались в офисе, им надо было платить небольшие деньги, инструктировать их. Иногда избиратели приходили с жалобами и просьбами. Надо было наливать им чай, выслушивать, а потом забывать этот бред. Бабушки, бабушки, бабушки. Звонили, встречали на крыльце и в столовой. Но я писал «Камерную музыку», историю своей группы — *макулатуры*, чтобы продавать эту книгу на концертах. Поэтому все стало легче. Я был так окрылен, что у меня получается, что перестал думать о бабах и о том, что работаю в одном из сатанинских филиалов за бешеные деньги. Повесть была очень плоха, но я не понимал этого.

В декабре я решил съездить на вручение литературной премии «Дебют». Мы сидели в огромном зале, приятель выбил мне и Оксане место. В это время на киноэкран транслировалось видео, сделанное финалистами. И вдруг я увидел Лео.

— Это мой кореш! — шепнул я Оксане.

Лео был в тибетейке, изображал из себя узбека по имени Равшан. Рассказывал, как начал у себя в кишлаке писать первые рассказы и о том, что космос начинается у него в голове. Я засмеялся на весь зал. Потом финалисты вышли на сцену.

— Лео, я болею за тебя! — крикнул я. На меня оглянулись некоторые зрители в костюмах. Это очень роскошное мероприятие, но мы были подшофе.

— Давай где-нибудь переждем и подловим твоего друга, — сказала Оксана.

В коридоре мы встретили очаровательнейшего из людей — писателя Дмитрия Данилова. Он напоил нас вином. К сожалению, я узнал этого писателя с подачи Зоберна, но это не мешает Данилову быть моим кумиром. Привет, Дима! Короче, он напоил нас вином, и потом мы вперед других пошли в буфет, чтобы там дожидаться Лео. Я болел за него, но знал, что премию ему не дадут. Там командовала всем Ольга Славникова, женщина, которая еще у Бориса Рыжего в мемуарах фигурировала как человек, который говорит: «Надо публиковаться в Новом мире, это престижно». То же самое слышал от нее я. В общем, она терпеть не могла таких, как я, или таких, как Лео. Кажется, мы с ним единственные финалисты премии «Дебют», которых ни разу не позвали на международные книжные вылазки. Если она чувствовала что-то настоящее, никогда не давала этому ходу.

Но я запизделся. Вот о чем хотел сказать. У входа в Буфет стояли Сигита и режиссер Ваня. Я схватился за Оксанин рукав:

— Это она.

— Кто «она»?

— Что мне делать? Это Сигита.

Оксана толкнула меня и сказала:

— Привет, я Оксана!

Так мы стояли с ними, с Сигитой и Ваней. И обсуждали рассказы Лео, обсуждали его псевдоним Равшан Саледдин и то, что он точно не получит премию. Потом я помню смутно, я обнимался с Лео. Уже из дома кричал ему в трубку, что издам его книгу в следующем году. А потом, уже дома на Академической, Оксана говорила мне:

— Из-за этой бабы ты переживал? Этого толстяка ты хотел отпиздить? Об этом ты жалел столько лет?

— Да, да, да! Все да! — говорил я, закутываясь в одеяло. — Мне нужно утреннее пиво, оставь мне утреннего пива.

— Ты расколдован, — сказала Оксана.

Мы попытались потрахаться, но были слишком пьяны. Встать мне пришлось в шесть утра и ехать в штаб. Ашот злился, что ему самому не удалось отпроситься на вручение «Дебюта», он вчера задержался и сегодня велел мне выйти раньше. Я купил банку в круглосуточном у метро, надо было слегка подлечиться.

* * *

— Ты где был сегодня? Спал в углу?

— Спал в углу, да.

— Ты вообще идешь завтра на какой-нибудь участок?

— Я запасной, иду, но как журналист.

— А меня от ЛДПР заставили идти, вот жопа.

— Да какая разница. Это просто работа. Не парься вообще. Вина выпей лучше.

— Бля, что с квартирой?

— А че такое?

— Ты че тут делал, босс?

— Да все нормально.

— Нас же не рассчитают теперь.

— Гардина сама упала.

— А кокос сам разбился тоже?

— Кокос я разбил. Он валялся на шкафу, и я решил его разбить.

— Ты накуренный был?

— Я даже не ночевал тут. Просто зашел вчера вечером отдохнуть. Игорь уехал, и я решил провести время в одиночестве. Не гунди, Алехин. Будешь вино?

— Один глоток только если. Хотя не буду. Позже, когда помоюсь, перед сном.

Обычно Ашот ездил ночевать в Москву, к жене и ребенку, но перед выборами остался в Дзержинском. Я слышал невнятное бормотание из его комнаты. Избиратели подарили нам канистру домашнего вина. Я лежал и не мог уснуть. Дверь распахивалась, Ашот выходил со стаканом и шел на кухню.

— Возьми ее себе, пока я вино в раковину не вылил, — приказал я.

— Не возьму. У тебя есть феназепам?

Феназепам у меня был.

— Он тебе не нужен.

— Алехин, он мне нужен. Пожалуйста, я тогда точно-точно не буду мешать тебе.

Потянулся к рюкзаку, достал стандарт и кинул Ашоту, как собаке. Он буквально упал на пол за упаковкой. Ну вот, истинное лицо.

— Спасибо!

Ашот ушел к себе и там то ли поскуливал, то ли радостно мычал. Я подумал, что погорячился, и нужно принять одну таблетку самому, а то совсем ведь не посплю.

Я зашел, Ашот сидел в трусах, поедая феназепамчики один за другим. Я быстро схватил последнюю таблетку и пошел прочь.

— Забрал, — горестно протянул Ашот.

Он съел девять штук и не поперхнулся. Я на всякий случай подтащил кресло к своей постели, чтобы Ашот в случае чего упал на него, а не на меня, и уснул.

С утра я постучался к нему в комнату. Ашот лежал поперек дивана в позе распятого Христа, только голый. Член его был залуплен, кажется, он приклеился к ноге на сперму, либо же мое воображение дорисовало картинку — было еще темно, только из моей комнаты доносился свет.

— Ашот! Работать пора!

Он только дернул ногой.

Я зашел в фойе школы, подошел к председателю избирательной комиссии, показал документы, расписался. День выборов начался, и его помню смутно. Сидел, ходил, говорил по телефону. Заседание участковой избирательной комиссии растянулось больше чем на сутки. Нам не удалось зафиксировать вбросы за действующего главу и за партию «Единая Россия». Но вбросы происходили. Председатель участковой избирательной комиссии почему-то тянул время. Он показывал нам каждый бюллетень, тратя на это по минуте. Как объяснил главный нашей кампании, в избирательные книги были вписаны лишние квартиры и специально нанятых людей, в основном это были студенты и инвалиды, возили по разным избирательным участкам, где им выдавали заранее заполненные бюллетени. Это не то чтобы новая тактика, но на этот раз вроде как фальсификация была по-настоящему масштабной.

На следующий день и даже еще через день результаты голосования так и не были объявлены. Наша команда и кандидат готовились подавать в суды. Некоторые жители выходили на улицу митинговать. Нас с Ашотом рассчитали, мы уехали в Москву, так и не узнав, чем все закончилось. Потом узнали, конечно, — наш кандидат проиграл. Я оплатил квартиру на полгода вперед, съездил с Оксаной в Таиланд. Книга вышла весной, в ней было очень много опечаток. Продавалась она очень хорошо.

Возможно, Ашот как персонаж всплывет в следующем томе, так как меня с ним связывает еще один эпизод. Но я пока не уверен. Поэтому добавлю небольшой постскрипtum. Спустя пять лет после событий, которые я только что описал в этой главе, я выйду из психушки, куда попаду после очередного расставания с Дашей, второй женой. И мы с Оксаной — два одиночества — поедem в маленький отпуск в Гоа. Там мы встретим Олесю, бывшую

одногогруппницу Ашота и Зоберна. Понимаю, что ход идиотский — писать об этом в будущем времени, но пусть так. Олеся расскажет, что Ашот умер в новогоднюю ночь. Эту информацию я не проверю, но прозвучит она для меня убедительно: с рюмкой в руке в новый, 2017 год Ашот в возрасте тридцати семи лет свалится еблом на стол. Тромб в мозгу станет причиной мгновенной смерти. Я так и вижу его, блаженного московского армянина, коренастого святого пьяницу и наркомана, мастера коротких рассказов. Эта воображаемая картинка освежит все эпизоды нашей совместной работы. Внезапное понимание: смерть подчеркивает красоту человека, как усиление контраста и контуров в лайтруме. Надо обязательно заполучить книгу Ашота «Свежий начальник», самое слабое звено серии. Книга, что вышла вместо моей «Ядерной весны».

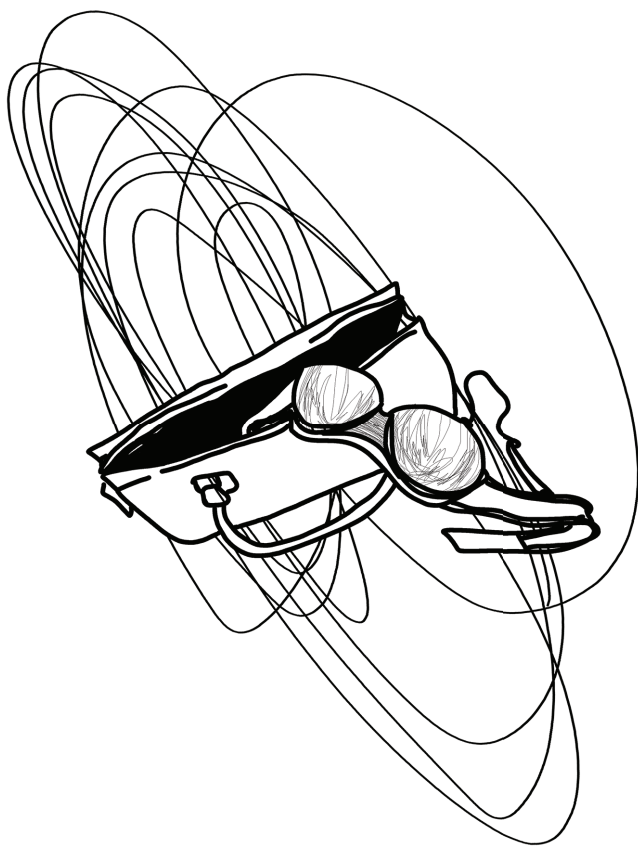
*Я играю этими главами.
Как с колодой карт.
Новая девушка уважительно смотрит, думает, что я
много работаю.*

*И сама уходит на работу.
Вылезают призраки.
И в этом танце с прошлым запихиваю в себя все,
что есть в холодильнике.
Хожу по квартире голый, принимаю контрастный душ.
Завариваю кофе, выливаю его в раковину в уборной,
потом туда ссу, глядя в глаза отражению.
Вот она, твоя судьба, разобрана в этом романе, лох.*

*Пока я плясал макакой, книга писалась сама.
Меня ждет новая страсть с приправой всех ста-
рых страстей.
Новый пухленький томик, который не отличить
от старых.
Пухленький задик, который затмит на секунду мир.*

*Все равно ничего, сказал Валера, массируя спину мне.
Как же сказать ему, что я ушел от жены и решил
никогда никого не любить.
То есть жить вопреки всем его — любимого из муд-
рецов — пожеланиям другу.*

12.

Я устроился на маленький почтово-курьерский склад рядом с домом. Работать нужно было во второй половине дня. Круто, думал: утром буду писать, а вечером работать. Но все пошло не так, я много пил. Когда Оксана уехала в отпуск с ТБ, я решился на интрижку.

Меня потряхивало, когда я встретил Аню у метро. Мы поцеловались в губы. Она спросила как-то слишком прямо:

— Девушка уехала? Поебаться захотел?

Сам я никогда толком не умел использовать подтекст и хитрость, особенно когда дело касалось межполовых отношений. Вообще, можно сказать, я считал ложь категорией несовременной и очень тяжело переживал, когда приходилось к ней прибегать. Но сейчас немного растерялся: Аня явно опережала меня в развитии. Ей не понадобилось писать и издавать две книги, чтобы овладеть мастерством откровенного разговора. Я сказал:

— Ты же знаешь, давно хотел.

— Чего хотел?

Надо было хотя бы для себя это сформулировать, подумал я, чего я от нее хочу.

— Хотел, чтобы мы сперва погуляли, а потом занялись сексом. Несколько раз.

— А-а. Вот чего ты хотел. Спасибо, что поделился.

У меня с собой был плед. Мы купили несколько банок пива и пошли в парк на Воробьевых горах. Пока мы выбирали место, где сесть, Оксана, думаю, как раз заселилась в гостиницу. Уставшая от перелета, заполнила все формы и смогла отдышаться. Скоро выйдет на первую свою прогулку в Испании, подумал я. ТБ говорит и по-испански, разрулит все: они получают удовольствие от поездки, сто процентов. Мы с Аней сели в тени кустарника. Я еще раз поцеловал ее. Аня отвечала не очень страстно, скорее насмешливо, как песику позволяют трахать свою ногу. Мы были знакомы

по одному концерту в Рязани. Тогда я затащил ее в туалет и потрогал за пизду. А потом мы оба передумали или что произошло? Короче, почему-то секса не было. Точно не помню, может быть, у меня не встал? Вот мы встретились спустя год или сколько-то там месяцев. Распечатали по банке. Я сказал, что мне хочется уйти от Оксаны, но я не уверен, что смогу уйти от хорошего и любимого человека.

— Куда уйти? И зачем?

— Просто у меня чувство, что мы добрались до хребта.

— Ну и перелезай через хребет. У тебя отличная девушка.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. По каждому твоему жесту.

Я немного пощупал Анины руки, погладил ее тело — неуверенный массажист, не знающий, как начать ублажать отстраненного клиента. Я хотел добраться до Аниных грудей, но она сказала:

— Погоди.

Неожиданно она залезла к себе под блузку, расстегнула лифчик и вытащила его через короткий рукав. Убрав лифчик в сумочку, она предоставила мне возможность трогать ее и заглядывать через ворот блузки. Аня вся была гладкая, упругая и прохладная. Освежающая и в то же время знойная. Таких женщин, кажется, и называют знойными.

Я сказал:

— Поехали ко мне.

— Приплыли! Нет.

— Почему?

— Пока не хочу. Не вижу резона. Можем целоваться, можем разойтись по домам.

— Резон — по-английски причина. Причина в том, что я очень этого хочу.

— Только не учи меня английскому, — сказала Аня. У нее было лингвистическое образование, она знала несколько языков.

Сладкая пытка продолжалась несколько часов. Когда все кусты были обоссаны и пиво больше не лезло, мы разъехались по домам. Пока я ехал в трамвае, у меня опять встал. Желудок уже и так был растянут, но я решил взять еще пару пива, чтобы лучше уснуть. Дома сел за компьютер и начал искать подходящую порнографию. Потратил, наверное, целый час — искал похожие сиськи. Вмещающиеся в ладошки, но при этом аккуратно подходящие под испанскую дробилку. Нашел нечто подобное.

Оставил звук от порнухи и, глядя в потолок, несколько раз промотал сегодняшний вечер с Аней. И все же я не мог расходовать эту энергию на дробку. Я написал Ане в контакте:

— Хочу к тебе.

Потом походил из комнаты в кухню и обратно. Хлебал пиво.

Аня ответила:

— Ладно. Соседей сегодня нет.

— Я могу приехать?

Собрался за минуту. Вышел на Ленинский проспект и поймал машину. Сел на заднее сиденье. Хуй стоял. У меня было такое чувство, будто я уже трахаюсь. Предэякулят протек джинсы насквозь. Как только Аня открыла дверь, я подхватил ее на руки и отнес на диван. Не снимал ее трусиков, просто отодвинул и проник. Два часа разницы, наверное, Оксана как раз укладывается спать, уставшая от перелета и первых заграничных впечатлений.

— Мне вставать на работу, — сказала Аня. — Ты же не собираешься трахать меня всю ночь?

— Мне тоже на работу. Но собираюсь.

На работе был настоящий завал. Я собирал заказы без остановки. Хватал накладную, быстро катил рохлю, нагружал товаром, упаковывал, указывал адрес, взвешивал,

подписывал, бежал обратно. Рук не хватало, по прогнозам, мы должны были задержаться на работе на лишние пару часов. Мне было все равно, репетицию я и так пропустил, лишь бы деньги платили.

На перерыве я зашел в подсобку. Главный кладовщик допивал чай и смотрел в телевизор. По телевизору показывали странное состязание. Какие-то люди приседали по-жабьи и прыгали вверх.

— Смотри, — сказал кладовщик. — Штангист против паркурщика.

— В чем смысл?

— Кто выше прыгает с места.

Я смотрел. Они брали серьезные высоты. Штангист одолел паркурщика, запрыгнув на высоту в собственный рост. Я съел принесенную с собой вареную картошку и вернулся к работе. Нужно было рассортировывать заказы по ячейкам, чтобы курьерам было удобнее их собирать. Какие-то конверты все приходили и приходили, два часа растянулись до поздней ночи, до раннего утра. У меня стоял, когда мы с главным закончили.

— Что это с тобой? На работу стоит?

— Похоже, у меня уже утренняя эрекция.

На следующий день был концерт. Я маялся у сцены, пока ребята настраивали инструменты. Все мои мысли были посвящены Ане. Она придет часа через два, я вписал ее в гримерку. Немного переживал, что подумают мои друзья-музыканты. Я еще сам не решил, что тут думать. Короче, я стоял у сцены и смотрел, как барабанщик развешивает железо на установку. Вдруг я вспомнил вчерашнюю телепередачу. Сцена была на уровне моих сосков. Я сел на корточки, потом резко выпрыгнул. Допрыгнул до сцены, но правая нога соскользнула с края. Я ударился ногой, сантиметров десять ниже колена, больным местом,

и образовалась рана. Сначала просто голая рана, открытое мясо. Несколько секунд крови не было, просто розовая плоть. А потом пошла кровь. Я подошел к музыкантам:

— Оп, ребята. Мне нужно зашивать ногу!

Маевский подтвердил:

— Ты что наделал? Ты ума лишился? Тебе ногу надо зашивать!

Я побежал в гримерку, пытаюсь опередить боль, которая должна была прийти после шока. У меня в рюкзаке была ампула обезболивающего. На днях Сашок вырывал мне зуб мудрости и дал с собой на случай, если челюсть разболится. Ампула пригодилась: я разломал ее руками, половину выпил, половину вылил на кровоточащую рану. Тут же я взял наш музыкальный вискарь и залил треть бутылки себе в глотку, чтобы уж точно не чувствовать боли. В ноге пульсировало. Маевский привел организатора, и тот сказал:

— Поехали в травмпункт.

Мы вышли из клуба и загрузились в машину. Я держал на ноге ком из влажных салфеток, который уже изрядно пропитался кровью. Организатор сидел за рулем, поглядывал на меня — не залил ли кровью салон. Я был осторожен. Он как-то умудрился договориться, и меня пропустили вне очереди. Врач оказался молодым парнем, чуть старше меня.

— О, — сказал он. — Где это ты так?

— В клубе, пытался на сцену запрыгнуть.

— С разбегу?

— С места.

Он осмотрел рану и подготавливался к тому, чтобы зашить ее.

— В каком клубе? «План Б», что ли?

— Да.

— И кто там сегодня играет?

— Сперва *макулатура*, потом «Последние танки в Париже».

Врач уже воткнул иголку мне в кожу, но я ничего не почувствовал.

— О, ПТВП я люблю.

Меня кольнуло ревностью. Про мою группу врач ничего не знал.

— Я могу вам сделать вписку: «Доктор плюс один».

— Круто, — сказал врач, отрезая нитку. — Я приду.

Перед выходом на сцену я поцеловал ее у всех на виду. Мне казалось, что я совершаю дикий поступок. Мне казалось, что кто-то из ребят скажет:

— Ты что, упоролся? А как же Оксана?

Никто ничего не сказал. Все серьезные, всем насрать. Потом, уже со сцены, пока музыканты брали в руки инструменты, я еще раз поцеловал ее, присев на корточки. Но никому, даже зрителям, не было до этого дела. Никто не закричал о том, что я прохвост и изменник.

— Да! Выступили очень хорошо... Только я ногу повредил, упал со сцены. Но ерунда, уже починили. Помазали в травме, все нормально. Твой любимый поэт Леха Никонов сказал, что «Газданов — пизда нам» — это гениально... Да нормальный, эмоциональный такой... Почти не успел пообщаться... Ты там как? Нашла утес? Ныряла? Кайф... Мы едем к нам домой пиво пить. Со мной одногруппники. Саша, Денис и Женя Соколовский. Да, они все на концерте были... решили устроить встречу такую. Еще Женя Родин, может, подъедет. Как там Таня? Тоскует по своему хахалю? Ты тоскуешь? Я тоже скучаю. Давай. Да, давай. Ну, в следующий раз поедем вместе. И так я много бездельничал в этом году, надо поработать. Да. Да. А... стой. Погоди. Ничего, что в гости одна баба зайдет?.. Да не, не ко мне. Просто наша одногруппница... А просто хочу, чтобы ты знала, что Полина, моя одногруппница,

зайдет в гости. Она дружит с пацанами... Ну давай, ладно. Да, давай. Целую. Пока. Только пиво. Пока...

Я отрубил телефон и сунул его в карман. Водитель смотрел перед собой. На заднем сиденьи сидела только Аня. Я перегнулся назад и протянул ей руку. Она погладила мои пальцы.

— Зачем? — спросила она.

— Что?

— Зачем ты выдумал про одnogруппницу?

Когда мы ехали в лифте, я начал объяснять:

— Потому что, мне кажется, женщины умеют подключаться к коллективному разуму.

— Как мы это делаем?

Аня насмешливо смотрела на меня. У нее был очень сексуальный голос, как у Скарлетт Йоханссон, хотелось, чтобы ее реплики были длиннее.

Я пояснил:

— Во-первых, мне кажется вот что. Она сразу поймет, что у меня в доме была другая баба. А там уже как захочет. Примет мое объяснение, поверит в мою ложь или продолжит думать — и будет копать дальше. Я хочу ей дать минимум лжи, на которую способен. То есть показать ей: ты можешь раскопать правду, а можешь не раскапывать. Ты главная. Ты можешь послать меня нахуй, а можешь не посылать.

Аня пока не стала отвечать. Обдумывала. На площадке я достал ключи и отпер дверь.

— Перекладываешь ответственность, значит, — сказала Аня, увидев съемную квартиру, на которой я жил со своей цыпой почти третий год.

Мы зашли. Я сразу прошел в уборную умыться и посрать. Нога кровоточила через повязку. Вид собственной крови всегда делает меня более отчаянным, более озабоченным, менее осозанным.

— Туалет и ванная. Можешь умыться.

Аня закрылась там. Я слушал журчание ее струйки, стоя под дверью. Когда она вышла, я взял ее за руку и отвел к кровати. Усадил ее, а сам стоял, склонившись над ней, целовал взад.

Что-то было неправильное. Я отстранился. Кровать, убранство, тумбочки и шкаф.

— Я же здесь сплю со своей женщиной, — сказал я.

Аня разглядывала меня с любопытством. Я снял покрывало и бросил его на пол.

— Ты ведешь себя очень по-мужски, — сказала Аня, когда мы легли на покрывало.

— В каком смысле?

— В самом плохом смысле. Если хочешь расстаться — уйди. Хочешь жениться — женись. Что за клоунада?

После этих слов она начала расстегивать мне ширинку. Скоро хуй оказался у нее во рту, все успокоилось. Деревья шептали листьями за окном. Я подумал, что, в принципе, разница не велика. Зачем менять одно на другое. Аня выплонула хуй, смотрела на меня, ждала действий. У меня на тумбочке валялся презерватив, я разорвал упаковку и надел его. Аня вопросительно развела руками.

— Это чего вдруг? Безопасный секс?

— В гондоне не засчитывается, — сказал я.

— То есть понарошку?

Но возбуждение было такое сильное, что я все равно кончил через пару минут, лежа на ней на полу, отталкивая Анино лицо от себя. Я знал: чтобы доставить ей удовольствие, надо поставить раком, отстраниться и спокойно поработать. Знал, но не сделал этого. Аня вызвала такси и уехала.

Продержался на этой работе два месяца. Меня постоянно вызывали в лишние часы то днем, то ночью. Мне снились посылки, жизнь превращалась в ад. На складе

был ремонт, ноги кусали блохи. Сначала я носил повязку на зашитой ноге, так вот, они забирались туда. Я вытаскивал их и давил ногтями — с щелчком они дохли, оставляя следы моей крови. В туалете было грязно, но все равно дрожил там, вспоминая, как кончал на Аню, ее голубые глаза, голос, интонацию и свое малодушие. Нужно было покончить с этим, избавиться от наваждения. Когда Оксана спала, я прижимался к ней, шептал «прости». Но в моем сердце было две бабы, а часто достаточно одной, чтобы образовалась дыра. Хорошо было другое: Аня хотя бы вытеснила Ингу и Малолетку на какое-то время. Но они — другое, лишь эротические образы, тогда как Аня въелась гораздо глубже.

У меня было очень много дополнительных часов, и, по идее, каждый товар, который я сканировал под своим логином и паролем, должен был засчитываться в плюс. Однако на моей зарплате это не сказывалось. Я ходил в бухгалтерию ругаться. Потом уволился. Спустя две недели мне позвонили и предложили зайти за перерасчетом. Денег было много, выплатили за каждую переработанную минуту.

— Может быть, возьмете меня обратно?

— Нет, ты тут нагрубил, — ответили мне.

В это время настойчиво всплывала тема женитьбы. Она откуда-то приходит на третий год отношений. «Зачем жениться?» — думаешь ты. Наверное, дело в том, что мы с Костей попали в мусарню, когда выступали на открытом веганском фестивале, и провели за решеткой ночь. В такие моменты понимаешь, что неверный шаг может привести в тюрьму. Думаешь, что лучше расписаться. Так хотя бы родной и любимый человек — жена — сможет тебя навещать. Или если в психушку попадешь, то же самое. Супруга или супруг. В море бюрократии — спасательный круг.

*Морская пена смыла лишние деньги со счета.
Как ребенка в школу-интернат отправил, продал один
из фотиков.*

*Чем меньше имущества, тем легче писать.
Мне перевели гонорар, но на карту жены, и его не
заполучить.*

*Организатор из Курска кинул меня в конце года на трид-
цать пять кусков.*

*Концертный директор проебал наши с Костей деньги
с айтюенса.*

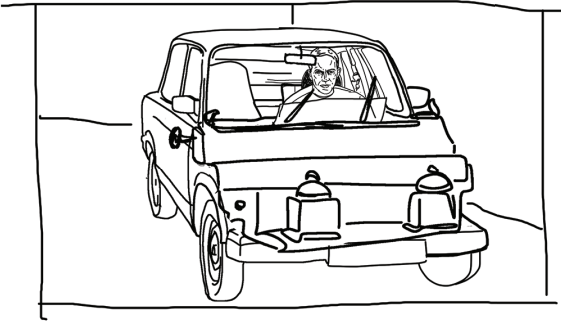
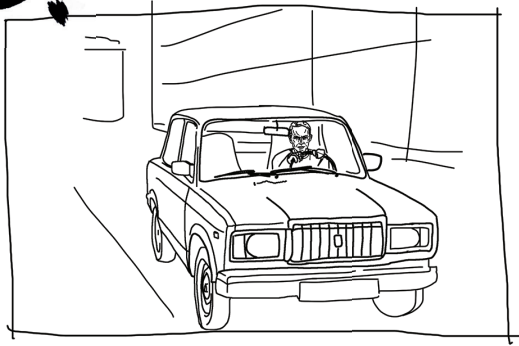
*Кредитная карта, как прожорливый питомец, скулит.
Верный знак!*

Большая удача!

*Буквы воспряли и стали снова дарить мне счастье.
Отрицательный баланс как свобода от обыватель-
ских мечт.*

*Считил немного горькой сажки и распрямился на тур-
ничке.*

13.

Это был огромный, как гараж для самолетов, ангар. Повсюду ездили погрузчики, бригадиры что-то выкрикивали: цифры, географические координаты, названия городов, мотивирующие междометия и бранные слова; комплектовщики на рохлах перевозили тысячи коробок. Другие рабочие вскрывали, перекладывали, пересчитывали, взвешивали на весах, заполняли накладные, загружали товар в машины, машины, машины. На фоне играла музыка — «Европа плюс» или «Автордио». Современные шлягеры чередовались с хитами девяностых, разбавлялись рекламой. Мы работали ночами под прожекторами, светящими с тридцатиметровой высоты потолочных балок. Я, как и другие временные рабочие, был одет в свое, штатское. Постоянщики носили форменные комбинезоны. Смена начиналась в семь вечера, а заканчиваться должна была в семь утра, но нас всегда задерживали как минимум на тридцать минут, а максимум на полтора часа. Ты уже видишь утренний свет в открытые ворота, ведущие к платформе, на которой лежат палеты и курят водители перед распахнутыми кузовами фур. И думаешь: скоро я пойду через проходную, окажусь на улице, спущусь в метро. Но вдруг бригадир вопит:

— Конверты!

Мы бежали к движущейся ленте, которая привозила все новые и новые пакеты с небольшими посылками. Хватаешь десяток, сортируешь по регионам. Закидываешь в огромные ящики. Если быстро не разберешься в географии страны или не научишься ориентироваться по почтовым индексам, задержишь пару десятков красноглазых мужчин. Главное — подходить, быстро брать, никому не мешая, и раскидывать в правильные ящики. Все это как танец, как тренировка, нужен был определенный ритм. Ходишь по кругу и ждешь, когда эта карусель остановится,

после чего отправишься на волю. Иногда появлялся какой-нибудь затупок, как парень Пашка, который пришел со мной в один день.

— Где это проверить? Куда класть эту хуйню?

Изучай инструкцию, Пашка. Вон она лежит, привязанная к кафедре. Пей меньше пива из пластиковой сиськи. Пашка сам был ребенок двадцати лет, и у него уже был ребенок, который не давал ему выспаться днем. Из-за того, что я помогал Пашке, молоденький бригадир записал и меня в затупки и не звал на дополнительные смены. Честно говоря, я в рот ебал эти дополнительные смены, на выходных я наслаждался каждой минутой отдыха, но меня обижало то, что меня не зовут. Сам факт — ведь я человек труда — казался мне обидным. Но, может быть, я просто начал взрослеть и перестал быть бездумным рабом. Они как-то считывали мою суть — по пластике, мимике, походке.

— Екатеринбург — это Свердловская область, Пашок.

— А, точно.

— Тебе бы провести с картой России пару дней.

— Да я же на склад пришел, а не в географическое общество!

Я быстро заходил в раздевалку, и, пока другие кричали, разминались, болтали, кто-то менял рабочую одежду на уличную, я сразу хватал рюкзак с пустыми контейнерами для еды и бежал к метро. Очень важно было вырваться одним из первых, а лучше первым. И идти одному через проходную к метро. Через полчаса я выходил на районе. Очередная осень, утро, а мне пора спать. Через месяц я женюсь. Обычно, когда приходил домой, Оксана уже была на работе, в субботу и воскресенье — еще спала. Один я брал пиво в постель, лежал, смотрел в угол комнаты. Одна банка, две, три. Сон понемногу подходил ко мне, хоть и прерывистый, тревожный.

За текущий год мы с Маевским издали три книги: мою повесть «Камерная музыка», которая была ужасно сверстана и вычитана, книгу повестей и рассказов Зорана Питича, нашего друга и клавишника *макулатуры*, с названием «Расширенная версия Вселенной» и сборник короткой прозы режиссера и писателя Лео (под псевдонимом Равшан Саледдин) «Настоящие рассказы Равшана». Последнюю я уже верстал сам, но для обложек приходилось привлекать художника. Редактировали мы вместе с Маевским, учились это делать лучше — читать внимательней, составлять треклисты. С типографией договаривался он.

Сейчас к изданию готовились сразу два сборника: мой «Ни океанов, ни морей» и роман в рассказах Марата «Печатная машина». Их мы собирались презентовать на концертах в Казани, Москве и Петербурге. Поскольку Марат был писатель сложный, к тому же мой друг, я постарался все три выходных ничем, кроме его книги, не заниматься. Он мог обидеться на что угодно. Например, я сказал ему по телефону:

— Подумай, зачем нам нужна эта нумерация? И так все поймут, что герой один и тексты связаны.

— Хорошо, ты прав, сынок. Убирай.

Я открыл «Индизайн» на своем ноутбуке и убрал все номера глав. Ход с главой «ноль» казался мне вычурным. Вот так-то лучше, теперь красиво. Марат перезвонил и сказал:

— Сынок! Ты охуел! Ты почему на меня давишь? Мне нужны эти номера, книги без них не будет, — я слышал звуки метро.

— Ты уверен, что хочешь главу номер ноль? Это тебе не кажется понтами?

— Как ты?... Понта... — он выругался и пропал.

Я опять добавил номера от нуля и дальше, написал Марату смс, что все хорошо.

«Смотри мне, сынок, я старый и больной. Не мучай меня, — был ответ. — Ты даже не понимаешь, что такое об-раз, так что делай, как я говорю».

Так же было с некоторыми рассказами и фрагментами: мы удаляли их, что-то правили, что-то заменяли, потом ставили обратно. Потом Марат передумывал передумывать, и мы опять их удаляли. Каждый раз он собирался попроситься со мной навсегда и не иметь больше дел. Он даже писал Сжигателю, что очень жалеет, что связался со мной, доверил мне свою книгу. Рекомендовал Сжигателю у нас с Маевским не публиковаться и вообще со мной не разговаривать. Но быстро отходил. Я не обижался, понимал его, ведь был свидетелем — четыре года он писал эту книгу кровью, и она была очень важна для него.

Для меня тоже.

* * *

Несколько часов подряд я работал вместе с тощим татуированным пареньком Серегой. Надо было вскрывать большие коробки со спортивными костюмами, собирать размерный ряд от XS до XXL, потом упаковывать в полиэтилен и уже в зависимости от накладных формировать заказ из нескольких размерных рядов по коробкам. Сначала я не мог одновременно работать и говорить, но спустя какое-то время начал справляться.

— Я обычно как делаю, — рассказывал Серега. — Работаю с весны до осени как проклятый, а потом еду в Тай.

— О, я там был недавно. Не то чтобы сильно понравилось.

— А где был?

— В Паттайе и на острове Ко Чанг. Но на Ко Чанге нормально, если хочешь один побыть и пожрать хорошо...

— Вот я и живу в Паттайе. Я там арендовал студию, бил татухи. Но денег что-то не много приносило, улетают

куда-то. Сначала переспал с какой-то девчонкой, а она оказалась проституткой. Приходила потом ко мне каждый день и говорила, ты мне типа денег должен. Я говорил: я же не знал, что ты проститутка.

— Она нормально английский знала?

— Так она русская была.

— Ахаха. Понял.

— Но потом я с местной начал встречаться. Нормас, меня ждет.

— Но для нее ты не просто белая обезьяна? Думаешь, ждет именно тебя? Или ей просто на жизнь не хватает?

— Да я как будто и не даю ей на жизнь особенно. Сижу, слушаю свой рэп, курю и хожу купаться.

— Зарубежный или русский тоже?

Я сказал, что у меня группа *макулатура*. Не совсем рэп, скорее, реп. Он знал одну песню.

— «Вся вселенная», точно. Слышал. Мне напомнило «Кровосток», только у них как-то менее жизненно, игра. А у вас такая мрачная правда простого человека.

— Да, примерно такой вектор.

Мы тоже с Оксаной много обсуждали возможность перезимовать в Таиланде или Индии. Пытались скопить денег. У меня шло не очень, зарабатывать не получалось. Я надеялся, что продам немало своих книг на концертах, также мне должны были заплатить небольшой гонорар за переиздание «Третьей штанины». Плюс мы рассчитывали получить какие-то деньги в подарок на свадьбу от друзей и родственников. Пока это было писано вилами по воде. Мы собирались свалить в ноябре: сперва в Дели, потом заехать в Гоа, где у Оксаны жили знакомые, и поехать еще дальше, на юг, в менее туристические места. Найти какое-то дешевое жилье, пробыть там до весны. Я представлял, что буду каждый день плавать и читать, плавать и писать новые книги и реп. Оксана собиралась

изучать дизайнерские программы. Еще она думала шить, если удастся купить недорогую машинку. Шила она очень хорошо: платья, куртки, брюки. Во всем она была талантлива. Я очень полюбил уродливую ящерицу на цветном фоне, которую она, обучаясь, нарисовала в векторе и подписала текст, популярный киномем:

«Ублюдок, мать твою, а ну иди сюда, говно собачье, решил ко мне лезть? Ты, засранец вонючий, мать твою, а? Ну иди сюда, попробуй меня трахнуть, я тебя сам трахну, ублюдок, онанист чертов, будь ты проклят, иди, иди-от, трахать тебя и всю твою семью, говно собачье, жлоб вонючий, дерьмо, сука, падла, иди сюда, мерзавец, негодяй, гад, иди сюда ты, говно, жопа!»— слова таяли, местами сливаясь с разноцветным фоном. Ящерица изогнулась, смешно и красиво получилось.

Голова начинала болеть от ночных смен. Сперва эта боль была едва ощутимой, но на последней из трех смен обычно перерастала в мощную, почти как зубная, боль. Тогда мне уже не хватало трех-четырех банок. Доходило до шести. Живот вздувался, в нем бродил пердеж. В какой-то момент я просто не вышел на работу, написал Сереге, чтобы он сказал начальству, что я болею и увольняюсь. Впервые мне настолько опротивел склад, что я уволился заочно. Потом все-таки пришлось сделать звонок в бухгалтерию, договориться о дне, когда придти за расчетом.

— Почему вы уволились?

— А что такое?

— Да мне нужно тут написать причину, меня просят вести отчет.

— А. Ну напишите так: нашел работу по специальности.

— Хорошо. Распишитесь здесь.

Мою и Марата книги должны были вот-вот напечатать в Казани. Скоро мы с Костей должны были ехать

туда на четыре дня: записать новые треки, сделать концерт и книжную презентацию. Но до этого взял еще одну халтуру: сверстать пару книг на заказ. Я сделал верстку обеих за один день и думал, что почти сразу получу деньги. Но меня еще полторы недели просили что-то менять. Сперва шрифт, они передумали. Для этого пришлось все заново верстать. Потом просили менять иллюстрации, потом просили вносить мелкие правки. Я делал это для одной знакомой, которая занимается поэтическими фестивалями, и запросил очень скромную сумму. Одна из книг была сборником стихов разных авторов. Вторая — эссе с кадрами из фильмов. В общем, я понял, что удаленная работа за компом хуже смерти. Это совсем убивало желание писать прозу, а проза и жизнь для меня почти одно и то же. Поэтому больше я решил ничего, кроме как для «Ил-music», не верстать.

В центре Казани тогда было «Питер-кафе», место с дешевым пивом и какой-то едой, Маевский хорошо знал хозяев. Там я провел вечер, когда вышли книги. Обложка моей мне очень нравилась, там был изображен старый радиоприемник на подоконнике. Хозяин стоял за баром и попросил глянуть книгу. Я протянул ему. Он с удивлением показал мне точно такой же приемник, как тот, что был изображен на лицевой стороне.

— Так художник же местный. Может, у вас он и вдохновился?

— Давай я куплю книгу? — спросил хозяин.

— Давай лучше обменяем на пиво.

За столиком сидел мой друг Оскар, который записал гитару в новые треки, и он сказал:

— Вот. Думаю, мы присутствуем при историческом моменте!

Он был прав.

— Алхимия! Превращаем говно в пиво, — сказал я.

Я глотнул и почувствовал, что это первая настоящая моя книга, а другие не в счет. Такая благодать снизошла на меня. Какие бы работы меня ни ждали дальше, — сказал я себе и Оскару, — я постараюсь запомнить этот момент слияния с призванием. Но, с другой стороны, в нем уже содержалась смерть. Личность стиралась, сомнения исчезали, оставалось только ремесло как прямая — без возможности свернуть. Я выпил несколько кружек, чтобы движения на этих санках приобрели хоть какое-то подобие зигзага. Люди заходили, покупали книги, я их подписывал.

* * *

Костю бросила Дарья, об этом его куплет в песне «падение», и мне кажется, это один из лучших его куплетов, может быть, и лучший. Для Кости начался тяжелый период, который продлится года полтора. У меня внешне все было хорошо, но после свадебного запоя (*саму свадьбу и запой я не описал, все верно, дорогой редактор, смирись, пусть это останется белым пятном, как и ебля со школьницей, знаю, тебе бы хотелось подробностей, но это стоит отдельной повести!*) в тяжелом похмелье тонул в сомнениях. Неужели все себя так чувствуют, женившись? — думал я. Снова и снова слушал Костин куплет и плакал, глядя на осень и готовясь к поездке. Оксана дорабатывала последние дни, я убирался в квартире, борясь с желанием спрыгнуть с балкона. Я процитировал последнюю фразу из книги Марата в своем куплете: «Люблю тебя так, что мне хочется спрыгнуть с балкона...» Несколько месяцев опять я был на строгой веганской диете, но утром после вечеринки решил доесть все, что осталось от гостей, — в том числе мясное. Мне казалось, что нужно набить себя как можно плотнее, чтобы алкоголь впитывался в еду.

Так я им пропитался. Думал, что порочная еда — трупчатина — как-то впитает яд. Сейчас-то я знаю, что в таких случаях вообще нельзя есть, надо только пить и пить воду в огромных количествах. Но тогда я оплакивал свою судьбу, Оксанину жизнь, которую она связала с такой подлой скотиной — и жизни кур и коров — запихивая в себя курятину и сыр. Я мыл пару тарелок, потом ложился плакать, в сотый раз включая трек. Потом убирал со стола и через десять минут опять проваливался в Костины слова.

Одиночество — холодный камень, мешающий говорить.

Нелепые движения руками.

И скорченные дни.

Прожитые взаперти без надежды.

Я прячусь от тебя как крошка хлеба, застрявшая в кнопках ноутбука.

Но все же хочу попасть на белый свет, рассказать тебе, что я существую.

Конверты с подарочными деньгами лежали в тумбочке, нам предстояло вскрыть их все и посчитать. Потом посчитать деньги с книг и концертов. Потом купить билеты и улететь. Для Габлика мы нашли новую хозяйку. Устроили прощальный вечер. Но я боялся, что, когда мы останемся наедине друг с другом — в этом свадебном путешествии, там и вскрыется, что «внутри у меня пустота, как у гребаного Дракулы», как сказал бы Микки Рурк.

*У тебя может быть только одна жена, сказал персонаж.
Это один из моих любимых героев, сыгранных Джеймсом
Гандольфини.*

*Я его не послушался, у меня их было две, но ни одной
настоящей.*

Той, которая бы кинула земли на мой гроб.

Той, за которой менял бы утку.

Вчера мой племянник прислал аудиосообщение.

Кажется, я повторяю твою судьбу, посетовал он.

Мне никак не найти свою женщину.

В твоём возрасте я ещё не знал ни одной, ответил я.

Давай просто сядем и подождём.

Есть вещи другие помимо них, окаянных.

*Книги, фотоаппараты, гелевые ручки, блокнотики для
эскизов. Музыкальные инструменты, ноутбуки, кирпичи,
ткани, детали конструкторов и пазлов, лабиринты,
математические задачи, иностранные языки, галереи,
бары, дороги, междугородние автобусы, самолеты, страны,
спортивные секции, телесериалы, холодный душ, холодная
ванна, холодное одиночество, сибирский холод, ночная
тишина, наконец, смерть. Сосредоточься пока на них,
братан, то есть племяш.*

14.

Ночью мы прилетели в Дели, и там начались проблемы. Попали в какой-то фестиваль и не нашли даже места, куда можно заселиться. Моторикша возил нас от одной гостиницы к другой, от хостела к хостелу, а потом высадил где-то в ночи у офисных зданий среди придорожного мусора. В картонных коробках и объедках копошились крысы. Мы, измученные, сели на бордюр, обнимаясь со своими рюкзаками. Ждали солнца, ждали дня. Крысы на нас не обращали внимания.

В итоге на рассвете оказались в турфирме, где хитрый индус впарил путешествие до города Агра.

— В Дели оставаться опасно. Все гостиницы заняты, фестиваль. Езжайте сюда, — он показывал нам карту и объяснял, что там нас ждет отличный отдых.

Несколько дней мы провели в Агре, в захолустной гостинице. Выходя на улицу, становились объектами пристального внимания местных — в этом районе не было белых, и нас пытались пощупать дети и старики, бомжи тянулись к нашим бутылкам пива, мужчины хотели обнять меня и поцеловать Оксанины белые руки. Утомились.

Оттуда отправились на поезде в Гоа, где и застряли. Путешествовать дальше не хотелось. Деньги таяли. У меня была одна небольшая халтура — отец предложил писать по главе очерка раз в две недели для кемеровской газеты. Их интересовали цены, география нашего путешествия, условия, в которых живут зимующие здесь русские. Я старательно писал этот очерк, в остальное время много читал, делал зарядку по утрам на пляже и жрал фрукты, овощи, а вечером жирную веганскую еду. Не мог отказаться от местного фастфуда. Пил морковный сок на заправке, заедая овощными самосами (хрустящие мучные треугольники, набитые картошкой и горошком нута, жаренные во фритюре) и пакорой (лук, обжаренный в гороховой муке), — а еще самое убойное — резаный кубиками

картофель со специями, изжаренный в шарах муки. К тому же много риса, приходилось есть его постоянно в комплексных обедах — Veg. Thali, так это называлось. Впервые в жизни я смотрелся в зеркало и казался себе мужичком. Неужели начал матереть, пугался я. Двадцать семь лет, и все, туловище расширяется, тело юноши становится телом дяди. Может быть, это психологическая проблема — связано с тем, что вступил брак, — так я думал.

— Посмотри, я стал жирным.

— Да что у тебя за паранойя! — отвечала Оксана. Сама она, бывало, набирала и скидывала, но я-то привык быть худым.

Так решил устраивать разгрузочные дни. Только пиво «Кингфишер стронг» и вода, никакой еды. Несколько дней таких экспериментов, и мой обмен веществ снова разогнался, и я опять начал худеть. Море здесь было не таким чистым и голубым, как в Таиланде, зато тут было не так жарко, хватало вентилятора, не нужно было мучиться с кондиционером. Я привык спать под лопастями, привык к этому вертолетному тихому гулу.

Мы жили в небольшом трехкомнатном доме с двумя барменами, друзьями Оксаны. Но скоро и нам повезло: мы тоже стали работать в клубе, иначе пришлось бы искать деньги в долг, чтобы дотянуть до конца сезона.

* * *

В декабре я обнаружил себя работником кухни. Девчонка Женя и интеллигент Ваня смешивали коктейли и подавали пиво людям, что плясали на танцполе; Оксана ходила по залу, улыбалась и собирала стаканы и бутылки; я мыл посуду, а также выполнял маленькие поручения: закупал лаймы, сельдерей, базилик и клубнику, подготавливал сок лайма и сахарный сироп, менял крупные купюры

на мелкие в небольшом местном барчике, докупал ночью лед для коктейлей или рэд булл, который мог кончиться в разгар вечеринки. Я был готов в любой момент прыгнуть на скутер, проехать несколько кварталов по ночной деревне, докупить чего не хватает. Мне нравилось ехать в ночи, закинув пару пакетов льда на руль. Третий пакет я клал за собой, и он охлаждал копчик. Смена начиналась около восьми вечера, а закончиться могла в четыре ночи или даже в девять. Со мной на кухне работал Нилу, серозубый пройдоха-повар, и у него почти никогда не было дел. Иногда он жарил мясо или овощную котлету для сэндвича, но, как правило, к нам в клуб приходили плясать под техно или напиться хорошенькими коктейлями (это было одно из немногих мест, где были хорошие коктейли), а не есть. К тому же по соседству работал отсидевший лет двадцать Ярон, брат плохого босса. Это был лысый здоровенный израильтос, который говорил по-английски еще хуже меня. Один раз я напился с ним, и мы подружились. У нас сломался языковой барьер. Он спрашивал, чем я занимаюсь в России, я рассказал про музыку и издательство. Спросил, чем он занимался в Израиле? Он покачал головой, сказал:

— Dangerous bussines.

Были подозрения, что Ярон делал самую грязную работу, помогая в делах крупному барыге, своему младшему брату — нашему боссу А., который теперь отжимал по тихому клуб у приятеля Оксаны Игоря. Все это чувствовали, но делали вид, что все нормально.

Игорь — хороший и добрый, немного мягкий москвич, похожий на Иисуса, на пару лет старше меня. Он раньше жил и работал программистом в Москве, а потом стал диджеем, переехал сюда, открыл свой клуб. Два сезона клуб существовал, едва отбивая затраты или в небольшой минус. Потом появился А., дал денег хозяйке земли и здания,

и Игоря поставили перед фактом: у тебя есть совладелец. «Какой в жопу совладелец?» — удивился Игорь. Потом состоялось напряженное знакомство с А., за спиной которого стоял головорез Ярон.

Было достаточно взглянуть на Ярона, сразу было понятно: вероятность того, что он еще не убивал людей, сводится к нулю. А. был хитрой головой, содержал бордели и наркопритоны в Израиле, потом в Таиланде, а с недавних пор обосновался в Гоа. С ним был связан странный скандал, когда его подруга, европейская журналистка, выложила хоум-видео, в котором А. хвастается своими криминальными подвигами. Еще была какая-то сомнительная история с арестом — А. просидел пару месяцев в индийской тюрьме, но потом копы были куплены и все улики пропали. Бармен Ваня, смеясь, рассказывал, что официальная версия такая: двадцать килограммов кокаина (белого порошка, напоминающего кокаин) съели муравьи.

— Бразер, тэйк йо шаварма! — Ярон всегда делал мне шавуху с овощами и заносил ее под утро, перед тем как закрыться. Мне не очень нравилась эта еда, но отказать ему я не решался.

— Спасибо, друг! — отвечал я по-русски и хлопал его в плечо. Мне казалось, его лицо лучилось какой-то особой добротой, когда он видел, что я сразу откусываю от угощения. Что ж, если это спасет кому-нибудь жизнь, почему бы не поесть то, что тебе не очень по душе.

Приходилось набивать брюхо картошкой, луком, капустой и помидорами, плавающими в соусе и небрежно завернутыми в тонкий лаваш, потом возвращаться к своим грязным стаканам и другим обязанностям.

Чем ближе был Новый год, тем дольше растягивались смены. А. начал барыжить прямо на кухне. Модные арт-директора, лохматые художники, русские гопники, пьяные европейцы, богатенькие индусы разнюхивались здесь,

тестируя товар. Мне в морду регулярно пихали наркоту: кокаин и МДМА, но я всегда отказывался. Только один раз машинально сунул палец в порошок и втер себе в десны:

— Shit. Like anesthetic pills.

А. недобро засмеялся и сказал:

— Этот парень просто моет посуду, — почему-то никто не называл меня по имени. Наверное, из-за того, что здесь уже была Женья — королева бара, которая умела сделать коктейль для любой нужды: от похмелья, или чтобы ебануло в голову и ты бежал плясать, или чтобы попустило после наркоты, или усилило эффект, или чтобы сбить бэд трип, — мое имя теперь принадлежало ей. Ваня любил поболтать, он читал местные газеты, был в курсе гоанских новостей, хоть и в коктейльном деле не был силен. Оксана как-то тоже привлекла внимание к своему имени золотистыми кудрявыми волосами, своей открытостью и живой мимикой. Меня же, мрачного потаенного реп-бога, называли Хэй или That guy. Уже тогда хотелось написать песню об этом периоде, но получится лишь через шесть лет.

С утра я езжал на берег, заходил искупаться. Это было лучшее время, Оксана могла сидеть на берегу, ждать меня с пивом, уставшая от общения с сотней посетителей. В школе она учила только французский, но довольно быстро начала говорить по-английски. В отличие от меня она не старалась соблюдать правила, не знала, что такое неправильные глаголы, не стремилась запомнить их формы, не соблюдала порядок слов. Но говорила от сердца, ее понимали, ей не было стыдно. Поэтому дело шло. Мне же нужно было выпить, чтобы заговорить. Я заплывал подальше, нырял в прохладную утреннюю воду и вглядывался в подводный мир. Сохрани это счастье, говорил я себе, когда будешь подыхать, вернешься в этот момент и останешься в нем. Выныривал и видел, как Оксана машет: поехали спать.

Выходил, отряхивался, одевался, гладил псов, живущих на берегу. Ехали домой из деревни Чапора в деревню Ассагао. На крыльце нашего дома как раз Женя и Ваня готовили чилум. Это такая трубка для курения гашиша. Зачем-то нужно было легонечко стукнуть себя ей по голове, таков ритуал, а потом затянуться. Я не накуривался семь лет, но здесь понемногу стал втягиваться. Утром, после тяжелой рабочей ночи, с парой бутылок пива «Кингфишер» гашиш не разгонял, а погружал в приятный мечтательный сон. Просыпался в середине дня отдохнувшим, было время еще съездить на пляж, искупаться, почитать книгу. Потом собирались на работу, выходных почти не было.

Настал 2013, конца света не произошло, или мы его не заметили. Нас с Оксаной допустили работать на баре, потому что рук Жени и Вани не хватало. Я учился делать коктейли, но скорее на будущее, потому что, как правило, все пили ром с колой и пиво. Но иногда приходилось сделать что-то особенное. Когда я напивался и входил в раж, то создавал даже авторские коктейли: «Смерть в кредит», «Экзистенциализм как гуманизм» и особенно жесткий «Сизиф». Фишкой Оксаны стали шоты с пищевыми красителями. Она подхватила манеру называть их в честь литературных текстов: «Война и мир», «Бесы» и что-то в таком духе. Денег нам платили много, как если бы мы работали в Москве, и мы стали покупать доллары. Клуб в том сезоне был популярен. Каждую ночь приезжали мусора, но всегда хватало выручки от них откупиться и продолжать вечеринку. Диджеи выстраивались в очередь, чтобы поиграть музлом у нас. Но у нашего начальства — Игоря и А. — шла медленная борьба. Нилу же теперь стал засланным наблюдателем. Кухню упразднили, и он просто стоял над душой, чтобы пожаловаться, если мы украдем деньги. У меня и мыслей таких не было, денег и

так было больше, чем было надо. Еще у нас с Нилу существовала внутренняя бесконечная шутка, которая всегда поднимала настроение. Один раз мы столкнулись в дверях, когда я затаскивал упаковки с ред буллом, и он сказал:

— Sorry.

— No, друг, — ответил я. — It was my mistake.

Поэтому каждый раз, завидев друг друга, мы орали: «Это моя ошибка! Нет, это моя ошибка!» Это скрашивало мои смены. А также он начал помогать по мелочи, чтобы не скучать. Сети у нас дома не было, почти я проверял в интернет-кафе, порнуху не смотрел уже пару месяцев. В таком климате тело награждало хорошими стояками, но с Оксаной мы проводили слишком много времени. Я смотрел на других женщин, посетительниц, многие из них были очень горячие. Например, чернокожая женщина из Великобритании по имени Аннушка или красивая арабка Мона. Они знали меня по имени и охотно разговаривали со мной. Предлагали МДМА, потанцевать. Я часто волей-неволей представлял еблю с иностранками, разглядывая их рты, зады, руки, глаза. Мой друг Лео так выучил несколько языков, хитрец, просто заводя интрижки с иностранками. Его сердце разбито и свободно. А я всегда оказываюсь на цепи. У Оксаны тоже было полно ухаженников, и я знал, что ей бы пошло на пользу, брось она меня. Один раз мы закончили работать пораньше; напились, поругались и решили расстаться. Оксана ушла куда-то в ночь. Я собрал вещи и лежал в темноте в комнате. Ее все не было, я допил остатки алкоголя и уснул. Когда проснулся, она была рядом. Я разбудил ее и спросил, что мы теперь будем делать. Но Оксана не могла вспомнить, что мы расстались. Мы поехали завтракать.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Не знаю.

— И я не знаю.

Я остановился посреди дороги и с силой ударил по рулю.

— Успокойся, — сказала Оксана.

— Ладно, — ответил я.

Развернул скутер и приехал обратно к дому.

— И что? — спросила Оксана.

— На завтрак будем трахаться.

— О, неужели.

Я завел ее в комнату. Как-то было не по себе, я не знал, что делать, как себя и ее завести. Представляя рты посетительниц, я стал трахать ее в маленькую и злую голову. Глаза Оксаны были открыты, она настороженно смотрела. Чмокающие звуки были глухими, в них не было голоса, не было мычания, не было ничего от человеческой страсти. Неужели дело в женитьбе? Я держал ее волосы рукой, разглядывая обручальное кольцо. Наверное, надо делать детей, для этого же люди женятся. К тому же мы уехали на море, где, если не тут, оплодотворять свою бабу?

— Встань раком.

Вцепился в волосы и пихал глубоко. Она не издавала ни звука. Я не понимал, что происходит.

— Сейчас я кончу в тебя, — сказал я.

— Валяй.

— Валяю!

Вместо этого хуй начал опадать. Я еще сделал несколько движений, потом сдался. Мы полежали какое-то время, глядя в потолок, потом решили, что пора пообедать, раз завтрак мы пропустили.

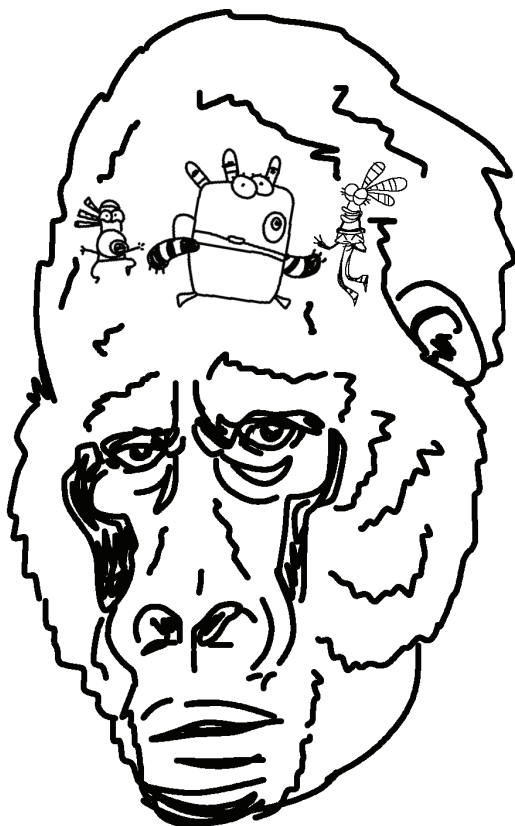
Наблюдая посетителей, которые пьют каждый вечер, общаясь с людьми, проводящими жизни у стойки или месяцами сидящими на наркоте, я решил почиститься. В конце января совсем перестал пить и курить гашиш. Накачал порнухи у Игоря и ушел в себя. Ел мало, работал много, пил много воды, плавал. В одном из роликов

всплыл порноактер, про которого я спел реп еще восемь лет назад, — «парень, похожий на Сатану». Он трахал девчонку, очень напоминающую Аню. Как-то раз устроил себе выходной и шесть раз за ночь передернул на это видео.

Оксана предложила на скопленные деньги посетить несколько стран: Непал, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам. Мне было все равно, огня не было, но и в Россию возвращаться пока не хотелось. Мы работали, работали, работали, а когда заведение накрылось, полетели путешествовать дальше.

*Я люблю дешевые столовые.
В разных странах.
Прихожу туда, чтобы подумать о вечном.
Муха летает над моим салатом и рисом, ждет, что я
потеряю бдительность.
Азиат спит в углу на раскладном кресле.
А я один над тарелками.
Прихлебываю бульон, вылавливаю из него овощи.
Протираю палочки для еды квадратом грубой бу-
маги, нарезанной ножницами (на салфетки они здесь
не тратятся).
Вот он я, белый старый мальчонка, прописанный в по-
селке Металлплощадка.
Тот, кто закусывал льдом кока-колы спирт в сорокасеми-
градусный Новый год.
Сижу теперь здесь, в январе, с обгорелым носом и остат-
ками соли на теле.
Подростки работают без выходных, они давно знают
меня в лицо.*

15.

Я вернулся на родину с двумя новыми привычками: срать на корточках и щедро посыпать еду перцем. Если туалет был уютный, а унитаз чистый, как в офисе на «Арплее», где я теперь работал, то разувался и взбирался на него без обуви. Индусы знают толк в сранье — сидя на кортах над дыркой в полу, ты распрямляешь свой кишечник, говно свободно выпадает из жопы, и ты идешь дальше по делам. Западный метод сидеть как на стуле, почитывая газету или книгу, приводит к геморрою. Но идея по-индийски каждый раз подмываться, пачкая руку в говне, мне не зашла. Предпочитал туалетную бумагу.

Михаил Енотов уже пару лет работал сценаристом на мультфильмах, и теперь ему нужен был помощник. Я, конечно, немного стремался — не хотелось писать что-то за деньги, но это были мультфильмы, а не предвыборные тексты, что уже вселяло надежду. Душа не будет жариться на модной сковородке, если я постараюсь делать работу хорошо.

Сам Михаил Енотов появлялся в офисе только пару раз в неделю, я же должен был сидеть там постоянно, по графику пять на два. Меня это устраивало, приезжал на Курскую, прогуливался до нашей конторы мимо железнодорожных путей и греющихся под первым апрельским солнцем бомжей, поднимался на этаж. В одиннадцать начинался мой рабочий день. Тут была уютная кухня-коридор, потом просторный зал, в котором за большими мониторами сидели сотрудники, в основном аниматоры, дальше, в глубине, — небольшой кабинет. Были здесь игрушки с персонажами мультфильмов, переговорная комнатка, комната отдыха с креслами-мешками. В кабинете мне выделили стол у большого окна, и, приходя, я ставил на него ноутбук. Рядом были рабочие места моих начальников: продюсера Димы, режиссеров Вовы и Артура. Но задания мне

мог давать кто угодно, не только они. Предполагалось, что я для начала буду избавлять Михаила Енотова от копирайтерской работы и начинать вникать в проекты студии, понемногу пытаться писать сценарии тоже.

Несколько дней я выполнял мелкие литературные поручения: тексты на сайт, письмо от лица одной продюсерки, общее описание карточной игры по мультфильму. Я познакомился со всеми, с кем мне предстояло работать, выписал, у кого какие любимые мультсериалы. Вечером мы с Оксаной просматривали их. Нам удалось въехать в ту же квартиру на Академической, и Оксана опять нашла работу близко к дому. На этот раз она была просто секретарь, не инженер, и немного жалела об афере, которую мы предприняли. Было чувство, что наше путешествие в Гоа и Индокитай просто нам приснилось. Мы вернулись к тому же, с чего начинали, только у меня теперь была нормальная работа, а у Оксаны работа в полтора раза хуже.

— Еще одну серию осилишь?

— Давай, — отвечала Оксана с зевком.

Мы валялись на кровати, снова здесь поздние вечера, вид на здание РОСНАНО из окна. Вечернее пиво или чай и мультфильмы: серия «Времени приключений», затем одна «Удивительного мира Гамбола», напоследок разбавляли «Обыкновенным шоу». Понемногу знакомился и с тем, что делали, собственно, мои новые коллеги: «Куми-куми», «Загадки шамана», «Мистер Фриман».

Первым нормальным заданием стало адаптировать под мультфильм «Записки юного врача». Мне дали синопсис, который написал режиссер, и несколько черно-красных эскизов. О, это был хороший нуар! Я установил программу «Кит-сценарист» и вспомнил, что такое американская запись. Несколько дней чувствовал себя профессионалом. Программы, в которых все пишешь под формат,

заставляют тебя почувствовать себя одним из профи. Любой бред выглядит прилично, если у тебя есть чувство ритма, ты создашь внешне привлекательный сценарий, а это большая часть дела. На обед я прогуливался у вокзала, ел шавуху с картошкой за восемьдесят рублей, иногда позволял себе бизнес-ланч в «Джаганнате».

Когда я закончил, серию приняли почти сразу. Пришлось сделать всего пару правок. Что ж, продержусь какое-то время, подумал я. Пока энергия не закончится. Пока не пойдет во вред.

— Ну что, Джеки, поздравляю, — сказал Михаил Енотов. — Надеюсь, ты готов остаться за главного?!

У него планировалась свадьба и поездка на Пхукет. До этого несколько дней подряд он приезжал в офис, чтобы объяснить мне суть основных мультфильмов. Вот, например, «Куми-куми». Три героя: Джуга — волшебник-неумеха, Шумадан — воин-пацифист и Юси — девчонка-изобретатель (она нормальная!). Джуга задиристый и едкий, Шумадан сильный, но добродушный, и все время у них как бы любовный треугольник. Но это мультфильм для детей, еще не познавших беды и радости полового созревания, поэтому Юси игнорирует эротический аспект. Ее симпатия всегда на стороне проигравшего, на стороне того, кому нужна поддержка. Серии, написанные Михаилом Енотовым, были очень хороши, хотя на мой вкус слишком математичны. Я посмотрел их все. Мне было непонятно, как я могу написать что-то подобное.

— Не волнуйся. Мультфильмы делают долго. Пиши черновики, а я вернусь, и мы все доведем до ума.

Еще мы работали над «Загадками шамана». Это были интересные мозговые штурмы, основные идеи шли от режиссера Артура. Он делал какие-то наброски, придумывал идею для квэста. Чукча-шаман, его вечно ворчащая жена, ребенок, пингвины, мамонт, древние рыбы. Это мир.

Каждый раз случается какая-то проблема, и шаман лениво разбирается с ней. Делает какие-то, казалось бы, нелогичные вещи, но в итоге спасает хижину и кормит семью. Мы собирались вчетвером: Артур, я, Михаил Енотов и продюсер Дима, и час-два придумывали серию.

Когда идеи и силы заканчивались, мы с Артуром молчали, а Михаил Енотов и продюсер Дима продолжали старый спор:

— То есть ты считаешь, что динозавров вообще не было?

— Конечно, не было. Мир существует семь тысяч лет.

— А скелеты?

— Скелеты воображаемых чудищ, — Михаил Енотов засмеялся, «чайки полетели», говорила его невеста про этот смех. — Откопать можно все что угодно, если захотеть.

— Все понятно с тобой. Божий человек.

* * *

За два года это был третий зуб мудрости. Но на этот раз он действительно глубоко пустил корни. Я смотрел, как Сашок корчится надо мной, матерясь. Тяжелая работа.

— Пиздец, а не зуб! — подтвердил он.

Он пилил его и дробил, челюсть моя ходила ходуном, но обезболивающее делало меня наблюдателем. Решено, у Шумадана болит зуб. Какие способы существуют, чтобы его вырвать? Привязать к двери. Не интересно. Может быть, он привяжет к нему булыжник и кинет в реку? С этого начнется серия? Что дальше, кинет в реку и упадет за ним сам?

— Готово, смотри, Женек!

Сашок показал мне двухсантиметровый крученный корень зуба. Я сплюнул кровь и сказал:

— Великий.

— Че, ты его заберешь?

— Конечно. У Оксаны уже будет три моих. Если я сдохну, то обязательно стану культовым на какое-то время. Она тут же их продаст. Заработает пять тысяч рублей.

— О да! Разбогатеет! В Щелково сходит в бар. Че, Женек, говна, может, немного тебе в дырку от зуба?

— Не понял.

— Давай я насру тебе туда, где был корень, — не унимался мой стоматолог. — Так оно быстро заживет.

— Очень интересное предложение, Сашок. Но — нет, спасибо.

Я выбрался из кресла и надел курточку. Сашок сказал, что может выписать мне больничный, но я отмахнулся. Потом зашел к теще и уснул там на несколько часов. Мне снился Тони-младший из сериала «Клан Сопрано». Когда я проснулся, челюсть болела, голова раскалывалась, но у меня была идея. Точно, украду этюд из любимого сериала. Шумадан, как Тони-младший, когда пытался покончить с собой, упадет за камнем, но веревки хватит для того, чтобы он всплыл. И он попадет в плен неудачной попытки вырвать зуб. Будет барахтаться на поверхности, привязанный зубом к камню, пока друзья — Джуга и Юси — не придут на подмогу. Джуга проявит смекалку и будет надеяться на расположение Юси, но она поцелует в щеку в итоге страдальца Шумадана, тем самым вылечит его от зубной боли.

Я набросал эту серию в блокнотик по пути из Щелково в Москву. Быстро набрал на ноутбуке, как только добрался до офиса, распечатал и отнес режиссеру Вове. Он прочитал и подошел ко мне.

— Это автобиографическая серия? — Вова указал на мою распухшую щеку. — Ты себя хорошо чувствуешь?

— Отлично, — прошепелявил я. — Как тебе?

Режиссер пошевелил головой, будто сейчас полетит, как воздушный змей. Он был кудрявый и тихий, чуть

толстеющий дяденька. Я не знал, чем он занимается целыми днями. Он сидел перед компьютером, смотрел в монитор, смотрел вдаль, думал.

— Попробуй написать еще что-нибудь. У меня есть идея про яйцо.

— Какое яйцо?

— Не знаю. Юси находит яйцо. Здоровенное яйцо. Из него кто-то должен вылупиться.

— Воздушный змей?

— Почему нет. Живой воздушный змей. А Джуга, например, хочет сделать из него яичницу.

Два дня я писал эту серию. Никогда прежде не удавалось придумать гэг, но тут у меня стало получаться. Я был в восторге от своей работы.

Джуга и Шумадан держатся за бортик аквариума-инкубатора и с любопытством смотрят на яйцо. Шумадан улыбается и аккуратно дотрагивается до яйца.

ШУМАДАН

Лака-лака!

Из головы Шумадана вылетает сердечко и лопается в воздухе. Джуга тянется к яйцу. У него над головой появляется облачко: сковорода, на которой жарится огромная яичница. Юси видит это облачко, вытаскивает оттуда сковороду и дает ей Джуге по морде. Яичница выпадает ему под ноги.

ЮСИ

Хабарра, Джуга!

Джуга ошарашенно мотает головой. Появляется облачко мыслей Юси: из яйца вылупляется здоровенная красивая

птица. Шумадан видит эту красивую птичку, подносит руки к груди.

ШУМАДАН

Лака-лака!

Юси и Шумадан восхищенно смотрят в облако Юсиного воображения. В облаке: Юси и Шумадан, как мама с папой ребенка, держат большую красивую птицу за крылья — выгуливают. Потом Шумадан разбегается и машет руками, показывая птице, как надо летать. Юси разжевывает червяка и сплевывает птице в рот.

Джуга тоже подглядывает в эти мечты, кривится. Пользуясь тем, что они отвлеклись, хватает яйцо. Он хочет убежать с яйцом, но поскользывается на воображаемой яичнице...

У серии было и начало, и сентиментальный конец. Режиссер Вова несколько дней не находил времени, чтобы прочитать ее. Я начал волноваться. Никаких заданий не было. Я установил себе монтажную программу и стал делать видеоряд к грядущим концертам *макулатуры*.

Наконец Вова сказал мне:

— Не знаю. Мне не нравится. Давай придумай свою идею. Про яйца я попробую расписать сам.

До приезда Михаила Енотова оставалось дней десять. Каждый день я накидывал какой-нибудь синопсис и относил его Вове. Иногда Артур звал пообщаться по поводу «Загадок шамана». Но в целом я только и сидел, монтировал, смотрел мультфильмы. Мне было душно и стремно, я не мог ничего не делать. Мне казалось, что всем ясно, что я тут бездельничаю за хорошую (пятьдесят тысяч в месяц) зарплату. Я показал одному аниматору сценарий серии про яйцо.

— Гениальный гэг, — ответил он. — Может быть, ты так и останешься автором одного гэга. А Вова дурень!

— Скорее всего.

В тот вечер случился корпоратив. Мне налили вина, потом водки, потом коньяку, потом догнался пивом. Помню, что сидел в баре с аниматором и дамой из HR-отдела и говорил, что чувствую себя ненужным. Они советовали дожидаться Михаила Енотова. Можно же сидеть и ждать. Получать деньги. Но это и было самое сложное, ждать, я бы лучше работал.

— Поскальзывается на воображаемой яичнице! Как Вова мог этого не оценить?

Несмотря на то, что был пьян, в метро уткнулся в книгу. Я был на второй половине «Поправок» Франзена. Художественный мир захватил меня. На одной из остановок поезда какой-то придурок заорал:

— Алехин!

Меня как из сна выдернули в ад. Я вмиг протрезвел, увидел счастливое лицо этого придурка. Он уже собирался выйти из вагона, но теперь засунул башку обратно и тянул ко мне руку в непонятном жесте. Я закрыл книгой лицо, спрятался. Поезд поехал, я видел, как тип все еще лыбится на платформе. Все люди были напуганы, но уже возвращались к своим смартфонам. Иногда они такие, почитатели твоего творчества, настоящие маньяки, дай им волю, залезут тебе в нутро и нагадят там.

На утро я решил, что больше не выйду. Просто открыл глаза и понял: не могу. Решение оказалось правильным даже с экономической точки зрения. Я стал одним из счастливчиков, тех, кто получил всю зарплату, хоть и с небольшой задержкой. Студия скоро начала загибаться, многим не платили месяцами. Михаилу Енотову, кажется, до сих пор продюсеры должны часть денег.

*Я как актер Маколей Калкин, один в огромном доме.
Среди картонных людей, имитирующих бурную жизнь.
Актер-ребенок, богатый деньгами, которые не по-
тратить.*

*Мчусь мимо сотен непрорисованных персонажей.
На игрушечном автомобиле.
Спасаясь скорее от призраков, чем от грабителей.
Через этот бесконечный роман.
Простите, друзья.
Валера и Михаил Енотов.
Митя и Лео.
Марат, Сжигатель и Костя.
Что расставил вас как декорации, воткнул как дорожные
знаки.*

*Вокруг своей игрушечной автострады.
В мире букв ни героя, ни драмы.
Только рутина, сквозь которую необходимо проехать.
До последнего босса.
Главного босса в этой книге — игре — жизни.*

16.

Подписчик откликнулся на мой пост о поисках работы. Курьер, 270 рублей/поездка. Не тяжело, развозить придется диски. Уже был июнь, погода стояла отличная, почему нет — согласился. Доезжал до Медведково, там был офис, набирал заказов. От четырех до десяти в день. Точки были не очень далеко друг от друга, для каждого курьера подбирали более-менее вразумительный маршрут. Наверное, я был единственный во всей Москве курьер без смартфона. Приезжал на нужную станцию метро, разворачивал бумажную карту, купленную в союзпечати, просчитывал, как добраться. Иногда не мог найти адрес. Нервничал, грыз ногти. Приходилось спрашивать бабушек и дедов у магазинов «Пятерочка» и аптек. От контакта с незнакомыми людьми у меня случались панические атаки. Иногда в глазах темнело, тогда я садился на лавочку, пил воду из фильтра, залитую в пластиковую бутылку. Любил попадать под дождь, любил пережидать дождь на крыльцах магазинов и остановках общественного транспорта.

Меня удивляли люди, которые заказывали эти диски. Они как будто жили вне времени. Вроде простые обычные люди. Зачем им понадобилось такое: «Секреты точки G», «Мастер Интернета», «Тайный способ лечения простаты», «Как продлить половой акт», «Мастер Секса. Части 1, 2». Как-то раз я ждал мужика у Бизнес-центра на Киевской. Прогулялся по набережной, посидел, читал книгу. У него была конференция, он написал смс, что задержится. Вполне приличный мужчина, хорошо одет. Я догадался, что это он, по ищущему взгляду. Махнул ему рукой, достал диск из рюкзака.

— Ну как? — спросил он. — Сам пробовал?

— Что пробовал?

— Позы, — он указал на коробку из-под диска. Там было написано: «365 дней в году. Позы».

— А. Да я пока еще своим воображением справляюсь.

Он отдал мне деньги и зачем-то пожал руку.

— А я предпочитаю расширять горизонты, — дяденька подмигнул мне и пошел обратно на работу, присвистывая. Незнакомый мир вот среди этих зданий.

Один раз я привез диск по адресу — это оказалось здание больницы. Набрал номер, сказал, что я на проходной. Мне ответил узбек. Подумал, что рабочий-ремонтник, но это оказался врач. Он подошел, красивый, статный, в белом халате. Большой смуглый узбек. Но взгляд жалобный. Ничего, меня как-то лечила от головной боли узбечка, у нее все нормально получилось. Но к этому врачу я бы не хотел попасть со своей пиписькой. Он собирался руководствоваться нашими дисками. Наверное, когда учился в институте, еще не очень хорошо знал русский, сейчас добирает знаний.

— Как думаешь, поможет?

— Не знаю, я не врач.

— Эх, замаешься с клиентом! Попробую ваш способ, потом оставлю отзыв.

— Да, потом можете позвонить менеджеру.

Так проходили дни. Я смотрел на какую-то особую выборку людей, которым казалось, что у всего есть простые секреты. Наша контора делала на них состояние. Они, может быть, не умели гуглить? Они верили, что есть платная информация, получив доступ к которой, ты станешь удачливым, здоровым, у тебя изменится скорость реакции, появится правильный настрой.

Готовил к изданию две книги. «В свободном падении» Валеры Айрапетяна и «Сжигатель трупов» — наконец! — Кирилла Рябова. Марат помогал мне с редактурой, он уже вычитал книгу Валеры, и теперь мне приходилось просто просматривать его правки, те, которые Валера принял, и те, которые Валера отверг. Где-то нужно было

уговорить Валеру послушаться Марата, а где-то принять его нежелание причисывать текст. Это было диковато, когда мы созванивались с Маратом, — я, молодой неудачник, разносящий диски по Москве, он — стареющий мастер по мелкому ремонту в Петербурге в небольшом офисе. И вот мы воображаем себя великими редакторами и издателями.

— Сынок! Пусть Валера внимательнее будет! Это же книга, епта, а не хер. Я понимаю, что он весь такой мужик, самец и армянин. Но надо немного и тонкой работой заняться. Такая крутая энергия, но ювелирки не хватает!

— Хорошо, я сейчас в процессе. Хотел посоветоваться с тобой, что делать с «Дядьками»? Маевский так невзлюбил повесть, что даже не хочет ставить в сборник. А ты что думаешь? Мне-то она очень нравится.

— Честно, сынок? Я думаю, что ее надо частями переписать. Взять вот распечатку, сесть и перепечатать иное предложение. Но Валера в жизни не согласится.

Это был мой глупейший проеб. Я любил эту повесть, но поддался и не поставил ее в книгу. Прости, брат!

С книгой Сжигателя все было проще. Мы признали его нашим местечковым гением и не лезли в его тексты, даже когда они того требовали. Таким образом, все изданные нами книги оставались слегка недовинченными.

Понемногу планировал тур с *макулатурой* на конец лета. Костин новостной сайт закрылся, и у него возникло окно. Мы решили съездить до Урала или даже до Тюмени вдвоем, пока он не начал искать новую работу. Без музыкантов, только я, Костя и минуса. Продать книг, попеть реп, развеяться, немного заработать. Я хотел освежиться — мне нужны были какие-то мелкие интрижки. Позволю себе трахнуть один раз, так я рассуждал. Один разок, где-нибудь подальше от Московской области найду большие сиськи, большую жопу, выберу

девчонку, которой нужно будет приключение, которая не соответствует моим любовным грезам о тонких запястьях. Будет смешно, легко, весело, никто никому не доставит боли.

* * *

Я поставил ноутбук на грудь, закрывшись им от Оксаны. Интересно, что она сейчас чувствует? Ревность и/или кураж? Никогда прежде не смотрел порнуху во время секса. Наверное, так и выглядит смерть. Ты думаешь, никогда прежде люди не ходили по потолку, собаки не носили очки, а цветы не пели голосом Иосифа Кобзона. А все просто, ты сдох, это уже не ты и не тот мир, что минутой назад, а одна из маленьких жизней, твой потерянный электронный импульс сознания танцует вместе с бутербродами и розовыми слонами и будет плясать, пока все крошится на пиксели и пока этикетка «я» от него совсем не отвалится. Какие там актрисы радовали меня в свое время? К кому можно вернуться сейчас, пока Оксана насаживается на хуй? Я набрал имя порноактрисы April O'Neil. Пролистал несколько роликов, нажал на тот, что не видел раньше. Какая красивая женщина. Ее руки, челюсть, глаза, грудь.

Удача: жидомексиканка Эйприл орудовала над мужиком вместе с албанкой Breanne Benson. С Брайан у меня в свое время тоже был роман. Одну киноновеллу, где мужик по имени Келли трахает Брайан в унтах, сидящую на велосипеде, я посмотрел раз пятьдесят.

— Какая встреча, девочки. Жена и вы, две моих бывших, — пробормотал я чуть слышно.

— Не пизди, — сказала Оксана.

Если хочешь сохранить душу, не привязывайся к внешности порноактрис. Просто выбирай туловище и бездумно

сливай лишнюю сперму пару раз в неделю. Иначе тебе пиздец. Мне — пиздец. Все, я дал уже много концертов, рассмотрел много красивых лиц, даже переспал с каким-то количеством дам. Но я переспал не так, как Оксана спала с мужиками до меня. У меня это было не веселье, а марафон от тоски до депрессии. Теперь мне нужно, чтобы русская жена сидела на мне, а актрисы со сложной родословной лизались на экране. Дальше понадобятся все более редкие типажи, все более сложные оттенки кожи. Потом, возможно, я смогу драть только на видео, в котором животные ебут людей. Собака трахает женщину, тренер отсасывает у дельфина. Потом, видимо, придется брать ружье и охотиться на людей. Может быть, стану педофилом. Юные красотки манят, со временем захочется присунуть ребенку. Или хотя бы посмотреть мокруху. Я откинул ноутбук и попытался сконцентрироваться на своей жене.

— Жена, — сказал я. — Иди сюда. Поцелуй меня.

— Муж, — сказала она. — Обьелся груш.

Почему кричат «горько» на свадьбе? Никогда не задумывался. Может быть, какой-то намек, наводка на то, что скоро в жизни ничего не останется, кроме горечи?

— Йо мус — но шус, — вспомнил я каламбур индийской торговли на берегу моря.

Мы повозились еще немного, мне удалось кончить. Сопля так и лежала на супруге, пока я работал языком. Несколько незамысловатых движений, повторяешь их в определенной последовательности в течение пяти-семи минут и ждешь, пока случится клиторальный оргазм. Раньше у нас случались сильные похмелья, и мы могли заниматься любовью целый день. Чуть-чуть опохмеляясь. После пьянки мы ехали каждый на свою работу, но докладывались друг другу, когда шли драть в туалет. Сейчас дровишек не хватало, каждый был отдельно

от второго. Мои мысли уже не здесь, они были далеко. Летали по улице, покупали овощные пельмени в корейском магазине, сидели на светофоре, поднимались к небу. За пределы города и страны, за пределы Земли.

* * *

Очень хотелось уехать, и, когда мы загрузили полный багажник книг в тачку нашего друга веган-хача Эдуарда, я расслабился. На заправках покупал пиво и ссал в полях, любуюсь летними видами. Костя делал зарядку и бегал вдоль дороги. Часами я смотрел в окно, ни о чем не хотелось думать, хотелось ехать и ехать через август. До этого у меня случались туры, но такого удовольствия они не приносили — прежде мы ездили, как правило, с музыкантами, вшестером, а в иные разы еще был тур-менеджер и звукорежиссер. В коллективе из трех человек гораздо легче. Двое всегда могут поговорить, а третий заткнуться. Я давно не слушал музыку для удовольствия, но в поездке мы слушали много всего. Главным открытием для меня была группа The Organ. Лучшая песня на альбоме называлась «Memorize The City».

— Там три лесбиянки, — объяснил Костя. — Вокалистку даже называли Моррисси в юбке.

— Ба, странно, что я раньше не слышал.

Когда мы с Эдуардом включили этот трек раз двадцать, Костя сказал, что уже жалеет, что открыл нам группу:

— Все выжали, до последней капли, всю магию, как зубную пасту, выдавили. Я же теперь ее слушать не смогу.

— Сможешь уже через месяц. Сейчас тебе так кажется.

— Мне надо выдавить зубную пасту, — сказал Эдуард. — Доедем до хаты, и я пару тюбиков расплескаю!

Умалишенные организаторы, небольшие пьянки, вписки, попытки объяснить, что такое еда по вегану,

утренние выезды. Так шли дни. Я засматривался на девчонок после концертов, но, даже если чувствовал расположение, видел огоньки, горящие в глазах, когда они подходили ко мне за фотографией или автографом, не решался кадрить.

— Эдуард, отец мой. У нас случится ебля в этом туре? — спрашивал я.

— Не знаю. Че вы пасуете? Костик тоже вон ходит как инопланетянин. Там такие сосочки были. Хоть в Казани-то надо. Там же настоящие пахлавушечки.

— Да у меня еще зрение плохое, — сказал Костя. — Это Жука может разглядывать баб даже во время репа с плохим освещением.

Я мог, да. Во время концерта в Перми это случилось. Я увидел девчонку такой красоты, какой еще не видел. Среди сорока человек, пришедших на концерт, была она, которой можно было посвятить унылый бред своих песен. У меня была бутылка пива, и мы пялились друг на друга, пока я пел реп. Она была высокая, с пышными русыми волосами, огромные глаза располагались далеко друг от друга. Обычная юная модница, но меня сразу повело. Давно такого не было, что-то зашевелилось. Я протянул ей бутылку на куплете Кости, чтобы чутка обменяться слюной. После концерта она сказала:

— Я не знаю, зачем мне это надо, но я хочу записать твой номер.

Мы еще немного посидели, потом я поцеловал ее где-то в техническом помещении. Она ушла домой. Тур продолжался, но я не спал ночами. Я был готов уйти. Переехать в Казань, там репетировать с музыкантами, иногда ездить в Пермь на пистончик. Но не бросаться сразу жить с бабой. Нужен был баланс, я больше не совершу этой ошибки. Мы разговаривали каждый день, я пулял ей смс-сообщения раз в десять минут. Наконец она призналась, что еще

учится в десятом классе и ей шестнадцать. Но это ничего не меняло. Последний концерт тура был в Казани. Мы сделали круг до Тюмени и ехали обратно.

— Маевский, — сказал я нашему басисту и великому композитору. — Я переезжаю к вам. Набираем новый состав и пишем альбом.

— А как Оксана? Отпускает?

— Ухожу от нее. Влюбился в другую бабу.

— Просто влюбился или изменял?

— Еще не успел. Но баба уже есть. Правда, ей шестнадцать. Но она на удивление взрослая. Даже немного зарабатывает, фотографируя, живет самостоятельно. В принципе, неважно, сколько кому лет.

Думал, что он посмеется надо мной, но он сказал:

— Да, у моего друга Русланчика тоже был роман с малолеткой. Переезжай, я рад. Найдем работу тебе здесь.

Чтобы морально быть готовым, бросил пить. Мне пришлось в один день бросить жену, а также московских ребят — «уволить» барабанщика и гитариста. С ними больше мы играть не будем, теперь будет новый состав. Маевский сказал, что хочет играть со своими чуваками в Казани, они ему ближе и техничней. Записываться хочет в Петербурге, пусть звукарь ПТВП сведет. Музыка будет лучше, звук будет лучше, и мы с Костей тоже должны постараться.

Ладно, сказал я.

Две недели развозил диски в Москве, спал у Кости на каких-то тряпках, имитирующих матрас. Провел фестиваль «Вечер унылого репа» и поехал в Казань. Отношения со школьницей продлились недолго. Я два раза съездил в Пермь, испытал страсть, потом отошел, шли репетиции в гаражном комплексе «Юлдаш», были попытки работать новостником на местном казанском сайте. Ту осень я провел на сигаретах, в основном глядя в окно на застывший в холоде пустой перекресток из съемной квартиры

на краю города, которую мы делили с гитаристом Оскаром. Казалось, вся жизнь к этому и шла, вот так и надо жить. Теперь все остановилось, я пленник своего призвания, пишу реп-альбом. Бывало, Оскар задерживался на работе или ночевал у своей девушки, и тогда несколько дней между репетициями я не произносил ни слова. Брал микрофон и не мог вспомнить, откуда вообще берется речь. Альбом мы решили назвать «пролог». Самый амбициозный провал в моей дискографии, но что-то в этом было.

Лучшие романы — те, которые резко оборвались; так я думаю, гуляя по пляжу.

Вспоминая соски армянки.

Они теперь более реальны, чем эти туристы в паленых футболках «Левайс» и «Томми Хилфигер».

Ей навсегда останется двадцать четыре.

Девочка с самой большой зарплатой из тех, с кем я спал. Московская модница, которой сказал «прости и прощай».
«Моя жена, кажется, сходит с ума. Надо дать ей еще пару лет медленного разочарования».

«Ничего, мой последний парень вообще стал гомосексуалом. Твоя причина уйти мне кажется менее ранящей.

Более простой и понятной.

Чтобы уйти и никогда больше не кончить мне на лицо и грудь.

Чтобы никогда больше не втиснуться в мою писю размера XS.

Не вдыхать этот запах.

Не держать меня за руку в кино про черных рабов.

Не принимать от меня подарки в виде брендовых шмоток.

Не зарывать лицо в мои черные волосы».

Даже отрицания более выпуклы, чем реальность, которая окружает: таксист, сигналивший мне на зебре, азиатская бабушка, рубящая мачете кокос, барыга на скутере, прикладывающий ко рту воображаемый косяк, тупая тетка в конической шляпе, что пытается добавить сгущенку в моей апельсиновый сок с алоэ.

Дворами — в комнату, выходящую окнами на маленький захламленный двор.

Идеальное поле для финальной главы.

17.

Я соби́рался начать эту книгу, как и первую часть, с обращения к друзьям, написанного курсивом. А также хотел добавить посвящение — Кириллу «Сжигателю трупов» Рябову (с благодарностью как первому читателю) и Марату Басырову (на долгую память). Но потом решил запрятать эти сантименты подальше, чтобы ненужный зевака, тот, что уже давно откинул томик с возгласами: «Исписался! Любой продавец сигарет может написать такое! Достаточно две недели заняться литературой и сделаешь не хуже!», даже не получил удовольствия покурахтаться и повозмущаться над этими строками. Кирилл мне очень помогает, моментально прочитывая свежие главы и давая напутствия. Что касается Марата — иногда, написав фрагмент, который отчасти удовлетворяет задуманному, особенно это касается тех мест, в которых сам Марат фигурирует, — так вот, я ездил поесть в столовую на скутере или шел искупаться на пляж и как будто почти слышал его одобрительную усмешку. А иногда ворчливый комментарий. Вот он — здесь. Он как оживший снимок, у которого можно спросить творческого совета, всегда со мной. Думаю, что отпущу его, когда допишу «Рутину», включая третий том. Но, возможно, книга «Год Буковски» поглотит все то, что должно включить в себя продолжение «Рутины», и третьего тома не будет. Неважно, главное разобраться с моделью ада, в которой (котором) мне по глупости довелось побывать несколько лет назад и в котором часть меня осталась навсегда. Описать его — что оставить ниточку и сделать движение двусторонним, а как будет называться текст — дело второстепенное.

Думаю, что недостатков и нестройности во второй части «Рутины» больше, чем в первой. В какой-то степени я пытаюсь ее причесать и снова ожидаю от вас, друзья, читающие это в предбумажной версии, правок и замечаний. Но большинство линий и персонажей так и останутся

полуживыми и пунктирными. Тот уродливый вид, в котором глава за главой книга приходила ко мне на протяжении этих двух месяцев, — когда я пытаюсь делать косметический ремонт, теряется смысл этого тома.

* * *

Решение вернуться к Оксане было постоянно рядом, наверное, поэтому я даже не предлагал ей развестись. У нее пару раз возник вопрос о разводе, на что я ответил что-то типа: когда немного отойдем. Иногда мы созванивались в скайпе, поделиться историями из наших дней, и, когда она пыталась втиснуть «я люблю тебя» на прощание, я старался оборвать звонок, не услышав этого. Я недоумевал над своими не сложившимися отношениями со школьницей — как так, я же почувствовал «то самое», но вот уже равнодушно отправил их в справочник своих маленьких интрижек, в эту пухлую позорную книгу. Хотя и есть небольшой рубец отличия: невозможность использовать воспоминания о поездке в Пермь для онанизма.

— У тебя такие нежные руки. Как будто ты совсем малыш.

— Это потому что я давно не работал руками.

Школьница трогала подушечки моих пальцев, гладила ладони. Мы растянулись на матрасе, я положил большой палец ей в рот, чтоб непрерывно ощущать пухлость губ, барахтаясь во взгляде гигантских глаз, пока сперма высыхает на ее впалом подростковом животе. Несколько дней оставили несколько образов, которые я, может, и увижу перед смертью, но все же не смогу на них передернуть.

Потом, когда все тексты альбома были написаны, а песни более-менее отрепетированы, появилась Биайна. Деловая красавица, секс с которой казался идеальным. Приехала на выходные из Москвы, а потом ждала меня

в Москве. Я общался с ней и понимал, что мы не пропадем вместе. Она сделает из меня человека, мы купим землю, и построим дом, и сможем плодиться, и ее энергии хватит. Но это было не то, и, даже когда на четвертый раз за сутки ее вагина была так же тесна и упруга, соски так же прекрасны, а волосы черны, я уже думал: как сейчас Оксана?

С первыми зимними заморозками с ней произошел эпизод. Она долго готовилась, выбрав предновогодний корпоратив как небольшую промежуточную цель в жизни. Шила красивое платье. У нее на работе был ебарь с заявкой на парня. Оксана сшила одно из лучших своих платьев, немного выпила и испытала чувство, будто бы пришла не на то представление. Казалось, что это просто какие-то чудики, картонки, комочки грязи прикидываются людьми. Раскрывают рты, кивают, кушают. Она стала брать еду руками, потом вытирать их о платье. Нагрубила паре сотрудников, а когда ебарь попытался понять, что с ней, и успокоить, вlepила ему пощечину. Оксана выпила еще и заблудилась. Наверное, она успела зайти домой и переодеться, потому что на улице была уже в футболке и джинсах, но уверяет, что холода не чувствовала. Оксана позвонила ТБ, своей лучшей подруге.

— Таня! Что делать? Заблудилась!

— Что вокруг тебя? Ты где?

— Везде! — орала Оксана, рыдая и смеясь.

Она не уверена, но, возможно, с кем-то переспала в ту ночь. Точно не с парнем с работы. А возможно, с ним и еще с кем-то. Она все это рассказывала мне по скайпу, и я уточнил:

— А что с ним не так? Думал, он тебе нравится.

— Нравится. Но не очень.

— Думал, для него ты решила нарядиться.

— Не знаю. Есть одна загвоздка. Может быть мужик каким угодно хорошим, остроумным, даже красивым.

Но если хуй у него не определенного размера. Если вы-глядит хуй не как на картинке из учебника. Так вот, тогда все остальное не имеет значения. Для меня мужик — это прежде всего хуй, — слышно было и слезы, и смех.

В тот вечер я сидел в Казани в ванной комнате, раз-глядывал собственный прибор. Ладно, если вопрос стоит так, почему бы не вернуться, пока я не успел причинить Биайне боль? Дам Оксане передышку.

Несколько месяцев я пытался жить только творчеством. Сделал упор на издательство, еще съездил в очередной тур. Но когда в туре восемь человек (два вокалиста, четыре музыканта, тур-менеджер и звукорежиссер), заработать сложно. Я задался целью не пить хотя бы год, и это сильно сэкономило средства. Спасало от лишних баб. Но ощущение, что скоро придется искать работу, заставляло лежать без сил в квартире на Академической и смотреть в потолок со страхом. Я просто не мог себе представить работу, ко-торая была бы мне по душе. Сниматься в кино? Нет, там слишком много желающих. Монтировать? Надоест че-рез неделю. Быть редактором? Надоест через две недели. Писать тексты за деньги? Надоест раньше, чем начнешь. Физический труд? Надоело, надоело. Склады надоели. Я перестал смотреть порнуху и мог поставить пистон раз в два дня, а иногда чаще. Оксана иной раз после этого раз-глядывала меня с мучительным выражением лица и на-зывала предателем.

Я осаживал ее:

— Сейчас-то все хорошо? Не ушел бы, и не ценила наши отношения.

Но хорошего было мало. Ночами я прикидывал, как бы все обстрелять так, чтобы все приняли мою смерть за несчастный случай. С другой стороны, какая разница? Прикончил человек себя, имел право. Иногда я думал,

что прыгну под поезд в метро. Но каждый раз сдерживался. Не то. Надо класть в карман паспорт, иначе мусора будут снимать отпечатки пальцев с моего изувеченного тела. Либо так, чтобы от тела совсем ничего не осталось — жерло вулкана бы подошло; или потеряться в лесу; либо совсем аккуратно — надеть шапочку и прострелить себе голову, как Ромен Гари. Грязи не хотелось. Без хлама, отформатировать жесткие диски и оставить четкие указания: зубы мудрости — пусть продаст Оксана, собрание сочинений Газданова — Косте, пусть прочитает; электронику — разьебать и выкинуть, авторские права запретить кому-то оформлять на себя, все тексты и книги — в свободный доступ. Вряд ли, конечно, на них будет какой-то спрос, но мало ли. Иногда, в насмешку над твоим трупом, тебя посмертно могут сделать культовым. Мне пришла идея, когда я пересматривал фильм «Таксист». Я вспомнил, что по легенде сценарист фильма Пол Шредер клал заряженный пистолет рядом с печатной машинкой, создавая образ главного героя. Это было его лекарством от потери вдохновения. Как только намечалась творческая заминка — прикладывать ствол к своему виску. Мне нужен был револьвер. Если я буду каждый день начинать с игры в русскую рулетку, то буду немного счастливее, буду ценить эти дни, зная, что смерть — это вопрос ближайшего будущего. Я связался с одним знакомым, и он сказал, что за определенную сумму достанет для меня револьвер.

— Скоро заработаю, — сказал я.

Но пока тяжело было даже дойти до стола. По чайной ложке начал перебирать вакансии. Просматривал несколько в день. Потом ходил по комнате, бездумно читал фрагменты книг. Все не то, слова утратили магию, песни перестали что-то значить. Но однажды наткнулся на объявление. Требуется редактор в компа-

нию «Эргосоло» — что за компания? Прошел на их сайт. Понятно, о чем речь, здорово. Когда мне было двадцать, я освоил курс «Соло на клавиатуре», чтобы быстро и всеми пальцами печатать на клавиатуре. Воспоминания об этой учебной программе у меня остались хорошие, несмотря на несколько сектантский оттенок лирических отступлений, которые делал автор курса между заданиями. Он был психолог, который нехитрыми инструментами, даже пошловато, погонял учеников к победе. Без этих отступлений программа была бы лучше. Но ладно, он был хорошим человеком, это чувствовалось, хоть и придурковатым. Звали автора Владимир Владимирович Шахиджанян, он также написал книгу «1001 вопрос про это», которую мы читали детьми, да и кучу всего переделал, даже, как гласила википедия, «занимался психологической адаптацией людей, поменявших пол». Теперь ему было за семьдесят, и он должен был стать моим новым начальником.

Позвонил я не сразу, мне понадобилось две недели, чтобы заставить себя набрать номер. Только чудом вакансия все еще была свободна. Встреча проходила в столовой офиса на Рижской. Помимо самого ВВШ, с нами сидел его заместитель с ноутбуком. Я с собой взял несколько книг, которые редактировал и издавал. Взял также свою последнюю и лучшую «Ни океанов, ни морей». Была и книга Лимонова, которую мы с Маевским издали (ее, впрочем, Шахиджанян взял кончиками пальцев и отложил от остальных).

— Мне нужен человек, — сказал мне этот совершенно седой армянский дедушка, — которому я бы смог доверить как редактору свою социальную сеть *набираем-ру*. Сейчас она выглядит не очень современно. Нужно придумать, как ее обновить, переименовать разделы. Также нужно будет делать рассылки от моего лица и от вашего,

Евгений Игоревич, и отвечать на письма. Если вы меня устроите как редактор, я дам вам полный карт-бланш и буду платить пятьдесят, а то и сто тысяч рублей в месяц.

— Да, я все это могу делать, — сказал я. — Я уже два года издаю книги, а пишу с детства. Также я могу обновить свои знания по «Соло на клавиатуре» и проконсультировать по программе. На испытательный срок хватило бы и сорока.

— Это мы решим, хорошо.

Он спросил, где я учился, чем занимался помимо издательства. Какую работу приходилось делать. Я на все отвечал честно, рассказал немного про фильмы, про съемки, про реп. Шахиджаниян попросил своего зама:

— Давайте проверим его.

Зам поковырялся в программе, протянул мне ноутбук. Это был тренажер, проверяющий мою скорость набора на клавиатуре. Слова появлялись на экране, я печатал. Печатал быстро, почти без ошибок. В это время Шахиджаниян взял мою книгу:

— Евгений Алексеевич, — обратился он к заму. — Какая страница?

Зам назвал страницу. Шахиджаниян открыл ее, протянул книгу заму, закрыл глаза. Зам начал читать спокойно, но с выражением. Чтец он был не очень опытный, но справлялся:

— *К ночи я был пьян как ноль. Нашел сигареты, когда-то оставленные гостями, курил, слушал музыку и барахтался на волнах интернета, как бухая рыба. Я и забыл, какое обостренное чувство одиночества дает отравление алкоголем. Просыпаешься утром — кусок оголенного провода, выброшенный на задворки жизни. Просто невозможно быть одному. Эрекция и желание быть любимым — жалобный стон, который хочется заглушить первыми попавшимися объятиями. Мне просто срочно нужно с кем-то поцеловаться.*

— Ой-ой, — сказал я, протягивая обратно ноутбук. — Не самое удачное место.

— Хороший результат, — сказал зам.

— Хорошо пишете, — сказал Шахиджян, проморгался и внимательно уставился на меня. — Приходите завтра. Только у меня вопрос. Вы, наверное, человек гордый? Дождались, пока деньги совсем не закончатся?

— Да нет. Пару недель еще протяну. Вообще не гордый.

— Говорите пара недель, в уме пара дней, не так ли? Евгений Алексеевич, выдайте Евгению Игоревичу аванс.

Я вышел на улицу с десятью тысячами рублей в кармане.

В те вечера мы с Оксаной садились за ноутбук и занимались изучением адобовского пакета. Она на работе распечатала учебники по фотошопу, индизайну и иллюстратору. Я решил начать с индизайна. До сих пор в нем плохо разбирался, хоть и верстал книги уже два года. Теперь я понял, что многое можно делать гораздо быстрее и проще. Понял, как ставить иллюстрации, примерно разобрался, как верстать газеты и журналы. По книгам выяснил, как правильно делать разделы и составлять содержание. Сноски раньше я тоже делал не совсем правильно. Потом приступил к фотошопу. Я просто возненавидел его, такой он был сложный. Но это был вызов. У меня была идея возродить давно заброшенный проект *Шляпа Шаляпина*, в котором мы с Костей должны были в ироничном ключе петь про еблю. Все то, чего не хватало *макулатуре*, нужно было высмеять здесь. Я даже придумал реперский знак: скрещиваешь руки на груди, подгибаешь безымянный и большой пальцы обеих рук, как бы показывая две буквы Ш, — визуальная шутка «два в мохнатку — один в шоколадку», это и есть смысл *Шляпы Шаляпина*.

*я эмоциональный урод как филип рот / внутри у меня
пустота как у филипа рта / мой компас всегда нацелен
на самку которая мне не дает / прочел все его книги но
мне не помог филип рот*

И вот уже неделю я пытался усадить Федора Шляпина и его лучшего друга Максима Горького на двойной велосипед. Сначала отрисовать их поверх фотографий, потом заменить на них спортсменов со спортивной афиши. Добавить красивую трафаретную надпись «Крузиз» — название будущего альбома.

Накануне первой смены в должности «редактор» я занимался обложкой, когда мне позвонил знакомый:

— Ну что, тебе надо? На следующей неделе будет возможность. Придержать для тебя?

— Я передумал.

— Передумал? Ладно. Отбой.

— Что ты передумал? — спросила Оксана.

— Мозги хотел себе вынести. Но передумал. Благодаря твоим учебникам. Посмотри, скоро у меня получится.

Она посмотрела и сказала:

— Да, *Шляпа Шляпина* будет твой лучший проект.

Потом немного подумала, посмотрела внимательно на меня.

— Ну и парень. Что у тебя там в башке вообще?

— Чаще всего я себя чувствую недоразвитым. Как будто у меня там такие большие белые блоки воздуха, — ответил я цитатой.

— Ладно, можешь не рассказывать, — махнула рукой Оксана как на дурачка.

Первым делом пришлось зарегистрироваться на *набираем-ру* под собственным именем, правдиво заполнить анкету. От этого я почувствовал легкую тошноту. Мне не

хотелось, чтобы личная информация висела в очередной социальной сети, не хотелось выполнять ежедневные задания: общаться с учениками и подписчиками сайта, развлекать их в прямых трансляциях, которые были обязательными по два часа за рабочую смену. Но в итоге именно этим и занимался, то есть почти никакой редакторской работы Шахиджаниян мне не давал, и я стал просто одним из операторов и сотрудников техподдержки. Отвечал на звонки и выполнял тупую работу. Создавал контент, писал в разных разделах, отвечал на вопросы в сети и по телефону.

Нет, я несколько дней пытался накидать свое видение. Что и как можно поправить, выписывал на листок пожелания, идеи, но Шахиджаниян их отвергал. Я предлагал переименовать разделы, например, «Поговорим?!» — это же колхоз какой-то, в таком разделе никогда не будет писать нормальный человек. Несколько завуалировать посты, которые пишут сотрудники, постараться рассылки сделать менее сектантскими. Где-то упразднить обращение по имени-отчеству, сделать более удобную навигацию по сайту.

— Очень интересные предложения. Очень талантливые. Но это будет уже не моя социальная сеть. Давайте думать еще.

Единственное, что меня отличало от других сотрудников, — иногда нужно было делать большие философские рассылки. От них Шахиджаниян, а в еще большей степени его зам приходили в восторг. Особенно если я перешагивал через себя и, мысленно вообразив своего приятеля Ашота, пулял мотивационный бред.

«Каждый из нас одновременно сидит на суку и пилит его», — так я начал одну из мотивирующих историй, которые рассылались десяти тысячам человек, часть из которых все-таки была ботами. В ответ я получил сотню писем, и нужно было ответить на все. Так проходили дни. Вы научитесь, дорогой друг, писал я. Печатать вслепую — лишь один из тысячи навыков, которые пригодятся

в жизни. Всего пять часов в день, и через три недели вы сами не поверите, как быстро и грамотно можно печатать. Пальцы будут стучать по клавишам как пальцы опытного пианиста. Вы будете писать быстро и много, как Дмитрий Быков, который, кстати, был учеником нашего создателя В. В. Шахиджания. Также учеником Шахиджания был замечательный писатель Александр Терехов. Если бы они в свое время не освоили курс «Соло на клавиатуре», вряд ли стали бы такими плодовитыми.

Тут были некоторые правила, которые поначалу смущали. Все сотрудники (а в основном нам было от двадцати до тридцати, редко кто старше) должны были называть друг друга по имени и отчеству. Нельзя было ругаться и материться на рабочем месте.

Письма, консультации, трансляции. Заодно я сам понемногу начал учиться вслепую печатать на английском языке. В выходные перепечатывал роман Джона Фанте в оригинале и тут же его переводил в соседнем окошке текстового редактора. Иногда приходилось выходить в ночную смену, и мне нравилось.

У нас не разрешалось курить, ведь одним из хобби (назвать это заработком никак нельзя, он брал всего тысячу рублей за это) моего нового босса было излечение от табачной зависимости. Он закрывался в кабинете с человеком, гипнотизировал его, потом шлепал по попе, и человек бросал курить. Если бы стало известно, что я покуриваю, пришлось бы пройти через такую процедуру. Но с курением у меня всегда были легкие отношения. Покурю две-три в день в течение месяца, потом на пару месяцев завяжу. Ночью, когда я был в офисе один, я брал с собой пару сигарет. Было приятно выйти на крыльцо, затянуться, помечтать, нарушить правила.

Возвращался в офис, сидел один, отвечал на редкие звонки, писал что-то в чат. Писал свои стихи, писал реп

для *Шляты Шаляпина*. Иногда я думал о том, чтобы опять уйти в запой.

В мае был запланирован небольшой тур с концертами: Минск, Петербург, Москва. У меня случилась бессонница, а феназепам с собой не было. В Петербурге перед концертом я решил, что сейчас сойду. Давление поднялось, началась паническая атака. Аккуратно, по стеночке, сходил в аптеку, пока музыканты чекались, купил затычки для ушей и андипал. Весь сэт выступал с затычками, старался пить больше воды. Звукорежиссер отстроил микрофон так, чтобы мне не приходилось сильно повышать голос. Когда все кончилось, вдруг опять почувствовал себя нормально. Просто казалось, что я пьян. Не спал уже часов шестьдесят, переезды, концерты, чемоданы книг. Мне нужно было срочно ложиться, но зачем-то я пошел гулять с девчонкой, красивой художницей. Было тепло. Мы целовались и пили чай из ее термоса. Я сказал, что готов сделать это даже в кустах, где угодно.

— Не получится, — сказала художница. Я потрогал ее за вагину и нащупал ниточку тампона.

Мы ходили за руку, целовались, пока она не сдалась. Я должен был ночевать у Валеры Айрапетяна, и пришлось разбудить его, чтобы он впустил нас в парадную — она закрывалась на ключ. Теперь Валера жил один, у него была своя комната в коммунальной квартире. Они разошлись с Магдаленой, но Валере остались долги по кредитам, взятым на ее театральные эксперименты, и разбитое сердце. Сейчас Валера спал с разными девушками, много работал, гулял, восстанавливался и переживал очередную молодость.

Он увидел, что я с девчонкой, и принялся чесать свою сонную, немного уже седую армянскую *tykvi*:

— Че делать-то с вами, сынок? Ты зачем привел девушку?

— Не волнуйся, мы в падике посидим до поезда.

Это была хорошая парадная, с коридором-курилкой, с высокими потолками. Мы с художницей поднялись на последний этаж по винтовой лестнице. Тут шел ремонт, было не очень чисто. Но она подложила какую-то картонку, оставленную строителями, встала на колени и достала мой хуй из штанов. На головке была кровавая мозоль.

— Что это с тобой?

— У меня бессонница. Всегда много дрочу, когда бессонница. Стер все к чертям.

— Какой ты страстный.

Она поцеловала рану, провела по ней языком, по всему хую, по залупе, опять по стволу и принялась аккуратно сосать. Я закрыл глаза, постоял немного так. Будто ничего нет, только это приятное ощущение. Почему-то первый минет всегда кажется таким освежающим, никогда до конца в него не веришь. Ничто не сравнится с этим чувством. Но так кончить не получится. Если смогу кончить, усну в «Сапсане». Потянул художницу, чтобы встала, поцеловал, развернул, поставил поудобнее. Пожала плечами, сказала «ну хорошо». Я достал кровавый тампон и завернул его во влажную салфетку. Шея художницы хорошо пахла, кожа была такая приятная, матовая. Грудь, как я люблю, не большая и не маленькая. Художница держалась за стену, зад смотрел на меня. Я медленно водил по кровавой вагине. «Она чернильница, — думал я, — и в то же время холст». Оказывается, дело не в алкоголе. Дело во мне. Могу изменить и без бухла. Мозг специально устроил эту бессонницу, чтобы втянуть меня в игру. В русскую рулетку я играю сейчас. Подвергаю смертельному риску не только себя, а человека, с которым живу. Моральный аспект — ерунда, у каждого мораль своя. Гигиенический аспект важнее. Даже если б жена была шлюхой, она бы подвергала меня меньшему риску, чем подвергаю ее я,

когда пихаю в менструальную кровь человека, с которым познакомился несколько часов назад. Художница застонала, схватил ее за красное мясо, размазал немного по своей морде. Оказался внутри, в особой, кровавой тесноте. Вот-вот в Петербурге начнется утро. Ноги мои подкашивались, колени дрожали, кислорода не хватало. Третья ночь без сна, в глазах мелькали фигурки уродливых призраков, возбуждение нарастало вместе со страхом. Мне не достает физической подготовки обслуживать этот идиотский орган. Я лишь оператор собственного полового хуя, не справляющийся с работой, такой неутомонной елде нужен атлет, а не писатель. Что толку от писателя. Сюда бы спортсмена. Художница уперлась руками в стену, оттолкнула зад на меня так, чтобы я уперся в дно. Схватил ее за бока и кончил.

— Спасибо, — сказал я, пытаюсь отдышаться. Я достал, замер. Мы пока не меняли позу. Она стояла, выгнувшись, как кошка, а я смотрел на вытекающую кровь со спермой по ноге.

— Тебе спасибо.

— Хорошая картина получилась.

Мы прибрались, оттерлись, застегнулись. Сели в курилке, допили чай. Вкусный зеленый чай без сахара, блестящая крышка термоса вместо кружки, пылинки кружатся в утреннем свете. Она достала салфетку и стерла кровь с моего лица. Мои джинсы тоже немного испачкались. Попытался их оттереть, но не вышло. Придется соврать, что на меня музыканты пролили вино.

* * *

Созрел через три месяца. Пришел в кабинет к Шахиджаняну и сказал:

— Я больше не могу.

— Что случилось?

— Хочу уволиться.

— Вам не нравится у нас?

— Мне нравится почти все. Но я ожидал все-таки, что буду работать редактором. К тому же я не могу вести эти трансляции. Понимаете, я могу общаться с людьми по настроению, читать что-то, отвечать на вопросы, рассказывать смешные истории. Но не когда это надо делать по графику, два часа в день.

— Вы могли бы оттачивать ваш актерский талант.

— Мне тяжело.

Шахиджанян встал. Он сказал:

— Мне тоже тяжело с вами. Я сразу знал, что будет так. Вам нужно заниматься другими вещами. Писать книги. Снимать кино. Не тратьте время на офисы.

— Когда-нибудь так и будет. Лет через десять.

— Ладно. Вы уходите, но у меня одно условие.

Шахиджанян повернулся к заму:

— Евгений Алексеевич. У нас есть сто тысяч наличкой?

— Должно быть, Владимир Владимирович.

— Условие мое такое. Вы уходите от нас. Но я даю вам в подарок сто тысяч рублей. Вы хотя бы какое-то время не будете работать, а будете писать книгу.

Таких подарков мне еще не делали. Я нахмурился:

— Это что еще за розыгрыш? Сейчас из шкафа вылезет ведущий?

Зам рылся по ящикам, собирая деньги.

— Возражения не принимаются, — сказал Шахиджанян. — Это подарок от меня. Я знаю, что вам нужны деньги. Может быть, вам хватит на два или три месяца. Сколько вам нужно, чтобы написать книгу?

Зам собрал пятитысячные купюры, но их было немного. Потом в ход пошли тысячные. Остатки он добирал уже сотками. Так что конверт получился довольно пухлым.

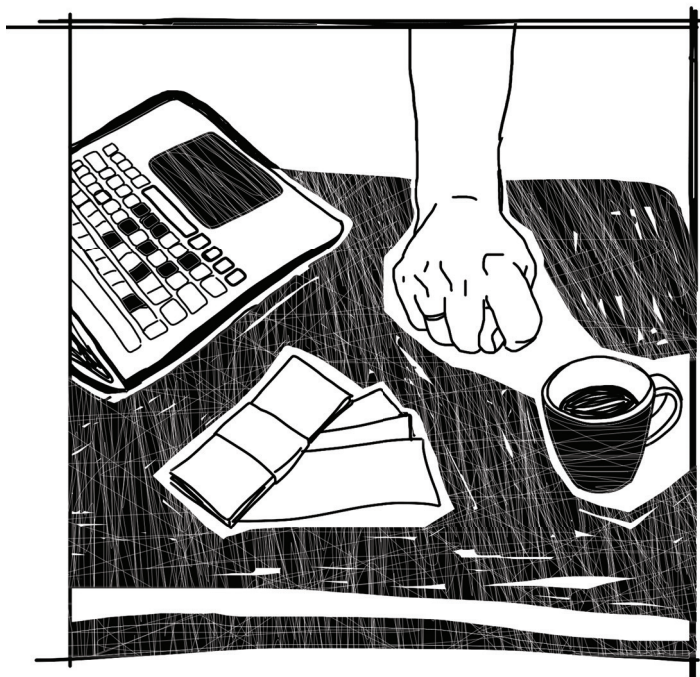
Шахиджаниян подошел ко мне, пожал руку и пихнул конвертом в сумку.

— Возражения не принимаются.

— И когда я должен отдать?

— Никогда.

У нас было две комнаты. Но вторая использовалась как кладовая. Оказавшись дома, зашел туда. Да, можно было немного прибраться и освободить заваленный письменный стол. Почему я раньше этого не сделал? Вот Оксана удивится, когда вернется с работы. Я разгреб завалы, стал устраивать себе кабинетик. Открыл ящик стола. Нет, не подходит. Конверт должен лежать где-то на полке. Чтобы я отрывался от клавиатуры, смотрел на него, потом продолжал писать. Пара часов, тряпка, ведро; отмыл окно, разложил книги. Переложил старую пыльную технику, ковры, обломки кресел, кривой торшер, бухгалтерские книги, пыльные словари — все местное барахло в одной половине комнаты. Вторая половина — мое рабочее пространство. Я сел на стул и примерился. Вот он, конверт, нужно вскрыть его, чтобы видеть края купюр. Что за аванс, никогда у меня не было такой суммы наличкой, но это же просто бумага. Размял пальцы, потер уши, помассировал голову и затылок. Досчитал от ста до единицы, попробовал произнести алфавит задом наперед. Открыл чистую страницу редактора и вывел последние слова, пронявшие меня. Это было напутствие моего уже бывшего начальника, избавленное от идиотского «вы». Маленький ключ к свободе: *никогда не делай за деньги то, чего не стал бы делать бесплатно.*

КОНЕЦ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

редактор — *Илья Леутин*
корректор — *Ирина Семашкова*
обложка, иллюстрации, верстка — *Юлана Цуцура*
(по макетам *Вовы Седых*)

в тексте сохранены некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации

Независимое издательство «Ил-music»
Заказать эту и другие книги можно здесь:
<https://vk.com/makulaturabrat>